

БУДУЩЕЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ – 2021

Материалы XV Всероссийской
научно-практической
конференции с международным
участием (3–4 июня 2021 г.)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

БУДУЩЕЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ – 2021

Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием (3–4 июня 2021 г.)

THE FUTURE OF CLINICAL PSYCHOLOGY – 2021

Materials XV All-Russian Scientific and Practical Conference
with International Participation (June 3–4, 2021)

Пермь, 2021

УДК 159.9: 616.89

ББК 88.4

Б903

Будущее клинической психологии – 2021 = The Future of
Б903 Clinical Psychology – 2021 / [Электронный ресурс]: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с междунар. участием (3-4 июня 2021 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. – Вып. 15. – 1,67 Мб ; 214 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/budushee-klinicheskoy-psihologii-2021.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3688-4 (вып. 15)

ISBN 978-5-7944-1593-3

В сборнике представлены результаты последних исследований в области клинической психологии и смежных с ней дисциплин. Статьи освещают актуальные проблемы современной клинической психологии. Особое внимание уделяется прикладным аспектам работы клинического психолога. Адресован психологам, клиническим психологам и специалистам, работающим в смежных областях.

The results of current research works in a field of clinical psychology are presented. Articles tell us about actual problems of clinical psychology. The special attention to the applied aspects of clinical psychologist's work is spared.

УДК 159.9: 616.89

ББК 88.4

*Издается по решению кафедры общей и клинической психологии
Пермского государственного национального исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-3688-4 (вып. 15)

ISBN 978-5-7944-1593-3

© ПГНИУ, 2021

Гурова Ольга Валерьевна,
кандидат психологических наук, доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь
e-mail: ovgurova@yandex.ru

Иванов Андрей Иванович,
начальник отдела по работе с личным составом
Муниципальный отдел МВД России «Кунгурский»
г. Кунгур
e-mail: kungurivanov79@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются теоретические подходы к исследованию феномена профессиональной компетентности и ее компонентов, раскрывается структура психолого-педагогической компетентности руководителя органов внутренних дел. Актуализируется проблема формирования психолого-педагогической компетентности в процессе профессиональной подготовки руководителя. Представлен системный анализ феномена, позволяющий выработать алгоритм формирования психолого-педагогической компетентности руководителя органов внутренних дел и выделить основные аспекты программы профессиональной подготовки: гностический, коммуникативный и аутопсихологический.

Ключевые слова: психолого-педагогическая компетентность, профессиональная компетентность руководителя, руководитель органов внутренних дел, профессиональная подготовка сотрудников.

Gurova Olga Valerevna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm
e-mail: ovgurova@yandex.ru

Ivanov Andrey Ivanovich,
Head of the personnel department
Department of MIA of Russia "Kungurski"
Kungur
e-mail: kungurivanov79@gmail.com

TO THE PROBLEM OF FORMING THE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL COMPETENCE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES HEAD

Abstract. The article discusses and analyzes theoretical approaches to the study of the phenomenon of professional competence and its components, reveals the structure of the psychological and pedagogical competence of the head of the internal affairs bodies. Actualized the problem of formation of psychological and pedagogical competence in the process of professional training of the head. The article presents a systematic analysis of the phenomenon, which allows us to develop an algorithm for the formation of psychological and pedagogical competence of the head of the internal affairs bodies and to identify the main aspects of the professional training program: gnostic, communicative and autopsychological.

Keywords: psychological and pedagogical competence, professional competence of the head, head of internal affairs bodies, professional training of employees.

Формирование профессионального мастерства руководителя – актуальная задача для правоохранительной системы Российской Федерации и в то же время проблема, требующая инновационных решений при реализации гуманистической психолого-педагогической парадигмы, что вызывает необходимость трансформации форм и методов профессиональной подготовки.

Готовность будущего руководителя органов внутренних дел к организационной и управленческой деятельности предполагает обеспечение фундаментализации психолого-педагогических знаний в единстве с практической подготовкой.

В исследованиях Н.В. Сердюк отмечается значимость осмысления отдельных частей какого-либо явления для уяснения его в целом, а также представление о смысле целого для осознания его конструктов. Герменевтический анализ профессиональной деятельности руководителя органов внутренних дел позволит выделить операциональный или технологический аспект. В качестве конструктивных элементов педагогической технологии руководителя можно определить: организацию и регулирование педагогического процесса в подразделении в целом; актуализацию потребности к самосовершенствованию у сотрудников, педагогическое общение с ними и др. Педагогическая технология руководителя должна иметь целью построение и упорядочение всех условий педагогического процесса в учреждении и, по возможности, исключать использование в практике педагогического эксперимента. Руководителю ОВД необходимо добиться гарантированного и воспроизводимого результата, что достигается только путем предварительного проектирования педагогического процесса [9].

Феномен психолого-педагогической компетентности является предметом научных изысканий педагогики, акмеологии, социальной психологии, психологии труда и др. Существуют исследования, раскрывающие отдельные элементы психолого-педагогической компетентности: педагогической техники, в основном касающиеся задач по развитию речи (Б. Блюм, Д. Брунер, Д. Гильфорд, Н.Е. Щуркова, Т.Н. Кузнецова и др.), регулирования сотрудником эмоционального состояния (В.Ф. Родин, Р.М. Воронин, А.В. Новиков). Однако данные исследования не предоставляют возможности восполнить пробелы в комплексном понимании проблемы формирования психолого-педагогической компетентности будущего руководителя ОВД. Мы не имеем специальных трудов, раскрывающих сущность педагогической техники руководителя ОВД в системе координат «герменевтического круга» [9] и взаимосвязи между процессами формирования профессиональной готовности и психолого-педагогической компетентности будущего руководителя.

В настоящее время существует потребность в обосновании системы педагогических условий, обеспечивающих эффективность

формирования психолого-педагогической компетентности руководителя ОВД и выработке алгоритма обучения сотрудников. Так, существует противоречие между требованиями к обновлению системы подготовки кадров на выдвижение на руководящие должности и объективной ситуацией.

Компетентность как характеристика личности, владеющей механизмами гармонизации процесса осознания социальных проблем [2], как система знаний, умений, навыков, способов реализации деятельности [6] является профессионально значимой характеристикой, критерием, измеряющим продуктивность активности личности и требованием к современному руководителю [4].

Анализ исследований, касающихся психолого-педагогической компетентности, позволяет связать данный феномен со способностью руководителя управлять сложными системами, с субъектностью личности [1], навыками социального взаимодействия [2], способностью мотивировать на личностный рост подчиненных [7, 9]. Сущность феномена психолого-педагогической компетентности раскрывается с акцентом на: способностях, определяющих уровень функционирования личности, свойствах, отражающих ее субъектные качества [1, 2], направленность личности [8], владение педагогическими технологиями воспитания и обучения [3, 6].

Так, в изученных нами трудах ученых представлен анализ компетентности и ее осмысления: социального (А.В. Брушлинский) [2], личностного (А.К. Маркова) [8], аутопсихологического (А.А. Бодалев) [1], профессионального (Э.Ф. Зеер) [6]. Трактовка понятия находится в диапазоне от его буквального прочтения как комплекса знаний, умений, навыков до акмеологического раскрытия – вершины личностных смыслов. Исходя из вышеизложенного, психолого-педагогическая компетентность руководителя органов внутренних дел может быть определена как интегративное качество, наделяющее личность статусом конкурентоспособного профессионала и харизматического лидера, что позволяет ему получать удовлетворение от деятельности, общения, насыщенности и осмысленности бытия.

Систему психолого-педагогической компетентности можно представить, как структурную целостность трех элементов: теоретического, практического и личностного. И, исходя из данной структуры, описать: *теоретический* конструкт как гностический элемент компетентности, включающий профессиональную подготовленность

в целом (ориентация в условиях сложной оперативной обстановки; принятие решений, способность действовать и организовывать подчиненных сотрудников в чрезвычайной ситуации; решать профессиональные проблемы, прогнозировать перспективы собственного развития и подчиненных; *практический* конструкт, включающий коммуникативные характеристики: умение использовать психолого-педагогические знания во взаимодействии со всеми субъектами, интерпретировать поведение, подбирать адекватные стратегии взаимодействия в соответствии с психическим состоянием, индивидуально-личностными особенностями, педагогически грамотно воздействовать на сотрудников; *личностный* конструкт (аутопсихологический) как способность сотрудника осознавать свое «Я», оценивать свои поступки через призму соответствия морально-нравственным нормам, рефлексировать, адекватно реагировать в стрессовой ситуации, противодействовать профессиональной деструкции [4, 5].

От поведения руководителя в целом и от его ежедневных эмоциональных реакций зависит не только качество деятельности, но и социально-психологический климат в подразделении, психическое состояние сотрудников и их физическое здоровье. Уход от стереотипного мышления и шаблонного воспроизведения действий руководителей предыдущего поколения позволит выйти на новый уровень профессиональной деятельности. Овладение техниками профессионального самосохранения и педагогического мастерства позволит руководителю избежать профессионального выгорания, негативных психосоматических явлений, достичь «акме», получать удовольствие от деятельности и транслировать позитивное восприятие себя и окружающего мира подчиненным, мотивировать их на самовоспитание и личностное развитие.

Таким образом, системный анализ феномена психолого-педагогической компетентности позволяет определить структуру программы профессиональной подготовки сотрудников: гностический, коммуникативный и аутопсихологический аспекты [5] и дает возможность разработать алгоритм формирования психолого-педагогической компетентности руководителя органов внутренних дел.

Список литературы

1. Бодалев А.А. Акмеология: Настоящий человек. Каков он и как им становятся? [Текст] / А.А. Бодалев, Н.В. Васина. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. – 223 с.

2. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение: Избранные психологические труды [Текст] / А.В. Брушлинский. – 3-е изд., стер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. – 408 с.

3. Губанова Л.В. Преподаватель иностранного языка как практический психолог. Психологическое обеспечение деятельности [Текст] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 106–124 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tverlingua.ru> (дата обращения: 02.05.2021).

4. Гурова О.В. К проблеме формирования психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций [Текст] // IV международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление". Сборник тезисов выступлений и докладов участников, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России, В 10 Т. – 2019. – С. 166-170.

5. Гурова О.В. Психологическая компетентность сотрудников уголовно-исполнительных инспекций: сущность и алгоритм формирования [Текст] // Гуманизация образования – Сочи, 2019 – № 4. – С. 55-64.

6. Зеер Э.Ф. Психология профконсультирования: метод. пособие [Текст] / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк. – М.: Издательский центр «Академия», 2014 – 224 с.

7. Кононенко И.М., Ильязова М.Д. Социально-психологическая компетентность как элемент модели выпускника вуза [Текст] // Вестник АГТУ. 2005. №5 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-kompetentnost-kak-element-modeli-vypusknika-vuza> (дата обращения: 02.05.2021).

8. Маркова А. К. Психология профессионализма [Текст]. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 312 с.

9. Сердюк Н.В. Педагогика понимания в органах внутренних дел: Учебное пособие [Текст] / Н.В.Сердюк. – М.: Академия управления МВД России, 2013. – 74 с.

Солодухин Антон Витальевич,

*кандидат психологических наук, младший научный сотрудник
Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний*

г. Кемерово

e-mail: mein11@mail.ru

Помешкина Светлана Александровна,

*доктор медицинских наук, заведующая лабораторией
Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний*

г. Кемерово

Ляпина Ирина Николаевна,

*кандидат медицинских наук, научный сотрудник
Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний*

г. Кемерово

e-mail: zavirina@mail.ru

Яницкий Михаил Сергеевич,

*доктор психологических наук, директор Социально-психологического
института*

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово

ru

ЧАСТОТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЛОЖЕНИЯ ПО ДИСТАНЦИОННОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ У ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ ОПЕРАЦИЮ НА ОТКРЫТОМ СЕРДЦЕ, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ

Аннотация. Для профилактики психоэмоциональных нарушений после перенесенных операций на сердце специалистами по реабилитации НИИ КПССЗ была разработана программа «Дистанционной реабилитации пациентов, перенесших операцию на сердце». Целью исследования стала оценка связи показателей внутренней картины болезни и частоты использования данной программы пациентами. Для этого с помощью тестовой методики ТОБОЛ было обследовано 46 пациентов, перенесших кардиохирургическое лечение в НИИ КПССЗ. На 2–3 день после перенесенного оперативного вмешательства на сердце пациенту на смартфон устанавливалось мобильное приложение по дистанционной реабилитации. Через 4 месяца была проведена оценка связи показателей внутренней картины болезни с частотой использования программы дистанционной реабилитации пациентами. По результатам корреляционного анализа обнаружена положительная связь показателей эргопатического ($p=0,04$) и анозогностического ($p=0,001$) варианта внутренней картины болезни и количества заходов в программу дистанционной реабилитации. Выявлена отрицательная связь дезадаптивных меланхолического ($p=0,02$) и дисфорического ($p=0,04$) варианта внутренней картины болезни с частотой использования программы дистанционной реабилитации. Таким образом, преобладание у пациентов меланхолического и дисфорического варианта внутренней картины болезни может являться риском отказа пациента от участия в дистанционной реабилитации с помощью мобильного приложения, что требует проведения с ними дополнительных психопрофилактических мероприятий.

Ключевые слова: дистанционная реабилитация, мобильное приложение, внутренняя картина болезни, кардиологические заболевания, операция на сердце.

Solodukhin Anton Vitalevich,
Candidate of Psychology (PhD), Researcher
Kuzbass Cardiology Center
Kemerovo
e-mail: mein11@mail.ru

Pomeshkina Svetlana Aleksandrovna,
Doctor of Medicine, Head of laboratory
Kuzbass Cardiology Center
Kemerovo
e-mail: swetlana.sap2@mail.ru

Lyapina Irina Nikolaevna,
Candidate of Medicine (PhD), Researcher
Kuzbass Cardiology Center
Kemerovo
e-mail: zaviirina@mail.ru

Yanitskiy Mikhail Sergeevich,
Doctor of Psychology, Head of Institute of Social Psychology
Kemerovo State University
Kemerovo
e-mail: direktorspi@kemsu.ru

FREQUENCY OF USE OF THE APP FOR REMOTE REHABILITATION IN PATIENTS UNDER OPEN CARDIAC OPERATION, DEPENDING ON THE FEATURES OF THE ATTITUDE TO ILLNESS

Abstract. For the prevention of psychoemotional disorders after heart surgery, rehabilitation specialists from the Federal State Budgetary Institution “Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases” have developed a program "Remote rehabilitation of patients who have undergone heart surgery." The aim of the study was to assess the relationship between indicators of the attitude to illness and the frequency of using this program by patients. For this purpose, 46 patients were examined according to the TOBOL method. On the 2-3rd day after the heart surgery, a mobile application for remote rehabilitation was installed on the

patient's smartphone. After 4 months, the relationship between the indicators of the attitude to illness and the frequency of using the remote rehabilitation program by the patients was assessed. According to the results of the correlation analysis, a positive relationship was found between the indicators of the ergopathic ($p = 0.04$) and anosognosic ($p = 0.001$) variants of the attitude to illness and the number of visits to the remote rehabilitation program. A negative relationship was found between maladaptive melancholic ($p = 0.02$) and dysphoric ($p = 0.04$) variants of the attitude to illness with the frequency of using the remote rehabilitation program. Thus, the predominance of melancholic and dysphoric variants of the attitude to illness in patients may be a risk of the patient's refusal to participate in remote rehabilitation using a mobile application, which requires additional psycho-preventive measures with them.

Keywords: remote rehabilitation, mobile application, attitude to illness, cardiac diseases, heart surgery.

Профилактика психологических нарушений у пациентов, страдающих сердечно-сосудистой патологией, является одной из основных целей кардиореабилитации, которая является важным этапом лечения пациентов после операций на открытом сердце [1]. Низкая доступность кардиореабилитации для пациентов способна привести к дезадаптации пациента на послеоперационном этапе и формированию негативного отношения к своему состоянию и болезни [2, 3]. Ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 и высокий риск психоэмоциональных нарушений у кардиологических пациентов привели к необходимости разработки новых дистанционных способов реабилитации пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. В условиях сложившейся эпидемиологической ситуации для увеличения доступности медицинской помощи и профилактики психоэмоциональных нарушений после перенесенных операций на сердце специалистами по реабилитации НИИ КПССЗ г. Кемерово была разработана и запатентована программа «Дистанционной реабилитации пациентов, перенесших операцию на сердце» (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2020617994 от 06.07.2020) [4]. Однако до сих пор недостаточно изучены закономерности между психологическими особенностями пациентов до проведения оперативного вмешательства и их дальнейшей приверженностью к участию в программах дистанционной реабилитации.

Целью исследования стала оценка взаимосвязи показателей внутренней картины болезни и частоты использования программы дистанционной реабилитации у пациентов, перенесших операцию на открытом сердце.

Для этого в программу дистанционной реабилитации было включено 46 пациентов, перенесших кардиохирургическое лечение в НИИ КПССЗ. Из них 22 пациента со стабильной ишемической болезнью сердца, перенесших операцию коронарного шунтирования в условиях искусственного кровообращения, и 24 пациента после хирургической коррекции приобретенных пороков сердца в условиях искусственного кровообращения.

Критериями включения являлись информированное и добровольное согласие пациента на участие в исследовании. На 2–3 день после оперативного вмешательства каждому пациенту оператором на смартфон устанавливалось приложение по дистанционной реабилитации, которое состояло из 5 разделов: Дозированная ходьба, Лечебная гимнастика, Диета, Психология и Чат. С каждым пациентом до выписки из стационара проводилось 3 занятия общей продолжительностью 5–6 академических часов. Первое занятие включало ознакомление пациента с приложением и его основными разделами. Второе занятие проводилось врачом по лечебной физической культуре и включало обучение пациента системе восстановительных упражнений, дыхательной гимнастике, оценке своего физического состояния, измерению и внесению показателей в приложение. На третьем занятии с пациентом проводилась лекция по снижению послеоперационных факторов риска и проверка навыков работы с приложением. Для определения психологических параметров внутренней картины болезни на дооперационном этапе применялась тестовая методика ГО-БОЛ (А. Е. Личко) [5]. Через 4 месяца после включения в программу реабилитации была проведена оценка частоты использования основных разделов приложения: «Дозированная ходьба», «Лечебная гимнастика» и «Чат» и анализ их корреляционной связи с показателями внутренней картины болезни.

Для проведения статистического анализа применялось программное обеспечение Statistica 10.0. Для оценки связи параметров внутренней картины болезни и частоты использования программы дистанционной реабилитации применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистически значимыми признавали значения $p \leq 0,05$.

По результатам проведения корреляционного анализа обнаружена положительная связь показателей адаптивных эргопатического ($r=0,42$; $p=0,04$) и анозогнозического ($r=0,49$; $p=0,001$) варианта внутренней картины болезни и количества заходов в программу дистанционной реабилитации. Выявлена отрицательная связь дезадаптивных меланхолического ($r= -0,34$; $p=0,02$) и дисфорического ($r= -0,32$; $p=0,04$) варианта внутренней картины болезни с частотой использования программы дистанционной реабилитации.

Таким образом, определение ведущего типа внутренней картины болезни на этапе подготовки к оперативному вмешательству позволяет выявить пациентов, которые в силу психологических особенностей могут отказаться от прохождения курса дистанционной реабилитации с помощью мобильного приложения. Благодаря представленным данным можно своевременно провести психокоррекционную работу у пациентов с преобладанием на дооперационном этапе меланхолического и дисфорического типа внутренней картины болезни, направленную на повышение мотивации к участию в программах дистанционной реабилитации.

Список литературы

1. Ribeiro, G. S., Melo, R. D., Deresz, L. F., Dal Lago, P., Pontes, M. R., Karsten, M. (2017). Cardiac rehabilitation programme after transcatheter aortic valve implantation versus surgical aortic valve replacement: Systematic review and meta-analysis. *European journal of preventive cardiology*, 24(7), 688-697.

2. Солодухин, А. В., Трубникова, О. А., Яницкий, М. С., Серый, А. В., Барбараш, О. Л. (2017). Клинико-психологическая характеристика пациентов с ИБС перед подготовкой к коронарному шунтированию в зависимости от их психоэмоционального статуса. *Лечащий врач*, 11, 76-76.

3. Spiroski, D., Andjić, M., Stojanović, O. I., Lazović, M., Dikić, A. D., Ostojić, M., Lović, D. (2017). Very short/short-term benefit of inpatient/outpatient cardiac rehabilitation programs after coronary artery bypass grafting surgery. *Clinical cardiology*, 40(5), 281-286.

4. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2020617994. Дистанционная реабилитация пациентов, перенесших операцию на сердце / Зверева Т.Н. (RU), Барбараш О.Л.

(RU), Видяева Н.Г. (RU), Галичев К.В. (RU), Полковникова Е.В. (RU), Помешкина С.А. (RU), Солодухин А.В. (RU), Таран И.Н. (RU); правообладатель: федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний» (RU). Заявка №2020617074 заявл. 06.07.2020, дата государственной регистрации в Реестре программ для ЭВМ 15.07.2020

5. Карпова, Э. Б., Вассерман, Л. И., Иовлев, Б. В., Вукс, А. Я. (2014). Психологическая диагностика типов отношения к болезни. Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности (стр. 260-298). [VI.3.] Скифия-принт.

*Глинкина Любовь Сергеевна,
аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург
e-mail: gsluba@yandex.ru*

*Василенко Виктория Евгеньевна,
кандидат психологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург
e-mail: v.vasilenko@spbu.ru*

ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСНЫХ И СТРЕССОВЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ТИПА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В РАННЕМ ВЗРОСЛОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. Из-за текущих изменения в области индустрии компьютерных игр мы наблюдаем устаревание их классификаций. В данном исследовании мы исследовали взаимосвязь между кризисным переживаниями, повседневными стрессами и жанровыми предпочтениями по современной классификации О. А. Попова, основанной на способности игрока принимать моральные решения и наличии игрового персонажа в игре. Испытуемыми были 90 молодых людей (средний возраст = 26,1 года; диапазон 19-30 лет). Результаты ANOVA показали различия в уровнях кризисных переживаний, повседневных стрессоров и стрессоустойчивости между людьми, предпочитающими различные типы игр.

Ключевые слова: ранняя взрослость, кризисные переживания, повседневный стресс, эмоциональное состояние, компьютерные игры.

Vasilenko Viktoriya Evgenevna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
St. Petersburg State University
St. Petersburg
e-mail: v.vasilenko@spbu.ru

Glinkina Lyubov Sergeevna,
postgraduate student
St. Petersburg State University
St. Petersburg
e-mail: gsluba@yandex.ru

THE EXPRESSION OF CRISIS AND STRESSFUL EXPERIENCES IN RELATION TO TYPE OF COMPUTER GAME PREFERENCES IN EARLY ADULTHOOD

Abstract. With the recent changes in the field of the computer-game industry, we witness obsolescence in their classifications. In this study, we examine the relationship between crisis experience, daily stress, and genre preferences of modern O. A. Popov's classification based on the ability of the player to make moral decisions and the presence of the playable character in the game. Subjects were 90 young adults (mean age = 26,1; range 19–30 years). ANOVA results indicated mean differences in levels of crisis experience, daily hassles and stress tolerance between people preferring different types of games.

Keywords: early adulthood, crisis experiences, daily stress, emotional state, computer games.

За последние годы компьютерные игры (КИ) стали крупнейшей отраслью индустрии досуга[1]. Создано множество классификаций КИ, однако, есть мнение, что на сегодняшний день многие из них устарели по причине качественного прогресса КИ индустрии, что нельзя сказать о классификации О.А. Попова[2], в основу которой положено два измерения-основания: наличие или отсутствие в игре морального выбора (ИСМВ и ИБМВ) и наличие или отсутствие персонажа (ИСП и ИБП).

По данным исследования В.Л. Малыгина, Н.С. Хомерики, А.А. Антоненко[3] увлеченность КИ связана с дезадаптацией, а та в свою

очередь является одним из симптомов наличия психологического кризиса.

Цель нашего исследования – изучить выраженность кризисных и стрессовых переживаний в период ранней взрослости в зависимости от предпочтения типов компьютерных игр.

В исследовании приняли участие 90 человек в возрасте от 19 до 30 лет (средний возраст 26,1 год), из них 46 мужчин, 40 женщин и 4 отметивших свой пол как «другой». Все респонденты сообщили, что они имеют опыт КИ активности. В качестве методов исследования респондентам посредством электронной формы, написанной специально для этой цели, был предъявлен ряд методик:

Авторская анкета с рядом вопросов об игровой активности и предпочтениях в КИ;

Анкета кризисных переживаний для периода ранней взрослости Манукян В.Р.;

Самооценка эмоциональных состояний Уэссмана А., Рикса Д.;

Шкала устойчивости к источникам стресса Распопина Е.В.;

Опросник повседневных стрессоров Петраш М.Д., Стрижицкой О.Ю., Головей Л.А., Савеньшиевой С.С.

Вопросы о предпочтениях определенного типа игр были представлены в виде ранжирования GIF-изображений. Видеофрагменты были созданы отображающими особенности геймплея игры, при этом мы минимизировали возможные искажения: изображения предъявлялись в отличном по типу игр порядке, а цветовая гамма внутри вопросов была идентична. Предпочтения определялись по количеству баллов, полученных каждым типом игр. Люди, не определившиеся в своих предпочтениях, из дальнейшего анализа исключались.

В итоге респонденты распределились следующим образом:

85 человек определились в своем выборе игр по наличию/отсутствию персонажа. Из них 39 женщин (23 ИСП и 16 ИБП) и 42 мужчины (27 ИСП и 15 ИБП);

75 человек определились в своем выборе игры по наличию/отсутствию морального выбора. Из них 32 женщины (20 ИСМВ и 12 ИБМВ) и 43 мужчины (40 ИСМВ и 3 ИБМВ), поэтому провести полный анализ данного распределения не представляется возможным по причине ожидаемых искажений из-за наличия гендерных различий.

Проведенное исследование выявило нормальное распределение данных в среде играющих, при этом средний уровень кризисных

переживаний соответствует 35,6% выраженности, а главным элементом кризиса является переживание биографического кризиса (44,4%). Эмоциональное состояние респонденты оценивают в среднем на 22,8 баллов из 40. Главные повседневные стрессоры: финансы (47,5%), общее самочувствие (33,3%) и профессиональная деятельность (32,1%), средний уровень общей стрессоустойчивости 126,8 баллов («ниже среднего»).

Рассмотрим результаты сравнения групп по критерию наличия персонажа. На общей выборке (без деления по полу) в первую очередь, у людей, предпочитающих ИСП, сильнее выражены кризисные переживания. Это находит отражение как в более высоком общем уровне переживаний ($p < 0,1$), так и в более выраженном ощущении бесперспективности ($p < 0,05$). На уровне тенденции ($p < 0,1$) также более выражено ощущение биографического кризиса.

На эмоциональном уровне люди, предпочитающие ИСП, чаще испытывают ощущение беспомощности ($p < 0,05$). Они также отмечают больше стрессовых переживаний, источником которых является их непосредственное окружение ($p < 0,1$).

Стрессоустойчивость у людей, предпочитающих ИСП, является более низкой, чем у людей, предпочитающих ИБП. Это проявляется не только на общем уровне ($p < 0,05$), но и во всех элементах системы стрессоустойчивости: в восприятии себя, в восприятии среды, в восприятии людей вокруг ($p < 0,05$). Оценки у этих респондентов являются более стрессогенными.

Дальнейший анализ показал, что сходные картины наблюдаются и в выборках, разделенных по полу. У женщин, предпочитающих ИСП, более выражены кризисные переживания бесперспективности ($p < 0,01$) и общий показатель биографического кризиса ($p < 0,05$). При этом общий уровень кризиса не показал статистически значимых различий. У мужчин значимых различий ни по одному показателю кризисных переживаний не обнаружено.

Женщины, предпочитающие ИСП, ощущают себя более беспомощными ($p < 0,1$), у мужчин нет различий.

Также женщины, предпочитающие ИСП, имеют более низкий уровень стрессоустойчивости по всем шкалам ($p < 0,05$). Эта группа женщин отмечает наличие большего количества повседневных стрессоров со стороны переживания чувства одиночества ($p < 0,05$) и со стороны семьи ($p < 0,1$). У мужчин различий в стрессоустойчиво-

сти и выраженности повседневных стрессоров по критерию персонажа не обнаружено.

В результате неравномерности распределения в выборке мужчин по критерию морального выбора, нами был проведен дисперсионный анализ показателей лишь женской части выборки.

Обнаружено, что у женщин, выбирающих ИСМВ, выше уровень кризисных переживаний. Это проявляется как в суммарном уровне кризисных переживаний ($p < 0,1$), так и в ощущении кризиса бесперспективности ($p < 0,05$), общепсихологическом ощущении кризиса ($p < 0,05$), и в признаках биографического кризиса ($p < 0,1$).

Также у женщин, предпочитающих ИСМВ, уровень самооценок эмоционального состояния ниже: они более беспомощны ($p < 0,05$) и тревожны ($p < 0,1$), менее устойчивы к стрессу как на общем, так и на частных уровнях ($p < 0,01$).

Женщины, предпочитающие ИСМВ, отмечают большее количество переживаний, связанных со стрессорами из области профессиональной деятельности ($p < 0,05$).

Таким образом, в исследовании было показано, что у людей, выбирающих различные типы игр, имеется определенная психологическая специфика. Люди, которые предпочитают ИСП и ИСМВ предстают как более уязвимые для стрессов с психологической точки зрения и более интенсивно переживающие кризис ранней взрослости.

Список литературы

1. Witkowski W. Video games are a bigger industry than movies and North American sports combined, thanks to the pandemic // MarketWatch. MarketWatch, December. – 2020. – Т. 22.

2. Попов О. А. Новая классификация компьютерных игр // URL: <http://psystat.at.ua>. – 2009.

3. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – N 7(30). – С. 7.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-313-90039.

УДК 159.923

Зеленова Марина Евгеньевна,
кандидат психологических наук, научный сотрудник
Институт психологии РАН
г. Москва
e-mail: mzelenova@mail.ru

Лекалов Александр Анатольевич,
заведующий психофизиологической лабораторией
ГВКГ им. академика Н.Н. Бурденко
г. Москва
e-mail: lekalov.aleksandr2011@yandex.ru

Лим Владимир Станиславович,
кандидат медицинских наук, директор филиала № 1
ГВКГ им. академика Н.Н. Бурденко
г. Москва
e-mail: 7cvkag@mail.ru

Костенко Елена Валерьевна,
клинический психолог
ГВКГ им. академика Н.Н. Бурденко
г. Москва
e-mail: costenko.lena@yandex.ru

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИТИКИ ЛЕТЧИКОВ

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение индивидуально-типологических особенностей, способствующих сохранению профессионального здоровья летчиков. Психологическое тестирование осуществлялось в процессе плановой врачебно-лётной комиссии и включало диагностику уровня стресса и психической напряженности, а также диагностику типологических характеристик на основе методики «Индиви-

дуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик. Были обследованы летчики разных родов авиации (n=107). Статистическая обработка включала метод сравнительного анализа Манна-Уитни и метод корреляций Спирмена. Обнаружены достоверные различия в структуре индивидуально-типологических профилей ИТО по шкалам «Интроверсия (Социальная пассивность)», «Агрессия (Стеничность)», «Тревожность» и «Ригидность» ($P \leq 0,05$). Установлено, что такие личностные тенденции в большей степени характерны для летчиков с более высоким уровнем стресса и психической напряженности.

Ключевые слова: стресс, профессиональное здоровье, внутренние ресурсы, индивидуально-типологические особенности, врачебно-летная экспертиза

Zelenova Marina Evgenevna,
Candidate of Psychology (PhD), Researcher
Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
Moscow
e-mail: mzelenova@mail.ru

Lekalov Aleksandr Anatolevich,
head of the psychophysiological laboratory
Main Military Clinical Hospital named after academician
N.N.Burdenko
Moscow
e-mail: lekalov.aleksandr2011@yandex.ru

Lim Vladimir Stanislavovich,
Candidate of Medicine (PhD), head of branch No 1
Main Military Clinical Hospital named after academician
N.N.Burdenko
Moscow
e-mail: 7cvkag@mail.ru

Kostenko Elena Valerevna,
Clinical Psychologist
Main Military Clinical Hospital named after academician
N.N.Burdenko
Moscow
e-mail: kostenko.lena@yandex.ru

TOLERANCE TO STRESS AND INDIVIDUAL-TYOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PILOTS

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at studying the individual-typological characteristics that contribute to the preservation of the professional health of pilots. Psychological testing was carried out in the course of a planned medical-flight commission and included diagnostics of the level of stress and mental tension, as well as diagnostics of typological characteristics based on the methodology "Individual-typological questionnaire" (ITO) by L.N. Sobchik. Pilots of different types of aviation were examined ($n = 107$). Statistical processing included the Mann-Whitney comparative analysis method and the Spearman correlation method. The results of the study revealed significant differences in the structure of individual-typological ITO profiles according to the scales "Introversion (Social passivity)", "Aggression (Stenicity)", "Anxiety" and "Rigidity" ($P \leq 0.05$). It was found that these personal tendencies are more characteristic of pilots with a higher level of stress and mental tension.

Keywords: stress, professional health, internal resources, individual typological characteristics, medical examination

Введение

Диагностика и поддержание профессионального здоровья летчиков, сохранение летного долголетия и снижение уровня аварийности по причине «человеческого фактора» является одной из актуальных проблем, решаемых психологией труда и клинической психологией. Постоянная модернизация и техническое усложнение летательных аппаратов приводит к увеличению объема информации, поступающей в процессе выполнения полетных заданий, что сопровождается возрастанием общей психофизической нагрузки на летчиков. По оценкам экспертов около 47% всех происшествий и аварий по причине «человеческого фактора» происходят из-за «ошибки пилота», среди которых наиболее распространенными являются: «нарушение экипажем стандартных процедур пилотирования», «усталость, проблемы здоровья пилотов», «нарушение взаимодействия между членами экипажа», «дезориентация экипажа при полете в незнакомой местности», «недостаточная квалификация», «ошибки в условиях противоречивых показаний приборов». Согласно данным экспертного анализа, большинство ошибок происходит из-за физиче-

ского и психологического неблагополучия летчика: состояний хронического утомления, усталости, стресса. Кроме того, аварийные инциденты часто провоцируются особенностями личности пилота, его «личностной незрелостью» [8].

В связи с высокими требованиями к физическому и психологическому статусу летных специалистов, занятых в данной сфере трудовой деятельности, совершенствование врачебно-летной экспертизы и введение психологических методов в процедуру ВЛК получает все большее распространение в ходе диагностики профессиональной пригодности летчиков [3; 5; 7; 9]. Изучению профессионального здоровья летных специалистов посвящены работы А. Бодрова, С.Г. Геллерштейна, К.К. Иоселиани, С.Е. Нечаева, К.К. Платонова, В.А. Пономаренко, М.А. Рыкачева и ряда других ученых. Было показано, что экстремальные условия деятельности являются не только причинами нарушения эффективности и надежности труда летчиков, но приводят к изменениям психического и соматического здоровья. Установлено, что результаты профессиональной деятельности, состояние здоровья и случаи дисквалификации летного состава тесно взаимосвязаны, а показатели психосоматического благополучия и здоровья служат значимыми индикаторами уровня пригодности летных специалистов к профессиональной деятельности. Среди профессиональных заболеваний летчиков наиболее часто встречаются сердечно-сосудистые заболевания, болезни внутренних органов, органические болезни нервной системы. Нарушения профессионального здоровья летчиков проявляются также в формировании негативных психических состояний, возникновении признаков психического дистресса и развитии доклинических форм функциональных расстройств [8].

Анализ литературы показал, что большую значимость для практики могут иметь исследования, выполненные на основе положений ресурсного подхода С.Хобфолла (Hobfoll, 1989), получившего широкое распространение в зарубежной и отечественной психологии (работы Р. Лазаруса, С. Фолкмана, С. Мадди, Д. А. Леонтьев, В. А. Бодрова, А. Б. Леоновой и других ученых). В рамках данного подхода ресурсы организма и психики человека рассматриваются в качестве важного фактора, обеспечивающего противодействие развитию стресса и его негативных последствий. Ресурсы характеризуют физические и психологические возможности субъекта деятельности, мобилизация которых в стрессовых ситуациях обеспечивает ак-

тивацию и применение приемов и способов предотвращения и купирования негативных психических состояний. Существующие научные классификации выделяют внешние (экономические, финансовые, социальные и т.д.) и внутренние (когнитивные, психофизические, психологические, личностные и т.д.) ресурсы человека. Индивидуально-типологические характеристики также входят в число внутренних ресурсов субъекта труда [6].

Все выше сказанное определило цель эмпирического исследования – выявление индивидуально-типологических характеристик, способствующих сохранению стрессоустойчивости и здоровья летных специалистов.

Методы и процедура исследования

Психологическое обследование летчиков ($n=107$) осуществлялось в процессе планового медицинского осмотра в госпитале МО РФ Филиал №1 ФГКУ им. акад. Н.Н. Бурденко.

В ходе обследования применялись следующие методики: «Шкала психологического стресса» (PSM-25) Л. Лемура, Р. Тесье, Л. Филлиона; «Шкала стрессогенности событий» (ШСС) Т. Х. Холмса, Р. Х. Раге; Шкала «Стресс» (ИС) опросника «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) А.Б. Леоновой, С.Б. Величковой; «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик.

Статистическая обработка данных включала сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ (r-Спирмена).

Результаты исследования

Применение методов статистики для обработки эмпирических материалов позволило получить следующие результаты.

1. Установлено, что респонденты в большинстве случаев имеют «низкие» (95,2%) и «средние» (4,8%) показатели стресса по тесту PSM-25. Стресс на рабочем месте по шкале ДОРС наблюдается в 46,4% случаев. Толерантность к стрессу по тесту Холмса-Раге (ШСС) в 85,7% случаях является «высокой»; «пороговая» и «низкая» степень выявлены в 10,7% и 3,6% случаев.

2. Применение метода Спирмена выявило достоверные взаимосвязи между показателями стресса и шкалами ИТО «Интроверсия» ($r=0,33$; $p\leq 0,05$) и «Тревожность» ($r=0,4$; $p\leq 0,01$). Уровень сома-

тического здоровья обнаружил обратную связь с показателем ИТО «Ригидность» ($r=-0,3$; $p \leq 0,05$). Уровень «Тревожности» напрямую связан со сложностью летательной техники ($r=0,31$; $p \leq 0,05$).

3. Сравнение профилей ИТО летчиков, разделенных по степени стресса на основе медианного критерия, показало, что группы с «высокими» и «низкими» показателями стресса имеют достоверные различия по таким характеристикам, как «Агрессия», «Интроверсия», «Ригидность» и «Тревожность» ($p \leq 0,05$). Установлено, что чем больше стресс, тем сильнее выражены данные «ведущие тенденции» личности (шкалы ИТО). Следует подчеркнуть, что значения ИТО у менее резистентных к стрессу летчиков не выходят за рамки тестовых норм. Это значит, что в контексте методики ИТО у большинства летчиков мы наблюдаем не повышенную тревожность, а скорее осторожность при принятии решений. Различия по шкале «Интроверсия» указывают в данном случае на отличия в степени общительности, открытости, а также рефлексивности. Показатели агрессивности (стеничности) характеризуют летчиков ВКС как направленных на самореализацию, отстаивание своих интересов и самоутверждение. Проблемы соматического здоровья чаще встречаются у респондентов с трудностями психофизического переключения, более ригидных. Возможно, это связано с тем, что более ригидные индивиды испытывают больший стресс, выполняя полетные задания, что отражается на состоянии уровня здоровья.

Заключение

Таким образом, в ходе обработки данных эмпирического исследования, была обнаружена тесная взаимосвязь между показателями психологического благополучия (наличием признаков стресса и психической напряженности) и индивидуально-типологическими особенностями летных специалистов. Полученные результаты показали, что индивидуально-типологические профили летчиков, имеющих разный уровень стресса и психической напряженности, значительно отличаются по степени выраженности таких характеристик, являющихся «ведущими тенденциями личности» (по терминологии Собчик) как «Интроверсия (Социальная пассивность)», «Агрессия» (Стеничность), «Тревожность» и «Ригидность».

Важно отметить, что средние показатели шкал ИТО в группах летчиков с разным уровнем стресса не выходят за границы тестовых норм, а превышение нормативов наблюдается лишь у небольшой ча-

сти обследованных специалистов. То есть, для большинства летчиков высокий уровень тревожности по шкале ИТО скорее является следствием осторожности или нерешительности в ситуациях принятия решений. При этом повышенная тревожность как «ведущая тенденция личности», характерна, прежде всего, для летчиков с высоким уровнем стресса и психической напряженности. Летчики, показавшие более высокий уровень личностной тревожности, в меньшей степени направлены на социальные контакты, общение и взаимодействие как межличностное, так и профессиональное. Они являются менее открытыми и менее активными в социальном плане.

Результаты применения методики ИТО хорошо согласуются с ранее установленными научными фактами. Известно, что тревожные и менее общительные индивиды хуже преодолевают последствия воздействия негативных стресс-факторов. Опора в трудных ситуациях на копинг-стратегии, предполагающие социальную активность и ассертивный стиль поведения, в большей степени способствуют преодолению стресса, тогда как лица, менее успешно справляющиеся с трудными ситуациями, характеризуются преобладанием в структуре поведения копинг-стратегий, предполагающих агрессию [1; 4; 5].

Полученные в исследовании результаты планируется использовать в процессе медицинского обследования летчиков в госпитале ФГКУ им. акад. Н.Н. Бурденко, особенно в тех случаях, когда прохождения медицинской комиссии имеет целью перевод летчика на более сложный вид летательных аппаратов.

Список литературы

1. Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В. Толерантность к неопределенности и доверие к себе у профессионалов экстремальных видов труда // Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5, № 3. С. 137-156. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.16.3.007>

2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности.– М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.

3. Бодров В.А., Зеленова М.Е., Лекалов А.А., Сиваш О.Н., Тяновский В.Ю. Исследование профессионального здоровья летчиков в процессе клиничко-психологической экспертизы // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики.

Вып. 4 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 381-414.

4. Зеленова М.Е., Захаров А.В. Выгорание и стресс в контексте профессионального здоровья военнослужащих // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 50-70.

5. Зеленова М.Е., Лекалов А.А, Костенко Е.В. Диагностика психологического здоровья летчиков в практике врачебно-лётной экспертизы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (51). С.114-121.

6. Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Кошелева Н.В. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. 2018. №1 (8). С.85-121.

7. Крапивницкая Л.В. Совершенствование врачебно-лётной экспертизы при сердечно-сосудистой патологии (клинико-психологическое исследование). Автореферат дисс. ... доктора мед. наук. М.: ИМБП, 2006. 48 с.

8. Пономаренко В.А. Теоретические и экспериментальные данные о профилактике безопасности полета. – М.: Когито-Центр, 2014. 104 с.

9. Разсолов Н.А. Врачебно-лётная экспертиза и безопасность полетов в гражданской авиации [Электронный ресурс] // Кафедра авиационной и космической медицины ФГБОУ ДПО «РМАНПО». URL: <http://medicine-avia.narod.ru/documents.html> (дата обращения: 05.06.2021 г.).

Финансирование

Работа выполнена в соответствии с государственным заданием № 0138-2021–0010.

Мухина Елена Александровна,
студент

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

г. Нижний Новгород
e-mail: helen_loky@mail.ru

Полевая Софья Александровна,

доктор биологических наук, профессор

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

г. Нижний Новгород
e-mail: s453383@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ МЕТОДОВ
ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ И ОПТИМИЗАЦИИ
АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА У ПАЦИЕНТОВ
С ОСТРЫМ НАРУШЕНИЕМ МОЗГОВОГО
КРОВООБРАЩЕНИЯ (ОНМК)**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного технологиям, используемым в реабилитации пациентов после инсульта с целью оценки их влияния на функциональное состояние. Применялись такие инструментальные методы как нейробиоуправление и событийно-связанная телеметрия ритма сердца. Исследование показало, что сеансы нейробиоуправления способствуют улучшению функционального состояния, что проявляется в росте функциональных резервов, адаптационного потенциала и снижению эмоциональной дезадаптации.

Ключевые слова: нейробиоуправление, инсульт, функциональное состояние, адаптационный потенциал.

Mukhina Elena Aleksandrovna,
student
University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod
e-mail: helen_loky@mail.ru

Polevaya Sofya Aleksandrovna,
Doctor of Biology, Professor
University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod
e-mail: s453383@mail.ru

DEVELOPMENT OF INSTRUMENTAL METHODS FOR DIAGNOSIS AND OPTIMIZATION OF THE ADAPTIVE POTENTIAL OF PATIENTS WITH STROKE

Abstract. The article presents the results of a study on technologies used during the rehabilitation of patients after a stroke in order to assess their impact on the functional state. Such instrumental methods as neurofeedback and event-related telemetry of the heart rate were used. The study showed that neurofeedback sessions improve the functional state, which is manifested in the growth of functional reserves, adaptive potential and a decrease in emotional maladjustment.

Keywords: neurofeedback, stroke, functional state, adaptive potential.

В настоящее время острые сосудистые и травматические поражения головного мозга остаются одними из ведущих причин инвалидизации населения, а частота их в современном мире продолжает расти [1]. По данным ВОЗ, инсульт, т.е. острое нарушение мозгового кровообращения, является второй основной причиной смерти, на которые приходится примерно 11% от общего числа смертей [6]. Последствиями этого заболевания часто становятся двигательные, речевые, когнитивные нарушения и другие расстройства высших мозговых функций. Специалистами рекомендуется как можно раньше начинать реабилитационные мероприятия, при этом важная роль отводится и немедикаментозным средствам.

Для инструментальной коррекции и реабилитации функций мозга активно применяются нейроинтерфейсы на основе технологий нейробиоуправления (НБУ). В целях изучения развития инструментальных методов для диагностики и оптимизации адаптационного потенциала у пациентов с ОНМК было проведено исследование с использованием этой нейротехнологии.

Технология включает в себя использование НБУ-девайса, в котором применяется определенный протокол с заданными параметрами воздействия, позволяющего влиять на функциональное состояние. Нейробиоуправление – это нейроинтерфейс, использующий сигналы обратной связи от биоэлектрических процессов человека. НБУ показало себя как перспективное средство для коррекции стресс-вызванных функциональных нарушений [2], [3]. В исследовании использовалось НБУ с удвоением обратной связи от ЭЭГ-характеристик испытуемых, при котором преобразование текущих значений ЭЭГ-осцилляторов пациента в музыкаподобные сигналы дополнялось ритмическими световыми воздействиями, управляемыми суммарной ЭЭГ. В процессе исследования использовалось несколько режимов: фоновая запись ЭЭГ до и после воздействия, ЭЭГ-сканирование для выделения доминирующих ЭЭГ-осцилляторов в альфа-диапазоне, трансляции собственного ЭЭГ пациенту, где доминирующая частота волн мозга преобразована в аудио- и световые сигналы обратной связи.

При этом методами измерения функционального состояния, позволяющими отследить его динамику по режимам вегетативного обеспечения и уровню эмоциональной дезадаптации, являются событийно-связанная телеметрия ритма сердца (ССТ РС) и тестирование по методике определения уровня эмоциональной дезадаптации (УЭД). ССТ РС позволяет получать данные о динамике вегетативной регуляции в контексте естественной деятельности. Событийно-связанная телеметрия обладает аппаратными, алгоритмическими и программными ресурсами для обнаружения ранних биомаркеров экстремальных состояний в режиме реального времени, без ограничений подвижности, без привлечения внимания человека – источника сигнала – к процессу измерения [4]. Достоинство УЭД в том, что методика более объективна по сравнению с обычными опросниками и на анализе работы вегетативной нервной системы помогает отследить изменение эмоциональной сферы субъекта [5].

Используемые методы предоставляют возможность проанализировать разные маркеры, дающие представление о функциональном состоянии и его изменении. Но одним из наиболее важного представляется характеристика адаптационного потенциала, связанного с функциональными возможностями системы кровообращения и реакцией на стресс и физические нагрузки, что имеет серьезное значение для эффективности всего реабилитационного процесса.

Выборка включала в себя две группы – пациентов с диагнозом ОНМК и контрольную группу здоровых людей. В контрольную группу входило 16 человек 49-72 лет; в группу пациентов – 17 человек 34-71 года. Исследование включало в себя проведение 33 сеансов нейробиоуправления с двойной обратной связью. Затем проводился сравнительный анализ динамики у групп пациенты/контроль. Для статистического анализа использовались Т-критерий Вилкоксона для выявления различий на выборке пациентов до и после сеансов; U-критерий Манна-Уитни для определения отличий в характеристиках показателей между двумя независимыми выборками пациенты/контроль. Достоверность различий анализировалась на уровне значимости $p < 0,05$.

Выявлено различие по параметру функциональные резервы у двух групп до проведения сеанса. То есть, изначально у здоровых людей лучше адаптационный потенциал, что связано с функциональными возможностями системы кровообращения и реакцией на стресс и физические нагрузки. У пациентов этот показатель ниже, что имеет серьезное значение для эффективности всего реабилитационного процесса (показатель FR 0,63 у.е. у здоровых против -0,63 у.е. у пациентов при $p = 0,02$). Динамика пациентов показала значимый рост функциональных резервов, что говорит о росте адаптационного потенциала и улучшении функционального состояния в целом (показатель FR -0,63 у.е. у пациентов до и 0,71 у.е. после сеанса нейробиоуправления при $p = 0,02$).

Другим положительным эффектом было отмечено улучшение эмоционального статуса, что включало в себя снижение общего уровня эмоциональной дезадаптации и значимости потребности в безопасности согласно методике УЭД. Изначально при этом выявлены различия между двумя группами по критерию потребности в безопасности. То есть, пациенты чувствуют больший стресс и уязвимость. Но после процедуры нейробиоуправления этот показатель повышается и становится идентичным с показателем здоровых лю-

дей (показатель U1 «потребность в безопасности» 1,1 баллов у пациентов до и 0,4 после сеанса нейробиоуправления при $p=0,02$; показатель UAD «общий уровень эмоциональной дезадаптации» 1,3 баллов у пациентов до и 0,7 после сеанса, $p=0,02$).

Также по итогам выявлено увеличение мощности ритмов мозга у пациентов.

Изначально между двумя выборками определена достоверная разница по показателям ЭЭГ-характеристик альфа-, бета- и тета-диапазонов. После сеанса зафиксирован рост мощности всех ритмов (тета- до 0,63 у.е., после 0,72; альфа- до 0,48 у.е., после 0,57; бета-диапазоне до 0,23 у.е., после 0,28, $p=0,04$). Это говорит о положительном эффекте процедуры, об усвоении ритма. Усиливается проведение сигнала, вовлекаются новые нейронные ансамбли. Это может благоприятно сказаться на когнитивных функциях, что связано с бета-ритмом, и снижении стресса, достижении спокойного эмоционального состояния, что связано с усилением мощности в диапазоне альфа- и тета-ритмами.

Получено, что процедура резонансного нейробиоуправления с аудиовизуальной обратной связью у пациентов с острым нарушением мозгового кровообращения приводит к повышению мощности ритмов мозга, росту адаптационного потенциала, снижению уровня эмоциональной дезадаптации. Процедура обладает высокой эффективностью для оптимизации функционального состояния.

Таким образом, технологии нейробиоуправления и событийно-связанной телеметрии ритма сердца можно использовать в качестве эффективных инструментальных методов для диагностики и оптимизации адаптационного потенциала у пациентов с ОНМК.

Список литературы

1. Григорьева В.Н., Нестерова В.Н. Когнитивная реабилитация больных с очаговыми поражениями головного мозга // Практическая медицина. – 2012. – № 2 (57). – С. 70–73.
2. Федотчев А.И., Земляная А.А., Савчук Л.В., Полевая С.А. Нейроинтерфейс с двойной обратной связью от ЭЭГ в коррекции стресс-вызванных расстройств // Современные технологии в медицине. – 2019. – № 11 (1). – С. 150–155.

3. Федотчев А.И., Парин С.Б., Полевая С.А., Земляная А.А. Эффекты аудио-визуальной стимуляции, автоматически управляемой биопотенциалами мозга и сердца человека // Физиология человека. – 2019. – № 5. – С. 1–5.

4. Полевая С.А., Еремин Е.В., Буланов Н.А., Бахчина А.В., Швыркова В.Б., Ковальчук А.В., Парин С.Б. Событийно-связанная телеметрия ритма сердца для персонифицированного дистанционного мониторинга когнитивных функций и стресса в условиях естественной деятельности // Современные технологии в медицине. – 2019. – № 11(1). – С. 109–115.

5. Рунова Е.В., Григорьева В.Н., Бахчина А.В., Парин С.Б., Шишалов И.С., Кожевников В.В., Некрасова М.М., Каратушина Д.И., Григорьева К.А., Полевая С.А. Вегетативные корреляты произвольных отображений эмоционального стресса // Современные технологии в медицине. – 2013. – Т. 5, № 4. – С. 69–77.

6. Статистика здравоохранения и информационные системы. Причины смертности. WHO regions – данные ВОЗ. – URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death> (дата обращения 20.04.2021).

Ваштате Мария Юрьевна,
магистр клинической психологии, докторант
Вильнюсский университет
г. Вильнюс
e-mail: marija.vastake@gmail.com

Скруйбис Паулюс,
PhD, директор Института психологии
Вильнюсский университет
г. Вильнюс

ИЗМЕНЕНИЕ РЕФЛЕКСИВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СУПЕРВИЗИИ

Аннотация. В докладе рассматриваются изменения рефлексивности супервизируемых в процессе экзистенциальной супервизии. Дается определение феномену рефлексивности в супервизии. Представляются результаты феноменологического исследования, основанные на 8 интервью участников исследования (4 женщины и 4 мужчины) и анализированные по методике Интерпретационного феноменологического анализа (Interpretative Phenomenological Analysis).

Ключевые слова: экзистенциальная супервизия, рефлексивность, интерпретационный феноменологический анализ.

Vashtake Mariya Yurevna,
Master in Clinical Psychology, doctorant
Vilnius university
Vilnius
e-mail: marija.vastake@gmail.com

Skrybis Paulyus,
PhD, head of Institute of psychology
Vilnius university
Vilnius

REFLEXIVITY CHANGES DURING EXISTENTIAL SUPERVISION

Abstract. This paper outlines reflexivity changes during supervision from the perspectives of supervisees. Definition of Reflexivity in supervision is given. The research is based on the description of the experience of 8 participants of the research (4 women and 4 men). The analysis of the obtained interview data was based on the method of Interpretative phenomenological analysis.

Keywords: existential supervision, reflexivity, Interpretative Phenomenological Analysis.

В данной статье проанализируем вопрос изменения рефлексивности супервизируемых в процессе экзистенциальной супервизии. Супервизия является существенной частью становления и бытия экзистенциального терапевта, это мост между теорией и практикой, уникальное место встречи, где есть возможность свои трудности увидеть по – новому, получить поддержку и помощь более опытного коллеги. Рефлексивность в супервизии понимается как осознание себя, другого (клиента/клиентки психотерапии), процесса, происходящего между клиентом и терапевтом (и супервизором и супервизируемым), а также концептуализация своей психотерапевтической работы, происходящей во время самого процесса, а не после его завершения. Развитие рефлексивности в процессе супервизии является одной из самых главных задач супервизии, в независимости от теоретической парадигмы супервизии (Calvert et al., 2016; Hill & Knox, 2013; Watkins, 2012). Проведя анализ научной литературы по супервизиям, выявилось, что проблема изменения рефлексивности в процессе супервизии пока очень мало исследована, а в контексте экзистенциальной супервизии этот вопрос не исследован.

Статья основана на эмпирическом исследовании, проделанным в количественной феноменологической парадигме. В исследовании приняли участие 8 участников (4 женщины и 4 мужчин). Участники

исследования – студенты Института гуманистической и экзистенциальной психотерапии (Бирштонас, Литва), обучающиеся на Профессиональном уровне программы “Экзистенциальная терапия” и проходящие курс обязательных супервизий. Демографические данные участников исследования: младшему участнику исследования было 28 лет, старшему – 55 год. Средний возраст участников составил 37,5 лет. У всех участников исследования высшее психологическое образование. У семи участников – магистр психологии, одна участница – доктор наук по психологии. В исследовании приняли участие участники из Литвы, Латвии и России.

Данные были собраны при помощи индивидуальных полуструктурированных интервью и проанализированные методом Интерпретационного феноменологического анализа (Interpretative Phenomenological Analysis), автор метода Дж. Смит (Smith et al., 2009). Этот метод исследования является очень популярным в клинической психологии, особенно подходит для исследования мало исследованных феноменов. Метод состоит из пяти шагов: 1) транскрипция интервью; 2) чтение интервью несколько раз для того, чтобы как можно больше в него «погрузиться»; 3) формулирование феноменологических комментариев, 4) формулирование интерпретационных комментариев, 5) выявление главных тем. Эти шаги прорабатываются с каждым интервью, после чего выявляются общие темы из всех интервью, после этого данные описываются.

Проанализировав данные, выявилось, что рефлексивность супервизируемых женщин развивается в долгосрочных супервизорских отношениях, осознавая их конечность. Рефлексивность развивается в диалогичных, равноправных, коллегиальных отношениях между супервизором и супервизируемым. Также на развитие рефлексивности положительное влияние оказывает позиция "не-знания" супервизора. По данным интервью выявилось, что слишком большая физическая дистанция между супервизором и супервизируемой оказывает негативное влияние на развитие рефлексивности, что создает ощущение отстранённости супервизора. Дидактический стиль супервизии по данным исследования не развивает рефлексивности. Внимательность супервизора к чувствам супервизируемых на супервизорской сессии "здесь и сейчас", а также внимательность к невербальным проявлениям супервизируемых развивает рефлексивность. Развитие рефлексивности проходит определенные стадии – путь к рождению "внутреннего" супервизора. По данным исследования, участники исследо-

вания мужчины в процессе развития рефлексивности акцентируют важность ясных границ супервизии, ощущение безопасности, фокус на "здесь и сейчас" в процессе супервизии, а также открытость супервизора. Не развивает рефлексивности дидактический стиль супервизии и многословность супервизора.

Результаты данного исследования могут быть применены как в теоретической литературе по вопросам супервизий, так и на практике. Зная что помогает и что мешает развитию рефлексивности в процессе супервизий, можно корректировать как сам процесс супервизий, так и формулировать рекомендации супервизорам в их обучении. Данные нашего исследования высвечивают и новые пути научных исследований феномена развития рефлексивности в супервизии: подобное исследование можно повторить в других теоретических парадигмах.

Список литературы

1. Calvert, F., Trevor, P. Crowe & Brin F. S. Grenyer (2016). Dialogical reflexivity in supervision: An experiential learning process for enhancing reflective and relational competencies, *The Clinical Supervisor*, 35:1, pp. 1-21.
2. Hill, C, Knox S. (2013). Training and supervision in psychotherapy. In: Lambert MJ, ed. Bergin and Garfield's handbook of psychotherapy and behavior change 6. Hoboken: Wiley, pp. 775-812.
3. Smith, J., Larkin, P., Flowers, P. (2009). Interpretative phenomenological analysis: theory, method and research. London: SAGE publications.
4. Watkins, E. (2012). Development of The Psychotherapy Supervisor: Review of and Reflection on 30 Years of Theory and Research. *American Journal of Psychotherapy*, Vol. 66 (1).

*Долгих Анна Андреевна,
студент*

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: anna.dolgix.96@inbox.ru*

Бергфельд Александра Юрьевна,

*кандидат психологических наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: abergfeld@yandex.ru*

СРАВНЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ КОГНИТИВНОЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ГОЛОВНОЙ БОЛИ У ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ ИНСУЛЬТ И ЛИЦ БЕЗ ИНСУЛЬТА В АНАМНЕЗЕ

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы психологического исследования постинсультной головной боли. Представлены результаты исследования различий во взаимосвязях когнитивной и эмоциональной оценки головной боли у пациентов, перенесших инсульт, и лиц без инсульта в анамнезе. Установлено, что в выборке лиц, перенесших инсульт при оценке головной боли как значимой возрастает оценка интенсивности боли. Тогда как в выборке лиц без инсульта в анамнезе оценка головной боли как требующей быстрого реагирования и через сильные отрицательные эмоции взаимосвязана с увеличением оценки интенсивности головной боли, а оценка головной боли как влияющей на будущее и благополучие близких взаимосвязана с увеличением оценки эмоциональной стороны боли.

Ключевые слова: инсульт, постинсультная головная боль, когнитивная оценка, эмоциональная оценка, болевые ощущения.

Dolgikh Anna Andreevna,
student
Perm State University
Perm
e-mail: anna.dolgix.96@inbox.ru

Bergfeld Aleksandra Yurevna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Perm State University
Perm
e-mail: abergfeld@yandex.ru

COMPARISON OF THE CORRELATIONS COGNITIVE AND EMOTIONAL ASSESSMENT OF HEADACHE IN STROKE PATIENTS AND THOSE WITHOUT A HISTORY OF STROKE

Abstract. The article deals with the actual problems of psychological research of post-stroke headache. The results of the study of differences in the relationship between cognitive and emotional assessment of headache in stroke patients and those without a history of stroke are presented. It was found that in a sample of people who had suffered a stroke, when assessing headache as significant, the assessment of pain intensity increases. Whereas in a sample of people without a history of stroke, the assessment of headache as requiring a quick response and through strong negative emotions is correlated with an increase in the assessment of the intensity of headache, and the assessment of headache as affecting the future and well-being of loved ones is correlated with an increase in the assessment of the emotional side of pain.

Keywords: stroke, post-stroke headache, cognitive assessment, emotional assessment, pain.

Инсульт – одна из важнейших медико-социальных проблем современности, поскольку является частой причиной временных тру-

довых потерь, инвалидизации и смертности населения [4]. На сегодняшний день тенденция такова, что происходит «омоложение» инсульта, поэтому растет встречаемость заболевания среди людей трудоспособного возраста.

Феномен инсульта довольно подробно представлен в медицинской литературе, однако, в свою очередь, такой симптомокомплекс, как постинсультная боль, особенно головная боль, часто остается в тени основных «маркеров» инсульта (парез, нарушения речи и т.д.). Спектр проявлений болевого постинсультного синдрома широкий, и у большинства людей он может существенно затруднять процессы реабилитации и ухудшать качество жизни как самого человека, так и его ближайшего окружения [3, 4].

В нашем исследовании мы придерживаемся концепции В.В. Осиповой о двух моделях изучения болевых синдромов: биологической и когнитивно-поведенческой [6]. Первая описывает боль как ощущение. Вторая модель представляет боль как комплекс мультимодальных переживаний: когнитивные, аффективные и поведенческие характеристики, которые определяют переносимость боли, болевое поведение и способность справляться с болью.

В свою очередь, для построения модели когнитивной и эмоциональной оценки головной боли мы опираемся на двухуровневую модель восприятия эмоциональных явлений А.Ю. Бергфельд [1], где один из уровней рассматривается как опосредованное восприятие, при котором эмоции осознаются субъектом с позиции внешнего наблюдателя, через оценку объективной ситуации. А также на концепцию когнитивной оценки трудной жизненной ситуации В.Е. Битюцкой [2], где когнитивное оценивание понимается как процесс, участвующий в формировании и функционировании субъективного образа ситуации в индивидуальном сознании.

Помимо этого, в данном исследовании для изучения биологической модели головной боли мы обращаемся к теории боли Б.Г. Ананьева, который выделял ее эмпирические характеристики: пространственная локализация, время, качество и интенсивность болевого раздражителя [5].

Таким образом, **цель исследования** – изучение когнитивного и эмоционального оценивания головной боли в постинсультный период.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось с октября 2020 года по март 2021 года. Выборка состояла из

экспериментальной и контрольной групп. В экспериментальную группу вошли 45 человек с инсультом в анамнезе (пациенты Центра комплексной реабилитации инвалидов г. Перми): 26 мужчин и 19 женщин, их возраст варьировался от 30 до 70 лет ($M=50,1$). В контрольную группу вошли 45 человек без инсульта в анамнезе: 20 мужчин и 25 женщин, их возраст варьировался от 30 до 70 лет ($M=45,6$).

В ходе исследования были использованы: модифицированная методика «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций (ТСЖ)» Е.В. Битюцкой; опросник боли Мак-Гилла (MPQ) и методика «Визуально-аналоговая шкала» (ВАШ). При обработке данных был применен коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение. Для проверки гипотезы о наличии специфических взаимосвязей показателей болевых ощущений, когнитивной и эмоциональной оценки головной боли в двух выборках был проведен корреляционный анализ с помощью коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Сравнивая полученные корреляции в двух выборках можно наблюдать следующие особенности. Уникальная корреляция обнаружена в группе лиц, перенесших инсульт между шкалами «Эвалюативная» и «Общие признаки ТЖС» ($r=0,37$, $p<0,05$). Следовательно, при повышении оценки ситуации головной боли как значимой возрастает оценка интенсивности болевого раздражителя.

Уникальные корреляции были обнаружены и в выборке без инсульта в анамнезе. «Визуально-аналоговая шкала» и шкала «Эвалюативная» прямо коррелируют со шкалами «Необходимость быстрого активного реагирования» ($r=0,31$, $p<0,05$; $r=0,34$, $p<0,05$) и «Сильные эмоции» ($r=0,45$, $p<0,05$; $r=0,38$, $p<0,05$). Так, увеличение оценки головной боли как требующей незамедлительных действий по ее решению и через сильные отрицательные эмоции приводит к увеличению оценки интенсивности головной боли.

Шкала «Аффективная» прямо связана со шкалой «Перспектива будущего» ($r=0,32$, $p<0,05$). Это значит, увеличение оценки головной боли как имеющей влияние на будущее и благополучие близких ведет к увеличению оценки эмоциональной стороны головной боли посредством терминов напряжения, страха, гнева или вегетативных проявлений.

Из этого следует, что в выборке лиц, перенесших инсульт, обнаружена одна уникальная взаимосвязь, тогда как у лиц без инсульта

обнаружено пять уникальных для выборки взаимосвязей. Возможным объяснением полученной закономерности выступает тот факт, что постинсультная головная боль может быть отложенной, сродни другим отложенным после инсульта симптомам (плегия, нарушения речи, центральная постинсультная боль и др.) [7].

Таким образом, у лиц с инсультом в отличие от лиц без инсульта в анамнезе оценка головной боли как значимой взаимосвязана с увеличением интенсивности болевого раздражителя. Тогда как у испытуемых без инсульта, в отличие от лиц с инсультом, оценка головной боли как требующей быстрого реагирования и через сильные отрицательные эмоции взаимосвязана с увеличением оценки интенсивности головной боли, а оценка головной боли как влияющей на будущее и благополучие близких взаимосвязана с увеличением оценки эмоциональной стороны боли. Здесь объяснением может служить когнитивно-поведенческая модель в оценке боли, где предполагается, что когнитивные и аффективные характеристики определяют переносимость боли и болевое поведение [6].

Полученные данные могут быть использованы при уточнении мишеней работы медиков и клинических психологов с пациентами, перенесшими инсульт и их родственниками, с целью профилактики снижения субъективного благополучия и хронификации различных форм постинсультной головной боли.

Список литературы

1. Бергфельд А.Ю. Психология восприятия эмоциональных явлений // Ежегодник Рос. психол. общества: матер. 3-го Всерос. съезда психологов (25-28 июня 2003 г.). Т.1. СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 442–446.

2. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-otsenivanie-trudnoy-zhiznennoy-situatsii-s-pozitsiy-deyatelnostnogo-podhoda-a-n-leontieva> (дата обращения: 09.04.2020).

3. Клинические варианты постинсультной головной боли / Р. Г. Есин, М. А. Ситнова, О. Р. Есин, Л. Я. Мифтахова // Практическая медицина. 2013. №1 (66). С.60–63.

4. Костенко Е.В. Постинсультные болевые синдромы: клинические аспекты, диагностические критерии, особенности терапии и реабилитационных мероприятий // Медицинский совет. 2017. № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postinsultnye-bolevye-sindromy-klinicheskie-aspekty-diagnosticheskie-kriterii-osobennosti-terapii-i-reabilitatsionnyh-meropriyatiy> (дата обращения: 15.04.2020).

5. Левченко Е.В. Вклад Б.Г. Ананьева в разработку психологической теории боли // Ананьевские чтения – 2019: Психология обществу, государству, политике: материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 22–25 октября 2019 г. / Под общ. редакцией А.В. Шаболтас, О.С. Дейнека. Отв. ред. И.А. Самуйлова. – СПб.: Скифия-Принт, 2019. С. 8–9.

6. Осипова В.В. Психологические аспекты боли // Болевые синдромы в неврологической практике / под ред. А. М. Вейна – М: МЕДпресс-информ, 2001. С. 26–30.

7. Lai J., Harrison R., Plecash A., Field T.S. A Narrative Review of Persistent Post-Stroke Headache – A New Entry in the International Classification of Headache Disorders, 3rd Edition. Headache. 2018. No 58. doi: <https://doi.org/10.1111/head.13382>

Князев Владислав Анатольевич,

студент

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

г. Пермь

e-mail: kniaz1818@yandex.ru

Краснов Алексей Витальевич,

кандидат психологических наук, доцент

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

г. Пермь

e-mail: aleks-krasnov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СВЯЗИ КОМПОНЕНТОВ РЕФЛЕКСИИ И КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ С СУИЦИДАЛЬНЫМ РИСКОМ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В работе поднимается вопрос актуальности исследования суицидального риска в подростковом возрасте в связи с уровнем развитости коммуникативных способностей и рефлексии. Представлено сравнение различий в уровне выраженности компонентов рефлексии и коммуникативных способностей в группе подростков с низким и высоким уровнем выраженности факторов суицидального риска и особенности взаимосвязи компонентов рефлексии и коммуникативных способностей с факторами суицидального риска в группе подростков с высоким уровнем выраженности факторов суицидального риска.

Ключевые слова: факторы суицидального риска, компоненты рефлексии, компоненты коммуникативных способностей, подросток.

Knyazev Vladislav Anatolevich,
student
Perm State University
Perm
e-mail: kniaz1818@yandex.ru

Krasnov Aleksey Vitalevich,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Perm State University
Perm
e-mail: aleks-krasnov@yandex.ru

FEATURES OF THE INTERCONNECTION BETWEEN THE COMPONENTS OF REFLECTION AND COMMUNICATION SKILLS WITH THE SUICIDAL RISK OF TEENAGERS

Abstract. In the article we raise the question of the relevance of the study of suicidal risk in teenage years in connection with the level of development of communication skills and reflection. The article presents a comparison of differences in the level of expression of the components of reflection and communication skills in the group of teenagers with low and high levels of severity of suicidal risk factors and the peculiarities of the relationship between the components of reflection and communication skills with factors of suicidal risk in the group of teenagers with a high level of severity of suicidal risk factors.

Keywords: factors of suicidal risk, components of reflection, components of communication skills, teenager.

Постановка проблемы. В настоящий момент в нашей стране по-прежнему стоит остро вопрос профилактики суицидов, так как Российская Федерация входит в группу стран с высоким уровнем самоубийств и занимает 3 место в мире, число умерших от самоубийств составляет 26,5 случаев на 100 тыс. населения [3].

Рассматривая данную тему, стоит особое внимание заострить на подростковом возрасте, так как характерными особенностями данного жизненного этапа являются большая эмоциональная нестабильность, чем во взрослом возрасте, гормональное созревание, а также активный процесс становления личности.

Учитывая то, что в подростковом возрасте на передний план выходит интимно-личностное общение и самопознание, развитие которых опосредовано коммуникативными способностями и рефлексией подростков, особенно интересным становится вопрос особенностей взаимосвязи рефлексии и коммуникативных способностей с суицидальным риском подростков.

Теоретический анализ работ исследователей проблематики суицидального риска (Ш. Бюлер [2], А.Г. Амбрумова [1], А.В. Чухраева [8]), рефлексии (В.П. Зинченко [4], В.Д. Шадриков [9], В.В. Пономарева [7]), коммуникативных способностей (А.А. Кидрон [6], Н.И. Карасева [5]) подтверждает тесное переплетение данных явлений в подростковом возрасте и подталкивает к вопросам о том, каким образом взаимосвязаны эти феномены в данном возрасте.

Гипотезы нашего исследования заключаются в предположении о том, что:

- Группе подростков с низким уровнем выраженности суицидальных факторов характерна наибольшая выраженность компетентных форм построения коммуникаций и наименьшая выраженность общего уровня рефлексии.
- В структуре взаимосвязей группы подростков с высоким уровнем выраженности факторов суицидального риска преобладает отрицательная связь компонентов рефлексии с факторами суицидального риска, подтверждающая общую положительную функцию рефлексии.

Для диагностики выраженности различных коммуникативных форм нами был использован Тест коммуникативных умений Михельсона (адаптация Ю.З. Гильбуха), уровень выраженности факторов суицидального риска определялся с помощью Опросника суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой, компоненты рефлексии выявлялись с помощью Методики «Определение уровня рефлексивности» А.В. Карпов, В.В. Пономарева и методики уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта.

Целью нашего исследования было выявление различий в уровне выраженности компонентов рефлексии и коммуникативных способностей в группе подростков с низким и высоким уровнем выраженности факторов суицидального риска и особенностей взаимосвязи компонентов рефлексии и коммуникативных способностей с факторами суицидального риска в группе подростков с высоким уровнем выраженности факторов суицидального риска.

Нами был использован кластерный анализ для выделения 3 групп подростков по уровню выраженности суицидальных факторов (слабая степень выраженности, средняя и высокая), однофакторный дисперсионный анализ с применением *post hoc* статистики для выявления различий между выявленными группами подростков по степени выраженности компонентов рефлексии и коммуникативных способностей, корреляционный анализ по К. Пирсону для выявления меры взаимосвязей факторов суицидального риска с компонентами рефлексии и коммуникативных способностей в разных группах подростков.

Post hoc статистики дисперсионного анализа показали, что группе подростков с низким уровнем выраженности факторов суицидального риска свойственна меньшая степень выраженности ретроспективной рефлексии деятельности, рассмотрения будущей деятельности, саморефлексии, общего уровня рефлексии, однако в большей степени проявлены компетентные формы построения коммуникаций. Не было выявлено значимых различий по рефлексии настоящей деятельности и рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми.

Это может говорить о большей ориентации подростков с низким уровнем выраженности факторов суицидального риска на проживание настоящего момента жизни и взаимодействия с людьми, меньшему акценту на обдумывании своих мыслей и эмоций и более развитых коммуникативных умениях, что, возможно, позволяет им оставаться в непосредственном положительном контакте с жизнью и предотвращает формирование факторов суицидального риска. Однако с другой стороны более низкий уровень рефлексии может говорить о склонности к избеганию рефлексии подростками данной группы и меньшей рефлексивной компетентности.

В то же время корреляционный анализ выявил в группе подростков с высоким уровнем выраженности факторов суицидального риска группу отрицательных связей объединяющихся фактором суицидального риска аффективность с ретроспективной рефлексией деятельности, рефлексией настоящей деятельности, общим уровнем рефлексии, саморефлексией. Также выявилась отрицательная связь социального пессимизма с саморефлексией и положительные связи агрессивных форм построения коммуникаций с социальным пессимизмом, сломом культурных барьеров, общим показателем факторов суицидального риска.

Таким образом, мы видим, что у подростков с высоким уровнем выраженности факторов суицидального риска большей рефлексивности соответствует более позитивное представление о мире и меньшая склонность к аффективным реакциям. Учитывая большую склонность к рефлексии подростков данной группы, можно сказать, что рефлексия, вероятно, несет в себе положительные функции, но в том случае, если она представляет из себя конструктивное сочетание рефлексии прошлых, настоящих и предстоящих событий, рефлексии внутриличностных процессов и социальных взаимодействий. У данной группы подростков рефлексия в некоторой степени является более гармоничной, нежели у группы с низким уровнем выраженности факторов суицидального риска. Однако преобладают агрессивные формы построения коммуникаций, которые могут проявляться как сигнал о недовольстве, неудовлетворенности и негативном представлении о мире.

Подводя итог, можно сказать, что с одной стороны меньшая рефлексивность и большая коммуникативная компетентность, возможно, позволяет группе подростков с низким уровнем выраженности факторов суицидального риска не акцентировать внимание на негативных жизненных моментах и помогает формировать положительные социальные связи. Но с другой – может говорить о более низкой рефлексивной компетентности.

В свою очередь группе с высоким уровнем выраженности факторов суицидального риска свойственна меньшая коммуникативная компетентность и склонность через агрессивные формы построения коммуникаций проявлять свою неудовлетворенность и негативное представление о мире, но большая рефлексивная компетентность, которая может проявляться в виде более положительного представления о мире и меньшей склонности к аффективным реакциям.

Список литературы

1. Амбрумова А.Г. Личностные психологические и психопатологические факторы суицида. //Акт. вопр. социальной психиатрии и погр. нервно-психических расстройств. Сб. научн. тр. – М., 1975. – С. 93-95.
2. Бюлер Ш. Что такое пубертатный период? //Педология юности. – М. – Л., 1931.

3. Всемирная организация здравоохранения: [сайт]. URL: <https://www.who.int/>

4. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.

5. Карасева Н.И. Психологические особенности развития коммуникативных способностей у подростков, оставшихся без попечения родителей: дис. . канд. психол. наук. – Киев, 1991.

6. Кидрон А.А. Коммуникативная способность и ее совершенствование: дис. . канд. психол. наук. – Ленинград, 1981.

7. Пономарева В.В. Исследование роли рефлексивности в структуре личности руководителя // Социальная психология – XXI век. – Ярославль, 2000. – С. 203-207.

8. Чухраева А.В. Психологические особенности больных с суицидальными тенденциями. // Укр. вестник психоневрологии. – Харьков, 1996. – Т. 4, вып. 1 (8). – С.123-127.

9. Шадриков В.Д. Мысль, мышление и сознание // Мир психологии. – 2014. – № 1. – С. 17-32.

Терешкова Анастасия Николаевна,

студент

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

г. Гомель

e-mail: tereshkova.anastasiya@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА И КРЕАТИВНОСТИ

Аннотация. Цель работы изучить параметры характера, связанные с проявлением биполярного и циклотимического расстройств (циклотимностью, гипертимностью, дистимностью и возбудимостью), и их взаимосвязи с креативностью. В данном исследовании была проведена систематизация вышеупомянутых явлений, проведён анализ зарубежной литературы, затронута циклотимическая акцентуация личности (при яркой выраженности которой можно говорить о предрасположенности к биполярному аффективному расстройству), приведены примеры методов исследования и диагностики креативности и акцентуаций личности. Кроме того, было проведено эмпирическое исследование, определены уровни проявления циклотимности, гипертимности, дистимности и креативности, а также определена и описана взаимосвязь определённых акцентуаций характера и креативности. Научная новизна заключается в том, что в целом, такие расстройства настроения, как циклотимия и биполярное аффективное расстройство мало изучены, а в особенности мало изучены во взаимосвязи с другими факторами.

Ключевые слова: биполярное аффективное расстройство, циклотимия, расстройства настроения, акцентуация характера, креативность, творчество, черты характера, черты личности

Tereshkova Anastasiya Nikolaevna,
student
Francisk Skorina Gomel State University
Gomel
e-mail: tereshkova.anastasiya@mail.ru

INTERRELATION OF ACCENTUATIONS OF CHARACTER AND CREATIVITY

Abstract. The aim of the work was to study the character parameters associated with the manifestation of bipolar and cyclothymic disorders (cyclothymic, hyperthymic, dysthymic, and excitable), and their interrelation with creativity. In this study, a systematization of the above phenomena was carried out, an analysis of foreign literature was carried out, the cyclothymic accentuation of the personality was touched upon (with a pronounced severity of which one can speak of a predisposition to bipolar affective disorder), examples of research methods and diagnostics of creativity and personality accentuations were given. In addition, an empirical study was carried out, the levels of manifestation of cyclothymic, hyperthymic, dysthymic and creativity were determined, and the interrelation between certain accentuations of character and creativity was determined and described. The scientific novelty lies in the fact that, in general, mood disorders such as cyclothymia and bipolar disorder are poorly understood, and in particular, are poorly understood in relation to other factors.

Keywords: bipolar affective disorder, cyclothymia, mood disorders, accentuations of character, creativity, creative, character traits, personality traits

Исследование индивидуальных личностных особенностей, тем более связанных с проявлением биполярного и циклотимического расстройств (циклотимностью, гипертимностью, дистимностью) и их взаимосвязи с креативностью является относительно новым направлением развития психологии. Как таковых исследований на тему связи циклотимии и креативности не существует. В то же время следует заметить, что циклотимия ранее не отделялась от биполярного аффективного расстройства (а также до сих пор мало диагностируется и не исследуется) и в современное время описывается как рас-

стройство, которое может спровоцировать дальнейшее развитие БАР.

В 1989 году было проведено исследование, известной американским психиатром и клиническим психологом К.Р. Джеймисон, в котором участвовали 47 людей с творческими профессиями и было обнаружено, что около 40% из этих людей лечились именно от расстройства настроения [6]. Кроме этого, К.Р. Джеймисон является писателем, и в своей автобиографии «Беспокойный ум» призналась, что страдает биполярным аффективным расстройством [1].

Акцентуации (такие как циклотимность, гипертимность, дистимность и т.д.), особенно носящие отрицательный эффект о личности человека, могут сигнализировать о наличии у него расстройств настроения, а все в совокупности – расстройств биполярного спектра. Циклотимические личности – это люди, для которых характерна смена гипертимических и дистимических состояний [2, с. 186]. В смене состояний человека не всегда играют какие-либо внешние факторы, а достаточно небольшого изменения в общем настроении. Циклотимность непрочно связана с переживаниями личности [2, с. 199]. На передний план выступает то один, то другой полюс, иногда и без видимых на то причин [2, с. 186]. Говорить о наличии или отсутствии личностно-характерологические акцентуации можно только по уже совершённым человеком поступкам, а не планам и намерениям. Именно этот тип акцентуации имеет параллели среди психических заболеваний: циклотимическое расстройство настроения и биполярное аффективное расстройство (или маниакально-депрессивный психоз) [2]. Наличие каких-либо расстройств вовсе не обязательно, так как данные специфические черты личности могут быть только акцентуациями, но тем не менее, данный факт не отрицает некоторой предрасположенности человека к данным заболеваниям.

Среди факторов риска развития биполярного аффективного расстройства Л.М. Бардштейн, Б.Н. Пивень (2008) отмечают такие, как семейная отягощённость данным заболеванием у родственников первой линии родства, имеющиеся тревожные расстройства (паническое расстройство, социальные фобии, посттравматическое стрессовое расстройство), недавно (в течение 5 лет) поставленный диагноз монополярной депрессии, проблемы с соблюдением закона. Авторы отмечают, что провоцирующими факторами развития биполярного расстройства могут выступать значимые для больного неблагоприят-

ные обстоятельства, причем как для развития депрессивных, так и маниакальных состояний [3].

Как таковых апробированных и утверждённых методик для выявления возможного циклотимического расстройства в отечественной психологической науке не наблюдается, но имеются методики для выявления личностно-характерологической акцентуаций, среди которых есть шкалы на циклотимность (циклоидность), гипертимность, дистимность и т.д. Высокие результаты по данным шкалам помогут предположить исследователю о наличии, как минимум, наличия определённой акцентуации характера личности и, как максимум, наличия определённого расстройства настроения, связанного с какой-либо из вышеназванных акцентуаций (БАР, циклотимии, монополярной депрессии).

В эмпирическом исследовании приняли участие 111 испытуемых в возрасте от 17 до 27 лет (средний возраст 19 лет), в том числе 68 девушек и 43 юношей. В исследовании приняли участие студенты разных курсов обучения, а также различных специальностей. Были применены следующие методики: опросник Леонгарда-Шмишека на определение акцентуаций характера, а также «Опросник для определения уровня креативности» [4, 5]. Методом статистической обработки выступил критерий Пирсона.

По итогу исследования, испытуемые с более высоким показателем по шкале циклотимности в большинстве получали высокие баллы по шкале креативности ($r = 0,199$, $p = 0,036$).

Также, следует упомянуть, что испытуемые с более высоким показателем по шкале возбудимости получали высокие баллы по шкале креативности ($r = 0,211$, $p = 0,026$).

В то же время, студенты с высоким показателем по шкале «Гипертимности» не обязательно имели высокий показатель по шкале «Креативность» в данной методике ($r = 0,141$, $p = 0,141$). То же происходит и со шкалой «Дистимность», где корреляция также не выражена ($r = 0,063$, $p = 0,510$).

Исходя из полученных результатов проведённого исследования, можно сказать, что люди с циклотимной акцентуацией характера действительно обладают более высокими показателями креативности. Актуальность научного исследования и научная значимость данной работы состоит в систематизировании и дополнении сведений о проявлении циклотимии, биполярного аффективного расстройства и креативности. В данной работе более детально представ-

лена взаимосвязь определенных акцентуаций характера и креативности у лиц юношеского возраста.

Список литературы

1. Комер, Р. Патопсихология поведения: нарушения и патологии психики: пер. с англ. / Р. Комер – 4-е изд., междунар. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 608 с.

2. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1997. – 544 с.

3. Осипова, Н.Н. Факторы риска развития биполярного аффективного расстройства / Н.Н. Осипова, Л.М. Бардштейн, Н.И. Беглянкин, В.М. Зайцева, В.А. Новикова, В.Н. Гапонова // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2018. – № 2, т. 17. – С. 152-158.

4. Миронова, Е.Е. Сборник психологических тестов. Часть I: Пособие / Сост. Е.Е. Миронова – Мн.: Женский институт ЭНВИ-ЛА, 2005. – 155 с.

5. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одарённости / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 448 с.

6. Bipolar disorder and creativity [Electronic resource] / N. Burton // Psychology Today, 2012. – Mode of access: <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/hidden-and-seeking/201203/bipolar-disorder-and-creativity> – Data of access: 23.04.2021.

*Субботин Богдан Алексеевич,
студент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: t.subboti@yandex.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ АВТОРИТАРИЗМА, ВЕРЫ В СУЕВЕРИЯ И ОТНОШЕНИЯ К ПРОГРЕССУ

Аннотация. В работе исследуется явление авторитаризма, феномен веры в суеверия в связи с отношением к прогрессу, проводится обзор самого феномена научно – технического прогресса. В работе производится статистический анализ, который подтвердит наличие или отсутствие взаимосвязи между данными явлениями. Также исследуется симптомокомплекс «Темная триада» относительно феномена авторитаризма, наличие или отсутствие между ними взаимосвязи, так как с данной точки зрения эти два феномена не исследовались ранее.

Ключевые слова: авторитаризм; суеверия; отношение к прогрессу; темная триада личности.

*Subbotin Bogdan Alekseevich,
student
Perm State University
Perm
e-mail: t.subboti@yandex.ru*

THE RELATIONSHIP BETWEEN AUTHORITARIANISM AND ATTITUDES TO PROGRESS AND BELIEF IN SUPERSTITION

Abstract. The paper examines the phenomenon of authoritarianism, the phenomenon of belief in superstition in connection with the attitude to progress, and reviews the phenomenon of scientific and technological progress itself. In this paper, a statistical analysis is performed, which will confirm the presence or absence of a relationship between these phenomena. The author also examines the symptom complex "Dark Triad" regarding the phenomenon of authoritarianism, the presence or absence of a relationship between them, since from this point of view, these two phenomena have not been studied before.

Keywords: authoritarianism; superstition; attitude to progress; the dark triad of personality.

В настоящее время существует неопределенность вопроса, в какой степени склонность личности к авторитаризму определяет отношение к прогрессу и вере в суеверия, в частности, можно ли рассматривать авторитаризм как характеристику в большей или меньшей степени определяющую отношение к прогрессу или суевериям. Появление данной проблемы обусловлено наличием негативного отношения к продуктам научно-технического прогресса и их последующим внедрением в повседневную жизнь. Продукты научно – технического прогресса способны сделать повседневную жизнь на порядок удобнее, увеличить продуктивность, но авторитаризм может выступать против увеличения продуктивности, за счет склонности к традиционному укладу жизни. Авторитарность – это личностная черта, поведенчески проявляющаяся в явно выраженной склонности подчиняться властям, агрессии по отношению к инакомыслящим и приверженности устоявшимся традициям и социальным нормам [1]. Тема авторитаризма берет свое начало с работ Э. Фромма, утверждавшего, что беспокойство – это главный фактор развития авторитаризма, так как авторитаризм начинает выступать как защитный механизм психики при ощущении небезопасности. Т. Адорно, делающего акцент на переносе подавленной враждебности на окружающих; Б. Альтмейера, сводящего природу авторитаризма к подчинению [6]. Достаточно большой вклад в проблему внесли Ю. Д. Чертова, М. С. Егорова и А. Я. Фоминых, пришедшие к выводу после исследования взаимосвязи внешнего и внутреннего локуса контроля

и выраженности авторитаризма, что высокий авторитаризм предполагает интернальный локус контроля [1]. Исследования в области авторитаризма существуют, как существуют и методики исследования авторитаризма и веры в суеверия. Например, разработанная Д. С. Григорьевым «Короткая версия шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир» [4] или «Структура индивидуальной религиозности» Ю. В. Щербатых [9], но именно в ключе отношения к прогрессу в связи с выраженностью у личности авторитаризма и суеверности исследований практически нет. Данный вопрос лишь косвенно задевался в исследовании Корниенко Д. С. и Ковбаснюк М. А.: Восприятие «прогрессивного» и «традиционного» человека в условиях позитивного и негативного информационного воздействия, в результате которого было установлено, что люди с высоким авторитаризмом негативно оценивают образ «прогрессивного» человека [7].

В нашей работе мы исходим из того, что научно-технический прогресс способствует улучшению уровня жизни и способствует развитию общества. Однако мы полагаем, что личностная черта авторитаризма имеет отрицательную связь с положительным отношением к прогрессу. Это косвенно подтверждают исследования Дж. Даккита и К. Сибли, которые указывают интересную для нашего исследования отрицательную корреляционную взаимосвязь между уровнем авторитаризма и открытостью опыту [1], а также исследование Ю. М. Вассермана, который исследовал корреляцию модернизацию уровня культуры респондентов (отношение к семейной жизни, экономической жизни, к равенству) в зависимости от уровня авторитаризма в личности и выявил, что чем выше у респондента уровень модернизации культуры, тем меньше выражена черта авторитаризма [4]. Из чего мы можем сделать вывод, что высокий уровень авторитаризма как черты личности препятствует активному развитию общества через отсутствие открытости новому опыту, принятия нескольких точек зрения, принятия и использования полезных продуктов научно – технического прогресса.

Актуальность исследования. В настоящее время вопрос о том, какие личностные факторы определяют отношение к прогрессу, остается вне поля исследовательского интереса, вместе с тем, такие изменения, происходящие в обществе, как принятие консервативных законов, отсутствие оппозиции, а значит и отсутствие нескольких

точек зрения на процессы, негативное отношение к развитию толерантности, вызывают у его представителей различные реакции: от принятия, до резкой критики. Исследования авторитарности как личностной черты, показали, что мир авторитарной личности недружелюбен и полон угроз [1, 4, 9], в связи с чем прогресс может рассматриваться авторитарной личностью как угроза миру, так как он ставит под сомнение традиционный уклад жизни, понятный и безопасный для авторитарной личности. Одновременно с этим стремление авторитарной личности не замечать сложности проблем и сводить их к простым решениям (как и склонность полагаться на интуицию, а не на анализ фактов) формирует у авторитарной личности склонность к стереотипам, предрассудкам, а также относительную легкость принятия крайних точек зрения [1]. Поэтому можно ожидать, что вера в суеверия у личности с высокой авторитарностью будет значительно выше, чем у личности, не обладающей такой характеристикой.

Таким образом, данное исследование имеет целью изучить, насколько авторитарность связана с отношением к прогрессу и верой в суеверия, возможно ли рассматривать авторитарность как черту, приводящую к большей вере в суеверия, по сравнению с отсутствием выраженности авторитарности, и негативному отношению к прогрессу.

Гипотезы:

1) У людей с высоким уровнем авторитарности отношение к прогрессу будет менее положительным, чем у людей с низким уровнем авторитарности. Данное предположение мы делаем на основании исследования Корниенко Д. М. и Ковбаснюк М. А, которым удалось выяснить, что люди с высоким авторитаризмом негативно оценивают образ «прогрессивного» человека [7].

2) Авторитарность имеет положительную связь с уровнем суеверности. Данная гипотеза появилась на основе данных исследований Л.М. Попов и Р.В. Меркель [8], которым удалось выяснить, что авторитаризм положительно связан с тревожностью, а исследования автора Андрюшковой Н. П., в свою очередь, позволило установить, что высокий уровень личностной тревожности положительно связан с суеверностью [2]. Достаточно важные данные предоставляет нам Черткова Ю. Д., ссылающаяся на исследования ряда зарубежных авторов, выяснила, что у личностей с высоким уровнем авторитаризма высока склонность полагаться на интуицию, а не на анализ фактов,

что является практически определением феномена веры в суеверия [1].

3) Положительное отношение к прогрессу имеет отрицательную связь с уровнем суеверности. Мы выдвигаем данную гипотезу на основании данных статьи Андриюшковой Н. П., в результате исследования которой было выявлено, что люди с высоким уровнем веры в суеверия отличаются высокой личностной тревожностью, а также желанием соблюдать обряды, традиции, ритуалы, необходимость в вере, как в поддержке, обретении уверенности [2]. В свою очередь, данные характеристики личности принадлежат личностям с ярко выраженной авторитарностью, которые, по результатам исследования Д. С. Корниенко и М. А. Ковбаснюк, склонны негативно оценивать «прогрессивного» человека: «высокая оценка роли религии в обществе приводят к негативной оценке прогрессивного образа» [7].

4) Негативные черты личности (темная триада) имеют положительную связь с уровнем выраженности авторитарности, как черты личности, так как Л.М. Попов и Р.В. Меркель в своем исследовании указывают [8], что авторитарная личность обладает такими качествами, как преобладание примитивно-стереотипных способов восприятия, высокомерие, особенно по отношению к чужой группе, желание господства, деструктивность и цинизм, проекция враждебности, косность, ригидность и т.п., что является проявлением личностных черт темной триады: макиавеллизм, психопатия и нарциссизм.

Выборка исследования состоит из студентов 3 – 5 курсов и магистратуры университетов ПГНИУ, ПГГПУ и ПНИПУ в количестве 110 человек.

Метод сбора данных в исследовании – заполнение опросников.

Проверка обработанных данных респондентов на нормальность распределения осуществлялась с помощью критерия Шапиро-Уилка. Данный критерий был выбран в силу его оптимальной эффективности на малых и средних выборках.

В результате были получены шкалы с ненормальным распределением данных, что не позволило нам использовать параметрические методы обработки данных. Исходя из выводов о нормальности распределения в качестве статистического метода обработки данных был выбран непараметрический метод корреляционного анализа по Спирмену.

Результаты проверки гипотез:

1) У людей с высоким уровнем авторитарности отношение к прогрессу будет менее положительным, чем у людей с низким уровнем авторитарности. Гипотеза подтвердилась корреляционным анализом по Спирмену лишь частично. Отрицательные корреляционные взаимосвязи подтверждали выдвинутую гипотезу, среди которых «ГМО, биоинженерия», «Клонирование, нанотехнологии», «Фаст-фуд», «Глобализация» и «Не религиозность», из чего можно предположить, что люди с повышенным авторитаризмом негативно оценивают лишь некоторые стороны научно-технического прогресса: сферу быстрого питания и процесс стирания границ между странами, а также развитие нанотехнологий. Часть шкал, например, шкала «Супермаркеты», наоборот, оценивалась положительно людьми с повышенным авторитаризмом.

2) Авторитарность имеет положительную связь с уровнем суеверности. Гипотеза подтвердилась по ряду показателей, среди которых положительные корреляционные взаимосвязи со шкалами «Суеверия», «Предсказания», «Колдовство», «Традиционная религиозная вера» и «Пси-способности». Прослеживается положительная взаимосвязь между верой в божественные силы, а также верой в силу предсказания будущего и сверх-способности человека и выраженностью авторитарности, проявляющейся через строгое соблюдение общественных правил, убежденность в безопасности общества и мира, желание придерживаться сильной структуры власти, которая дает защиту от нестабильности. Можно предположить, что у личностей, обладающих высокой верой в суеверия и повышенным авторитаризмом, обострена потребность в ощущении безопасности, которую дает и сильная структура власти, и защита высших сил.

3) Положительное отношение к прогрессу имеет отрицательную связь с уровнем суеверности. Гипотеза подтвердилась. Шкалы «Фастфуд», «Глобализация», «Нерелигиозность» получили отрицательную корреляционную взаимосвязь с показателями веры в суеверия. Выявлена тенденция, что человек с повышенной верой в божественные силы и силу предсказаний оценивает продукты научно-технического процесса негативно. Можно предположить, что прогресс в той или иной мере ставит под сомнение традиционный уклад жизни, которому в большей степени присуща вера в суеверия. Традиционный взгляд на мир понятен личностям с высокой суеверностью, он дает им чувство безопасности, чувство защиты высших сил. В то время как научно-технический прогресс ставит под сомнение

взгляды традиционного образа мысли, тем самым ставя под угрозу безопасность и чувство защищенность людей с высокой верой в суеверия.

4) Негативные черты личности (темная триада) имеют положительную связь с уровнем выраженности авторитарности, как черты личности. Данная гипотеза не нашла подтверждения. На данный момент нет подтверждений о взаимосвязи данных феноменов: черты личности, характеризующиеся склонностью манипулировать, превозносить себя над другими, нарушать общественные правила и порядки, не соотносятся с потребностью в сильной структуре власти, делении на «своих» и «чужих», в наличии агрессии к группе «чужих» и непринятии нескольких точек зрения.

Мы можем утверждать, что определенная отрицательная взаимосвязь между отношением к продуктам научно – технического прогресса и выраженностью в личности авторитаризма присутствует, как минимум по отношению к определенным факторам прогресса, таким, например, как глобализация и биоинженерия, но утверждать, что личность, обладающая повышенным уровнем авторитаризма, будет обладать тотально негативным отношением к продуктам научно – технического прогресса, исследование не позволяет. Исследование позволяет делать выводы, что высокая вера в суеверия сочетается с повышенным уровнем авторитаризма, что, как можно предполагать, связано с защитной для психики природой данных феноменов. Также исследование позволяет говорить о наличии обратной взаимосвязи между отношением к прогрессу и верой в суеверия, то есть личности, обладающие высокой суеверностью и объясняющие события, происходящие во внешнем мире, с помощью паранормальных факторов, негативнее относятся к ряду факторов научно – технического прогресса, продукты которых, вероятно, идут в разрез с представлениями о паранормальной природе тех или иных явлений, власть над которыми получает, человек, использующий ритуальные действия. То есть человек, таким образом, лишается контроля над ситуацией и чувствует напряжение. Положительное отношение к прогрессу не позволит ощущать психологический комфорт, это создаст необходимость смены психологической саморегуляции. Подобным образом можно предположить объяснение обратной взаимосвязи по ряду факторов положительного отношения к прогрессу и уровня выраженности авторитаризма. Желание подчиниться сильному лидеру и видеть только одну точку зрения защищает от неопреде-

ленности современного мира, от большого количества разных точек зрения, прогресс же в свою очередь предполагает некоторую свободу мнений, взглядов, экспериментов, что лишает надежного постоянства, но позволяет улучшать уровень жизни.

Список литературы

1. Авторитарность как компенсаторная характеристика / Ю.Д. Черткова, М.С. Егорова, О.В. Паршикова, И.Е. Ржанова // Психологические исследования. – 2017. – № 56 (10). – С. 1-12. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1506-chertkova56.html> (дата обращения: 26.11.2019)

2. Андриюшкова Н. П. Психологические факторы суеверности у молодежи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск № 3 (27). 2016. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-factory-suevernosti-u-molodezhi> (дата обращения: 14.12.2019)

3. Афанасенко И.В. Особенности структуры индивидуальной религиозности и связанных с ней личностных свойств у студентов разного пола / И.В. Афанасенко // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2014. – № 2 (12). – С. 30-33. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21947102> (дата обращения: 21.11.2019)

4. Вассерман Ю.М. Авторитарность и социокультурная модернизация // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2017. С: 48-54. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30627986> (дата обращения: 10.11.2019)

5. Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир / Д.С. Григорьев // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4 (28). – С. 30-43. – Режим доступа: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=7254> (дата обращения: 15.10.2019)

6. Григорьева Е.Б. Современный взгляд на исследование авторитаризма в России / Е.Б. Григорьева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 177-191. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-issledovanie-avtoritarnosti-v-rossii> (дата обращения: 20.11.2019)

7. Корниенко Д.С. Восприятие «Прогрессивного» и «Традиционного» человека в условиях позитивного и негативного информационного воздействия / Д.С. Корниенко, М.А. Ковбаснюк // Вестник Пермского гуманитарно-педагогического университета. – 2018. – № 1. – С. 5-16. – Режим доступа: <http://vestnik1.pspu.ru/files/1-2019-1.pdf> (дата обращения: 15.12.2019)

8. Попов Л. М., Меркель Р. В. Психологические особенности авторитарной личности // Образование и саморазвитие. 2009. – № 4 (14). – С. 143 – 149. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18055222> (дата обращения: 08.12.2019)

9. Perry R., Sibley C.G., Duckitt J. Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism. *Journal of Research in Personality*, 2013, Vol. 47, 116–127. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/256933655_Dangerous_and_competitive_worldviews_A_meta-analysis_of_their_associations_with_Social_Dominance_Orientation_and_Right-Wing_Authoritarianism (дата обращения: 05.12.2021)

*Стряпунина Наталья Анатольевна,
студент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: 9082433119@mail.ru*

РОЛЬ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОМОНИТОРИНГА В СОЦИАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования восприятия образа пользователя в социальной сети Instagram. Выборка: 91 респондент, пользователи социальной сети Instagram. Выявлена положительная взаимосвязь между параметрами оценки самопрезентации образа в социальной сети Привлекательность и Реалистичность, а также между параметрами Стремление произвести впечатление и Демонстрация совершенства. Выявлена положительная взаимосвязь между параметрами оценки самопрезентации образа в социальной сети – Привлекательность и Реалистичность и компонентами отношения к образу: Когнитивным, Эмоциональным и Поведенческим. Выявлена отрицательная взаимосвязь между параметрами самомониторинга Публичная самопрезентация и Направленность на других и характеристиками отношения к образу в межличностном восприятии пользователей. Отношение к человеку в социальной сети связано с характеристиками его привлекательности и реалистичности. Намеренная самопрезентация, проявляющаяся через стремление поразить аудиторию социальных сетей, показать свой высокий статус является отдельной характеристикой отношения. Выраженный самомониторинг у респондентов связан с негативным восприятием образа.

Ключевые слова: социальная сеть Instagram, межличностное восприятие, самопрезентация, самомониторинг, отношение к образу.

*Stryapunina Natalya Anatolevna,
student
Perm State University
Perm
e-mail: 9082433119@mail.ru*

THE ROLE OF SELF-PRESENTATION AND OF SELF-MONITORING IN THE SOCIAL PERCEPTION OF USERS OF THE SOCIAL NETWORK INSTAGRAM

Abstract. The results of empirical study of perception of user image on social network Instagram are presented. Sample: 91 respondents, users of the social network Instagram. A positive relationship was identified between the parameters for assessing self-presentation of the image in the social network Attractiveness and Realism, as well as between the parameters Striving to impress and Demonstration of perfection. A positive relationship was identified between the parameters of assessing self-presentation of an image in the social network – Attractiveness and Realism and characteristics of attitude to the image: Cognitive, Emotional and Behavioral. Negative relationship between self-monitoring parameters Public self-presentation and Focus on others and characteristics of attitude to image in social perception of users was revealed. The attitude towards a person in a social network is associated with the characteristics of his or her attractiveness and realism. Intentional self-presentation, manifested through the desire to impress and wow the audience of social networks, to show its high status is a separate characteristic of attitude. Expressed self-monitoring of the respondent is associated with negative perception of the image.

Keywords: social network Instagram, social perception, self-presentation, self-monitoring, attitude.

На сегодняшний день социальные сети играют все большую роль среди сетевых ресурсов. Это повлекло за собой глобальное из-

менение всех принципов самоорганизации общества, коммуникаций, взаимодействия между людьми [6].

Усиление значения социальных сетей в жизни человека отмечается многими авторами: И.А. Смирнова, 2000; И.С. Шевченко, 2002; А.В. Орлова, 2009; К.Г. Дмитриев, 2013; Е.В. Шляхова, 2013.

По данным отчета Digital за 2019 г. на сегодняшний день сеть Instagram постоянно развивается и набирает популярность: число активных аккаунтов преодолело рубеж 1 млрд., число активных пользователей ежедневно составляет 500 млн. [8].

Важным вопросом для понимания механизмов межличностного взаимодействия является то, как воспринимают люди друг друга в социальных сетях, какие личностные свойства и как связаны с формированием впечатления посредством социальных сетей.

На сегодняшний день социальное восприятие в условиях социальных сетей приобретает специфический особенности, а именно, управление восприятием партнеров по коммуникации при помощи конструирования собственного образа [1, 3].

Процессы создания социального образа и публичного самопредъявления тесно связаны с феноменом самопрезентации. Е.В. Сидоренко считает, что «самопрезентация – это управление впечатлением, которое инициатор производит на целевую персону, с целью поддержания или усиления своего влияния на него» [5, с. 80]. Таким образом, самопрезентация позволяет избирательно демонстрировать личностные и другие свойства индивида.

Пользователь социальных сетей стремится управлять впечатлением о себе, манипулируя индивидуальными характеристиками при создании впечатления за счет анонимности, невидимости информационного пространства социальных сетей [2]. Данные особенности описываются феноменом самомониторинга, который является общим феноменом любой социальной коммуникации [4].

Цель настоящего исследования состоит в изучении того, как связано восприятие образов пользователями социальной сети Instagram с характеристиками отношения (социального восприятия) и самомониторинга.

Методики:

1. Модифицированная Шкала самопрезентации в социальных сетях (Self-presentation on Facebook) М. Michikyan, J. Dennis, К. Subrahmanyam (2014) в адаптации Д.С. Корниенко и др., 2021 (в печати) [4];

3. Шкала отношения к образу рассказчика С.А. Щебетенко и др., 2006 [9];

4. Шкала самомониторинга М. Снайдер (1987) в адаптации Е.А. Полежаевой, 2009 [6].

Респондентам были представлены 3 искусственных профиля (на основе предварительного исследования оценки образа): 1) пользователя, демонстрирующего поведение, связанное со стремлением производить впечатление на других; 2) пользователя, не проявляющего характеристик самопрезентации; 3) пользователя, имеющего смешанные характеристики самопрезентации.

Выборка состояла из 91 человека, мужчин (33) и женщин (58) в возрасте 23-45 лет, являющихся пользователями социальной сети Instagram и имеющих действующий аккаунт.

Результаты корреляционного анализа по Спирмену выявили взаимосвязи между компонентами отношения к образу: Когнитивным, Эмоциональным и Поведенческим и параметрами самопрезентации: Привлекательность, Стремление произвести впечатление, Реалистичность и Демонстрация совершенства.

Привлекательность имеет положительную статистическую связь с параметром Реалистичность ($r = 0,44$, $p < 0,001$), а также Когнитивным компонентом ($r = 0,38$, $p < 0,001$), Эмоциональным ($r = 0,41$, $p < 0,001$) и Поведенческим ($r = 0,36$, $p < 0,001$) компонентами. Параметр самопрезентации Стремление произвести впечатление имеет положительную статистическую связь с параметром Демонстрация совершенства ($r = 0,54$, $p < 0,001$). Реалистичность имеет положительную статистическую связь с Когнитивным ($r = 0,42$, $p < 0,001$), Эмоциональным ($r = 0,44$, $p < 0,001$) и Поведенческим ($r = 0,44$, $p < 0,001$) компонентами отношения к образу.

Полученные результаты позволяют утверждать, что отношение к образу в социальной сети связано с характеристиками его привлекательности и реалистичности. Однако, нужно отметить, что намеренная самопрезентация является отдельной характеристикой отношения.

Согласно результатам корреляционного анализа по Спирмену, выявлены взаимосвязи между характеристиками самомониторинга Публичная самопрезентация и Направленность на других и компонентами отношения к образу.

Когнитивный компонент отношения к образу выявил отрицательную корреляцию с характеристиками самомониторинга Публич-

ная самопрезентация ($r = -0,284$, $p < 0,006$) и Направленность на других ($r = -0,309$, $p < 0,003$). Эмоциональный компонент также выявил отрицательную корреляцию с Публичной самопрезентацией ($r = -0,248$, $p < 0,018$) и Направленностью на других ($r = -0,352$, $p < 0,001$). Поведенческий компонент выявил отрицательную корреляцию с Публичной самопрезентацией ($r = -0,215$, $p < 0,041$) и Направленностью на других ($r = -0,291$, $p < 0,005$).

Таким образом, можно говорить о том, что наличие высокого уровня самомониторинга, выраженного через характеристику Публичная самопрезентация и низкого уровня самомониторинга, выраженного через характеристику Направленность на других, является предпосылкой к негативному отношению к образу пользователя в социальной сети Instagram.

Результаты корреляционного анализа показали, что параметр самопрезентации Привлекательность имеет положительную статистическую связь с параметром Реалистичность: чем реалистичнее образ, изображенный на фотографии, тем привлекательнее он для пользователей социальной сети.

Так в исследовании Н.Ю. Шалаевой «Особенности социального представления о привлекательности в современном обществе» отмечено, что в сознании современного человека привлекательность связана с естественностью, реалистичностью [7]. Реалистичные, естественные образы воспринимаются положительно, как более понятные, соответственно, вызывают больше доверия и положительных чувств.

Параметры Привлекательность и Реалистичность имеют положительные статистические связи с Когнитивным, Эмоциональным и Поведенческим компонентами, это говорит о том, что чем привлекательнее и реалистичнее для пользователя образ, тем лучше к нему отношение. Пользователь принимает ценности другого человека, его образ жизни, испытывает положительные эмоции по отношению к нему, ставит лайки, пишет позитивные комментарии.

Параметр Стремление произвести впечатление показал наличие положительной статистической связи с параметром Демонстрация совершенства. Это говорит о том, что пользователь своим образом старался поразить аудиторию социальной сети, показать свой статус и высокий уровень жизни [3], старался произвести впечатление на других, чтобы его воспринимали более успешным, значимым.

Отрицательная статистическая связь между характеристикой самомониторинга Публичная самопрезентация и компонентами отношения к образу позволяет утверждать, что чем сильнее человек при общении с другими разрабатывает и совершенствует свой социальный образ, использует актерскую игру, подстраиваясь и адаптируясь таким образом под других для того, чтобы управлять социальной атмосферой, привлекать внимание, тем более негативное у него отношение к образу в социальной сети.

Также отрицательную статистическую связь имеет характеристика самомониторинга Направленность на других с компонентами отношения к образу. Тем самым, чем больше человек стремится подстраивать свое поведение под желание, стиль других в ситуации межличностного общения, разрабатывать свой образ для того, чтобы производить впечатление на других, нравиться, привлекать внимание к себе, тем хуже его отношение к образу пользователя социальной сети Instagram.

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Параметры самопрезентации Привлекательность и Реалистичность связаны с категорией отношение: отношение к человеку в социальной сети Instagram связано с характеристиками его привлекательности и реалистичности.

2. Параметры самопрезентации Стремление произвести впечатление и Демонстрация совершенства не связаны с категорией отношение: намеренная самопрезентация, проявляющаяся через стремление произвести впечатление, поразить аудиторию социальных сетей, показать свой высокий статус, скорее будет отдельной характеристикой отношения.

3. Чем сильнее выражена у пользователя характеристика самомониторинга Публичная самопрезентация: актерская игра, совершенствование своего социального образа, стремление нравиться, управлять социальной атмосферой, тем более негативное отношение у него к образу.

4. Чем сильнее выражена у пользователя характеристика самомониторинга Направленность на других: адаптивность, желание произвести впечатление, подстраивание своего поведения под желание и стиль других людей, тем хуже его отношение к образу другого человека.

Результаты настоящего исследования могут найти практическое применение в сфере управления впечатлением: они помогут точнее прогнозировать и интерпретировать поведение человека в социальной сети. Полученные в исследовании результаты могут быть использованы в учебных курсах при подготовке дифференциальных и социальных психологов, а также при разработке курса «Основы медиапсихологии».

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы / Национальный психологический журнал – 2013. – № 1 (9) – С. 39-49.
2. Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальными идентичностями. – 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberpsy.ru/articles/self-presentation_identity/ (дата обращения: 28. 04. 2020).
3. Войкунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях / Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 2. – С. 90-104.
4. Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Горбушина Е.А. Особенности самопрезентации в социальной сети в связи с чертами Большой пятерки и Темной триады / Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т. 31. – № 1. – С. 45-53.
5. Пикулёва О.А. Самопрезентация личности как средство управления впечатлением: анализ факторов влияния / Научное мнение. – 2014. – № 2. – С. 140-149.
6. Полежаева Е.А. Место самомониторинга в структуре личностных характеристик: дисс. ...канд. псих. наук: 19.00.01 / Учреждение Российской академии образования «Психологический институт». – М. – 2009. – 270 с.
7. Сидоренко Е.В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию / Практическая психология. – 1999. – № 4. – С.35-52.
8. Тульчинский Г.Л., Лисенкова А.А. Социальные сети: угрозы манипулирования / Общество и личность (актуальность). – 2016. – Т. 2. – № 4 (30). – С. 38-42.
9. Щebetенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С. Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими

[Электронный ресурс] / Вестник пермского государственного института искусства и культуры, 2006. URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0286/07_2006b.pdf (дата обращения: 26.11.2020).

10. Шалаева Н.Ю. Особенности социальных представлений о привлекательности в современном обществе / Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – Т. 15. – № 2 (4). – С. 986-991.

11. Global Digital Statshot 2018 Q2, 2018. <https://datareportal.com/reports/digital-2019-global-digital-overview> (дата обращения: 1.04.2020).

*Алдашева Айгуль Абдулхаевна,
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт психологии РАН
г. Москва
e-mail: aigultama@mail.ru*

*Рунец Оксана Владимировна,
кандидат психологических наук, научный сотрудник
Институт психологии РАН
г. Москва
e-mail: orunez@gmail.com*

РОЛЬ ДОВЕРИЯ ПРОФЕССИОНАЛА СЕБЕ В БЕЗОПАСНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕЛЬДШЕРА СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы психологической безопасности в профессиональной деятельности фельдшеров скорой медицинской помощи (СМП). Работа фельдшера СМП предполагает готовность незамедлительно оказывать медицинскую помощь, направленную на сохранение жизни и здоровья пациента. В результате исследования показано, что фельдшеры скорой медицинской помощи с разным уровнем доверия профессионала к себе (высоким, средним, низким) характеризуются своеобразием в выборе стратегий профессионального поведения и качеством исполнения работы. Эмпирически установлено, что специалисты с высоким уровнем доверия к себе характеризуются более высокими показателями качества деятельности, большим спектром тактик оказания медицинской помощи и стратегий профессионального поведения обеспечивающие безопасность психологического пространства деятельности. Напротив, специалисты с низким уровнем характеризуются как менее профессионально успешные, в экстремальных ситуациях формируют

состояние фрустрации, сопровождающееся временными затратами, ростом диагностических и тактических ошибок, связанных с неполнотой информации, низкой чувствительностью к обратной связи, что в целом снижает уровень безопасности психологического пространства деятельности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, профессиональная деятельность, доверие профессионала к себе, стратегии поведения, профессиональная успешность, фельдшер.

Aldasheva Aygul Abdulkhaevna,
Doctor of Psychology, Researcher
Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
Moscow
e-mail: aigulmama@mail.ru

Runets Oksana Vladimirovna,
Candidate of Psychology (PhD), Researcher
Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
Moscow
e-mail: orunez@gmail.com

THE ROLE OF THE PROFESSIONAL'S SELF-TRUST AS IN THE SAFETY OF THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE EMERGENCY

Abstract. The article discusses the problems of psychological safety in the professional activities of emergency medical assistants (EMS). The work of an emergency medical assistant presupposes the readiness to immediately provide medical assistance aimed at preserving the life and health of the patient. As a result of the study, it was shown that paramedics of emergency medical care with different levels of professional self-trust (high, medium, low) are characterized by their uniqueness in the choice of strategies for professional behavior and the quality of work performance. It has been empirically established that specialists with a high level of self-trust are characterized by higher performance indicators, a wide range of tactics for providing medical care and professional behavior

strategies that ensure the safety of the psychological space of activity. On the contrary, specialists with a low level are characterized as less professionally successful, in extreme situations they form a state of frustration, accompanied by time costs, an increase in diagnostic and tactical errors associated with incomplete information, low sensitivity to feedback, which generally reduces the level of safety of the psychological space of activity.

Keywords: psychological safety, professional activity, professional self-trust, behavior strategies, professional success, medical assistant.

Сложность современной ситуации в здравоохранении Российской Федерации приводит к значительному росту профессиональных нагрузок на медицинский персонал, что обуславливает высокие требования к уровню профессиональной компетентности и поднимает проблемы психологической безопасности специалиста. М. А. Котик выделяет общую проблему психологии безопасности как изучение закономерностей деятельности профессионала в условиях связанных с внешней опасностью, одним из предметов которой, выделяет исследования свойств личности субъекта труда, отражающиеся на безопасности профессиональной деятельности [4]. Психологические проблемы безопасности специалистов СМП преимущественно связывают с экстремальностью как внешних, так и внутренних условий деятельности, которые предъявляют особые требования к профессиональной, психологической и медицинской безопасности пациента и медицинского работника как участников психологического пространства деятельности [6]. К основным требованиям профессии фельдшера относятся: способность работника своевременно оказать помощь пациенту, организация получения информации и обеспечение обратной связи [8]. Что предполагает: во-первых, оценку состояния пациента и получения необходимой для этого информации; во-вторых, квалифицированный анализ и выбор лечебно-тактического решения; в-третьих, организацию взаимодействия как межличностного, так и с использованием телекоммуникативных средств с разными группами: узкими специалистами, экспертами, пациентами и их окружением. Основными факторами экстремальности и связанные с ними рисками в деятельности СМП выступают: дефицит времени, качество и количество информации и особенность ситуации, определяющие психологическое пространство деятельности фельдшера. Поскольку экстренная деятельность фельдшера СМП развора-

чивается в условиях «здесь и сейчас» [9], то одним из факторов успешности деятельности выступает сформированность доверия профессионала к себе, как нами было показано в более ранних исследованиях, что создает условия для более смелого, рискованного и ответственного поведения [2]. Доверие профессионала к себе рассматривается в литературе, как способность человека полагаться на себя, определять цели, превосходить результаты труда и на их основе выстраивать стратегии поведения [3], принимая ответственность не только за себя, но и за другого [7]. Таким образом доверие к себе в профессиональной деятельности, обеспечивает устойчивость психологических структур субъекта труда и определяется отношением работника к собственной эффективности, что позволяет говорить о роли доверия профессионала себе, как личностного качества отражающегося на безопасности психологического пространства деятельности в помогающих профессиях.

В исследовании приняли участие 100 фельдшеров станции скорой медицинской помощи им А.С Пучкова г Москвы. Средний возраст фельдшеров 32 года, средний стаж работы 9 лет. Респонденты были разделены на три группы по уровню доверия к себе (высокий, средний, низкий) [1]. Был проведен контент-анализ интервью, экспертная оценка качества профессиональной деятельности фельдшеров скорой медицинской помощи. и сравнительный анализ.

Так, группа фельдшеров, имеющих высокий уровень доверия к себе, как профессионалу, вне зависимости от ситуации ориентированы на себя (60,7%), стремятся действовать, опираясь на собственный опыт и знания. Они взаимодействуют с группой экспертов «по необходимости, в сложных ситуациях» (76%). В профессиональной деятельности представители группы со средним уровнем доверия дифференцируют профессиональное поведение в зависимости от ситуации. В типичной ситуации они действуют, согласно требованиям деятельности, и протоколу профессионального поведения (72%), с учетом состояния больного, в ситуации неопределенности – с опорой на себя, свой опыт и профессиональную интуицию, принимая ответственность за результат (74,5%). Обращение за помощью к группе экспертов рассматривается как «необходимость» (41%), обусловленная сложными ситуациями, и условие «получения недостающего опыта» (43%). В группе с низким уровнем доверия в ситуациях неопределенности фельдшеры часто (73,3%) предполагают редуцировать профессиональную ситуацию, в том числе при решении воз-

никших проблем использовать алгоритмы, описывающие стандарты профессионального поведения в типовых условиях.

Согласно полученным данным, при взаимодействии с пациентом фельдшеры с высоким и средним уровнями доверия себе используют большее количество стратегий поведения по сравнению с респондентами третьей группы ($p < 0,001$). Фельдшеры с высоким и средним уровнями учитывают ситуацию, свои возможности и состояние пациента, в то время как фельдшеры с низким уровнем доверия выбирают одну или максимум две стратегии. Чаще всего они контролируют себя и свои действия, объясняя выбор стратегии поведения тем, «чтобы не провоцировать конфликт». Избегание взаимодействия с пациентом фельдшеров с низким уровнем доверия себе, вероятно, связано с трудностью выстраивания профессиональных отношений, которые возникают вследствие слабой ориентации человека на обратную связь [5], что приводит к снижению качества оказания медицинских услуг.

При сравнении групп с высоким и средним уровнями доверия себе по объективному показателю «профессиональной успешности» существенных различий не выявлено, в то время как сравнение этих групп с фельдшерами с низким уровнем доверия выявлены различия по данному показателю успешности ($p < 0,01$).

Группы с высоким и средним уровнями доверия к себе характеризуются более высокими показателями качества деятельности, большим спектром тактик оказания медицинской помощи и стратегий профессионального поведения обеспечивающие безопасность психологического пространства деятельности.

Фельдшеры с низким уровнем доверия к себе преимущественно характеризуются более низким качеством оказания медицинской помощи. В экстремальных ситуациях они формируют состояние фрустрации, что влечет за собой временных затрат, рост диагностических и тактических ошибок, связанных с неполнотой информации, низкой чувствительностью к обратной связи, что в целом снижает уровень безопасности психологического пространства деятельности.

Список литературы

1. Алдашева А. А. Доверие профессионала к себе в пространстве профессиональной деятельности / А. А. Алдашева // «Социаль-

ные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». – 2016. – № 3 (51). – С. 62–71.

2. Алдашева А. А., Рунец О. В. Роль доверия профессионала к себе в деятельности фельдшера скорой медицинской помощи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2016. – № 2. – С. 42–53.

3. Ключко В. Е., Галанжинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г. В. Залевского. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. – С.64–72

4. Котик, М. А. Психология и безопасность / М. А. Котик. – 3-е изд., испр. и доп. – Таллинн : Валгус, 1989. – 447с.

5. Лабунская В. А. Психология личности. Учебное пособие / под ред. проф. П. Н. Ермакова, проф. В. А. Лабунской. – М.: Эксмо, 2007 – 653с.

6. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 454 с.

7. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. Проблемы общей психологии. / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – С. 255–385.

8. Шелехов К. К. Фельдшер скорой помощи / К. К. Шелехов, Э. В. Смолева, Л. А. Степанова; под ред. Б. В. Карабухина. Изд. 7-е – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 477с.

9. Шутц В. Глубокая простота. Основы жизненной философии. – М. Файндер 2007. – 248 с.

Финансирование

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2021–0010 «Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов».

Кечатова Ольга Александровна,
студент

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

г. Пермь

e-mail: olga.kechatova@yandex.ru

Краснов Алексей Витальевич,

кандидат психологических наук, доцент

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

г. Пермь

e-mail: aleks-krasnov@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВЫРАЖЕННОСТЬ НЕВРОТИЧЕСКИХ ЧЕРТ ПРИ РАЗНЫХ ТИПАХ РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. Описаны результаты исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и выраженности невротических черт в зависимости от типа рефлексивности. Выборка состоит из 54 человек от 18 до 57 лет. Для проверки гипотез использовались: Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д. В. Люсина, Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева, Е.М. Лаптевой, Е.Н. Осина и А.Ж. Салиховой и Опросник невротических черт личности. Приводятся результаты эмпирического исследования, в ходе которого применялись корреляционный анализ Спирмена и факторный анализ. Результаты показали, что у всех респондентов превалирует системный тип рефлексии, но в разной степени выраженности (ярко выражена, средне, мало). Интроспекция отрицательно связана с управлением своими эмоциями ($r = -0,75$, $p < 0,001$), управлением чужими эмоциями ($r = -0,49$, $p < 0,001$), управлением эмоциями ($r = -0,69$, $p < 0,001$), внутриличностным ЭИ ($r = -0,63$, $p < 0,001$), общим

уровнем ЭИ ($r = -0,59$, $p < 0,001$). Положительно связана с неуверенностью в себе ($r = 0,74$, $p < 0,001$), аффективной неустойчивостью ($r = 0,73$, $p < 0,001$), социальной неадаптивностью ($r = 0,52$, $p < 0,001$). Квазирефлексия отрицательно связана с неуверенностью в себе ($r = 0,55$, $p < 0,001$). Чем лучше у людей со средней выраженностью системной рефлексии развита способность к пониманию и управлению чужими эмоциями, тем они открыты к различным социальным контактам, тем разнообразнее имеют интересы ($r = 0,85$, $p < 0,001$). Чем лучше люди со средне выраженной рефлексией могут управлять эмоциями, тем эмоционально стабильнее и уравновешеннее, а также они больше используют конструктивные способы преодоления стресса ($r = -0,83$, $p < 0,001$).

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, рефлексия, невротические черты, системная рефлексия, интроспекция, квазирефлексия.

Kechatova Olga Aleksandrovna,

student

Perm State University

Perm

e-mail: olga.kechatova@yandex.ru

Krasnov Aleksey Vitalevich,

Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor

Perm State University

Perm

e-mail: aleks-krasnov@yandex.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL INTELLIGENCE AND THE SEVERITY OF NEUROTIC TRAITS, DEPENDING ON THE TYPE OF REFLECTION

Abstract. The article describes the results of a study of the relationship between emotional intelligence and the severity of neurotic traits, depending on the type of reflexivity. The sample consists of 54 people from 18 to 57 years old. To test the hypotheses, the following were used:

Questionnaire of emotional intelligence "EmIn" by D. V. Lyusin, Questionnaire "Differential type of reflection" D. A. Leontyev, Ye.M. Lapteva, E.N. Osin and A. Zh. Salikhova and the Questionnaire of neurotic personality traits. The results of an empirical study are presented, during which Spearman's correlation analysis and factor analysis were used. The results showed that the systemic type of reflection prevails in all respondents, but in varying degrees of severity (pronounced, medium, small). Introspection is negatively associated with managing one's emotions ($r = -0.75$, $p < 0.001$), managing other people's emotions ($r = -0.49$, $p < 0.001$), managing emotions ($r = -0.69$, $p < 0.001$), intra- ($r = -0.63$, $p < 0.001$), the general level of EI ($r = -0.59$, $p < 0.001$). It is positively associated with self-doubt ($r = 0.74$, $p < 0.001$), affective instability ($r = 0.73$, $p < 0.001$), social maladaptivity ($r = 0.52$, $p < 0.001$). Quasi-reflexion is negatively associated with self-doubt ($r = 0.55$, $p < 0.001$). The better people with average severity of systemic reflection develop the ability to understand and control other people's emotions, the more open they are to various social contacts, the more diverse their interests are ($r = 0.85$, $p < 0.001$). The better people with moderate reflection can control emotions, the more emotionally stable and balanced they are, and they also use more constructive ways to overcome stress ($r = -0.83$, $p < 0.001$).

Keywords: emotional intelligence, reflection, neurotic traits, systemic reflection, introspection, quasi-reflection.

В сложившихся условиях на человека действует большое количество стрессовых ситуаций и в связи с этим возрастает число невротических реакций. Проблема невротизации личности приобретает в последнее время остро социальное значение: пандемия, резкое изменение режима жизни, конфликты, неудовлетворенность, раздражительность и апатия стали спутниками современного человека, отражаясь на всех аспектах его жизни и резко снижая ее качество. Безусловно, в развитии невротический черт играют роль психогенные факторы, травмирующие обстоятельства. Под травмирующими обстоятельствами чаще всего понимают различные нарушения в системе значимых отношений [5]. Это могут быть конкретные события драматического характера, разрушающие гармоничность отношений с людьми, или последствия внутреннего конфликта, отражающие дисгармоничность отношения к себе. Так или иначе, механизм невротизации указывает на роль личности в его разворачивании, по-

сколькx именно личность является тем феноменом, который детерминируется отношениями и детерминирует их.

Последний год был довольно травмирующим для значительногo населения планеты. Пандемия существенным образом изменила жизнь многих людей, став причиной страха и тревоги миллионов людей по всему миру и оказав влияние на психическое здоровье миллионов людей – потеря близких, изоляция, экономические потрясения и неуверенность в завтрашнем дне. Недавнее исследование, проведенное ВЦИОМ, Российской ассоциацией политических консультантов (РАПК) и федеральной сетью «Клуб регионов», показало, что текущий уровень тревожности россиян сопоставим с октябрём 1993 года, когда произошел октябрьский путч и августом 1998 (дефолт). При этом, как отмечают социологи, страхи россиян смещаются с угрозы заражения на финансовые последствия. И это будет иметь долгосрочный эффект из-за ухудшающегося экономического положения граждан [9].

Большой вклад в развитие тревожности вносит неопределенность. Она проявляется во многих вещах, начиная от необычности воздействия вируса на организм и заканчивая дестабилизацией экономики и крахом планов многих людей.

Поэтому в последнее время особенно остро, во-первых, возрастает потребность в умении регулировать свои эмоции. Человеку необходимо уметь распознавать и воздействовать на эмоциональное состояние других людей, контролировать и распознавать собственные переживания, т.е. обладать развитым эмоциональным интеллектом. Во-вторых, человеку необходимо целостно оценивать ситуации и их принятие [8], возникает необходимость самодистанцирования, способность видеть одновременно и полюс субъекта, и полюс объекта. Это обеспечивается такой способностью человека как рефлексия. Рефлексивное сознание даёт возможность человеку преодолеть генетические, социальные программы поведения и построить собственные, то есть обеспечивает определённую степень свободы. Рефлексия также является важнейшим механизмом самопознания, необходимым для развития личности. А.В. Карповым рефлексия обосновывается как процесс, значимый для саморегуляции, позволяющий личности сознательно выстраивать свою жизнедеятельность [2]. Д. А. Леонтьев выделяет дифференциальную модель рефлексии. В ней представлены разные формы рефлексивных процессов: интроспекция, системная рефлексия, квазирефлексия. Интроспекция (самокопание) даёт возможность сосредоточиться на собственных внутрен-

них переживаниях и состояниях. Квазирефлексия (посторонние размышления) направлена на объект, который не связан с актуальной жизненной ситуацией. Она представляет собой форму психологической защиты через уход от неприятной ситуации. Системная рефлексия основана на самодистанцировании, взгляде на себя со стороны. Эта форма рефлексии, по мнению Леонтьева, является наиболее адаптивной и связана с самодетерминацией. Направленность сознания на себя происходит в дополнение к его направленности на внешнюю ситуацию. Человек, обладающий развитыми рефлексивными способностями способен лучше понимать и регулировать свои эмоции, а также менее подвержен невротическим реакциям. В современной психологической науке нет исследований, посвященных изучению эмоционального интеллекта и невротических черт у разных типов рефлексии [4].

Для определения эмоционального интеллекта используется Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д. В. Люсина. Для определения выраженности невротических черт используется Опросник невротических черт личности. Для определения типа рефлексии используется Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева, Е.М. Лаптевой, Е.Н. Осина и А.Ж. Салиховой.

Эмпирическое исследование проводилось с помощью интернет-тестирования. Респонденты заполняли форму на сайте <https://onlinetestpad.com/>. В исследовании пока приняли участие 54 человека от 18 до 57 лет ($M = 24$ года, $SD = 6,05$).

Методы анализа данных. Результаты показали, что у всех респондентов превалирует системный тип рефлексии, но в разной степени выраженности (ярко выражена, средне, мало). Полученные данные были обработаны с помощью математических методов. Для определения взаимосвязи эмоционального интеллекта и невротических черт – анализ с расчетом коэффициента корреляции Спирмена. При обработке данных использовался пакет статистических программ Statistica 8.

Результаты и их обсуждение. По результатам корреляционного анализа Спирмена между типами рефлексии и шкалами эмоционального интеллекта, а также невротическими чертами были выявлены следующие взаимосвязи: системная рефлексия положительно связана с пониманием своих ($r = 0,32$, $p < 0,05$), пониманием чужих эмоций ($r = 0,40$, $p < 0,01$), пониманием эмоций ($r = 0,32$, $p < 0,05$), межличностным эмоциональным интеллектом ($r = 0,35$, $p < 0,05$) и общим уровнем эмоционального интеллекта ($r = 0,29$, $p < 0,05$). Интроспек-

ция отрицательно связана с пониманием своих эмоций ($r = -0,31$, $p < 0,05$), управлением своими эмоциями ($r = -0,75$, $p < 0,001$), управлением чужими эмоциями ($r = -0,49$, $p < 0,001$), управлением эмоциями ($r = -0,69$, $p < 0,001$), внутриличностным ($r = -0,63$, $p < 0,001$), межличностным ЭИ ($r = 0,32$, $p < 0,05$), общим уровнем ЭИ ($r = -0,59$, $p < 0,001$). Положительно связана с неуверенностью в себе ($r = 0,74$, $p < 0,001$), аффективной неустойчивостью ($r = 0,73$, $p < 0,001$), социальной неадаптивностью ($r = 0,52$, $p < 0,001$). Кроме того, интроспекция положительно связана с интровертированной направленностью ($r = 0,32$, $p < 0,05$). Квазирефлексия отрицательно связана с неуверенностью в себе ($r = 0,55$, $p < 0,001$), управлением своими эмоциями ($r = -0,29$, $p < 0,05$), управлением эмоциями ($r = -0,33$, $p < 0,05$), внутриличностным ($r = -0,36$, $p < 0,05$), общий уровень эмоционального интеллекта ($r = -0,29$, $p < 0,05$). Положительно связана с аффективной неустойчивостью ($r = 0,43$, $p < 0,01$) и социальной неадаптивностью ($r = 0,42$, $p < 0,01$).

В результате первичного анализа было выявлено, что у всех респондентов превалирует системный тип рефлексии, но в разной степени выраженности (ярко выражена, средне, мало). Поэтому респонденты были поделены на три группы в соответствии выраженности системной рефлексии. В результате корреляционного анализа Спирмена в первой группе (ярко выраженная системная рефлексия) между шкалами эмоционального интеллекта и невротических черт были получены следующие корреляции: социальная неадаптивность отрицательно связана с пониманием своих эмоций ($r = -0,53$, $p < 0,05$), управлением своими эмоциями ($r = -0,66$, $p < 0,01$), пониманием чужих эмоций ($r = -0,70$, $p < 0,01$), управлением чужими эмоциями ($r = -0,54$, $p < 0,05$), пониманием эмоций ($r = -0,67$, $p < 0,01$), внутриличностным ЭИ ($r = -0,54$, $p < 0,05$), межличностным ЭИ ($r = -0,70$, $p < 0,01$), общим уровнем ЭИ ($r = -0,06$, $p < 0,05$). Управление чужими эмоциями отрицательно связано с ипохондричностью ($r = -0,59$, $p < 0,05$), аффективной неустойчивостью ($r = -0,56$, $p < 0,05$). Неуверенность в себе отрицательно связана с пониманием своих эмоций ($r = -0,28$, $p < 0,01$), пониманием чужих эмоций ($r = -0,58$, $p < 0,05$), межличностным ЭИ ($r = -0,53$, $p < 0,05$). Это означает, что люди с ярко выраженной способностью к самодистанцированности, самонаблюдению и самопониманию хорошо понимают, управляют своими и чужими эмоциями, имеют высокие показатели внутриличностного, межличностного, общего уровня ЭИ и при этом они лучше могут приспосабливаться к разным социальным ситуациям. Также такие

люди, умеющие управлять эмоциями, чрезмерно не сосредотачиваются на состоянии своего здоровья, им не свойственно внимательное отношение к незначительным проявлениям недомогания, чрезмерный контроль своего образа жизни с целью избежать ситуаций, потенциально связанных с риском заболевания. Помимо этого, чем лучше люди с ярко выраженной системной рефлексией могут управлять чужими эмоциями в ситуациях социального взаимодействия, тем они устойчивее в стрессе и используют более конструктивные формы психологического преодоления и приспособления. Опять же такие лица с развитыми способностями понимания, управления своими и чужими эмоциями обладают уверенностью в себе, повышенной самооценкой.

В результате корреляционного анализа Спирмена во второй группе (средне выраженная системная рефлексия) между шкалами эмоционального интеллекта и невротических черт были получены следующие корреляции: управление чужими эмоциями отрицательно связано с неуверенностью в себе ($r = -0,56$, $p < 0,05$). Познавательная и социальная пассивность положительно связана с пониманием чужих эмоций ($r = 0,84$, $p < 0,001$), управлением чужими эмоциями ($r = 0,58$, $p < 0,05$), межличностным ЭИ ($r = 0,85$, $p < 0,001$), отрицательно связана с контролем экспрессии ($r = -0,55$, $p < 0,05$). Аффективная неустойчивость отрицательно связана с управлением своими эмоциями ($r = -0,85$, $p < 0,001$), контролем экспрессии ($r = -0,62$, $p < 0,05$), управлением эмоциями ($r = -0,83$, $p < 0,001$), внутриличностным ЭИ ($r = -0,70$, $p < 0,01$), общим уровнем ЭИ ($r = -0,69$, $p < 0,01$). Интровертированная направленность положительно связана с контролем экспрессии ($r = 0,59$, $p < 0,05$), внутриличностным ЭИ ($r = 0,51$, $p < 0,05$). Это означает, что чем лучше люди со средне выраженной системной рефлексией могут управлять чужими эмоциями, тем они увереннее себя чувствуют. Кроме того, чем лучше такие люди понимают и управляют эмоциями окружающих, тем более активны в поиске информации и впечатлений, тем разнообразнее их интересы и социальные контакты. Однако, чем активнее они в поиске контактов и интересов, тем они меньше контролируют внешнее проявление эмоций. Более того, чем сильнее люди со средне выраженной системной рефлексией эмоционально реагируют на ситуацию, тем хуже они могут понимать, управлять чужими и своими эмоциями, их внешним проявлением. Также чем более люди со средне развитой системной рефлексией открыты к контактам, тем сильнее они пони-

мают и управляют своими эмоциями, лучше могут контролировать их внешнее проявление.

В результате корреляционного анализа Спирмена в третьей группе (мало выраженная системная рефлексия) между шкалами эмоционального интеллекта и невротических черт были получены следующие корреляции: неуверенность в себе отрицательно связана с управлением своими эмоциями ($r = -0,50$, $p < 0,05$), управлением чужими эмоциями ($r = -0,53$, $p < 0,05$), управлением эмоциями ($r = -0,71$, $p < 0,01$). Познавательная и социальная пассивность положительно связана с управлением чужими эмоциями ($r = 0,71$, $p < 0,01$). Невротический сверхконтроль поведения отрицательно связан с управлением эмоциями ($r = -0,57$, $p < 0,05$). Аффективная неустойчивость отрицательно связана с управлением своими эмоциями ($r = -0,69$, $p < 0,01$), внутриличностным ЭИ ($r = -0,54$, $p < 0,05$). Интровертированная направленность отрицательно связана с управлением чужими эмоциями ($r = -0,59$, $p < 0,05$). Социальная неадаптивность отрицательно связана с управлением эмоциями ($r = -0,60$, $p < 0,05$), внутриличностным ЭИ ($r = -0,55$, $p < 0,05$), общим уровнем ЭИ ($r = -0,51$, $p < 0,05$). Это означает, что люди с мало выраженной рефлексией, которые с трудом управляют эмоциями, как правило чувствуют неуверенность в себе при общении, испытывают потребность в тщательном планировании и обдумывании поступков, им трудно переключаться с одного вида деятельности на другой. Помимо того, если таким людям сложно управлять чужими эмоциями, то они склонны к длительному обдумыванию информации, ограниченному кругу интересов, низкой социальной активности и затруднению в установлении контактов. Также лица с мало выраженной рефлексией, которые раздражительны, вспыльчивы, не сдержаны, плохо понимают и управляют своими эмоциями. Кроме того, чем хуже такие люди управляют чужими эмоциями, тем сильнее они стремятся к одиночеству, погрузиться в мир собственных переживаний, т.к. испытывают дискомфорт в ситуациях широкого социального взаимодействия. Также люди с мало выраженной системной рефлексией и обладающие развитой способностью к пониманию, управлению своими и чужими эмоциями легче адаптируются к социальным ситуациям, обладают хорошими коммуникативными способностями и стремятся к сотрудничеству.

Выводы: у всех респондентов превалирует системный тип рефлексии, но в разной степени выраженности (ярко выражена, средне, мало), что говорит об адаптивном функционировании.

1. Интроспекция отрицательно связана с управлением своими эмоциями, управлением чужими эмоциями, управлением эмоциями, внутри-, общим уровнем ЭИ, положительно связана с неуверенностью в себе, аффективной неустойчивостью, социальной неадаптивностью. Квазирефлексия отрицательно связана с неуверенностью в себе.

2. У людей с ярко выраженной системной рефлексией значительная часть отрицательных корреляций наблюдается между компонентами эмоционального интеллекта и социальной неадаптивностью. Чем лучше люди с ярко выраженной рефлексией способны понимать, управлять своими и чужими эмоциями, тем лучше адаптируются к новым социальным ситуациям, пластичнее в общении и более хорошими коммуникативными навыками обладает. Также такие люди, умеющие управлять эмоциями, чрезмерно не сосредотачиваются на состоянии своего здоровья, им не свойственно внимательное отношение к незначительным проявлениям недомогания, чрезмерный контроль своего образа жизни с целью избежать ситуаций, потенциально связанных с риском заболевания.

3. У людей со средне выраженной системной рефлексии значительная часть положительных корреляций наблюдается между компонентами эмоционального интеллекта и познавательной, социальной пассивностью и отрицательных с аффективной неустойчивостью. Чем лучше люди со средне выраженной системной рефлексией способны понимать, управлять своими и чужими эмоциями, тем более активны в поиске информации и впечатлений, тем разнообразнее их интересы и социальные контакты. Чем лучше такие люди управляют эмоциями, тем они эмоционально стабильнее и уравновешеннее, имеют более конструктивными способами преодоления стресса.

4. У людей с мало выраженной системной рефлексии значительная часть положительных корреляций наблюдается между компонентами эмоционального интеллекта и неуверенностью в себе и социальной неадаптивностью, а также есть отрицательная корреляция со сверхконтролем поведения. Люди с мало выраженной рефлексией, которые с трудом управляют эмоциями, как правило чувствуют неуверенность в себе при общении, испытывают потребность в тщательном планировании и обдумывании поступков, им трудно переключаться с одного вида деятельности на другой. Также люди с мало выраженной системной рефлексией и обладающие развитой способностью к пониманию, управлению своими и чужими эмоциями легче

адаптируются к социальным ситуациям, обладают хорошими коммуникативными способностями и стремятся к сотрудничеству.

Результаты данного исследования позволяют дополнить информацию о взаимосвязи эмоционального интеллекта и невротических черт у людей с разной выраженностью системной рефлексии. В дальнейшем планируется проведение исследования с респондентами, у которых преобладают разные типы рефлексии, увеличением численности выборки, а также разработки методов работы с людьми с преобладанием квазирефлексии, интроспекции и развитием системной рефлексии как адаптивного способа саморегуляции.

Список литературы

1. Карпов А.В. О понятии метакогнитивных способностей личности // Психология интеллекта и творчества / под ред. А.Л. Журавлева, М.А. Холодной и др. – М., 2010. – С. 35–46., с. 42.
2. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 424 с.
3. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45–58., с. 47.
4. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «Хорошая» и «Дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. №4.
5. Менделевич В.Д., Соловьева С.Л. Неврология и психосоматическая медицина.– М.: МЕДпресс-информ, – 2002. – 608 с. (с. 360–376).
6. Семенов И.Н. Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2015. – № 3. – С. 22–39.
7. Шадриков В.Д. Мысль, мышление и сознание // Мир психологии. – 2014. – № 1. – С. 17–32.
8. Ширяева О.С. Личность и конструктивное преодоление экстремальных воздействий // Психология в вузе. – 2015. – № 1. – С. 25–39.
9. Результаты опроса ВЦИОМ «Уровень тревожности и страхи россиян».

Щипунова Ирина Константиновна,
студент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет
г. Пермь
e-mail: shipunova.ira2014@yandex.ru

Самбикина Оксана Семёновна,
кандидат психологических наук, доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет
г. Пермь
e-mail: sambikina-oksana@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИНСКО-ДЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ, ИМЕЮЩИХ РАЗНЫЕ ТИПЫ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ

Аннотация. в статье раскрыта актуальность, проблема и методы исследования, а также представлены результаты эмпирического исследования, которое посвящено изучению особенностей материнско-детских отношений и свойств личности старших дошкольников с разными типами привязанности к матери. Описаны статистически значимые различия материнско-детских отношений и свойств личности дошкольников с надёжной, тревожно-избегающей, тревожно-амбивалентной и дезорганизованной привязанностью к матери. Кроме этого, обозначены перспективы исследования.

Ключевые слова: тип привязанности, старший дошкольник, материнско-детские отношения, личность.

Schipunova Irina Konstantinovna,
student
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm
e-mail: shipunova.ira2014@yandex.ru

Sambikina Oksana Semyonovna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm
e-mail: sambikina-oksana@yandex.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS OF MOTHER-CHILD
RELATIONSHIPS AND PERSONALITY TRAITS OF OLDER
PRESCHOOLERS WITH DIFFERENT TYPES
OF ATTACHMENT TO THE MOTHER**

Abstract. the article reveals the relevance, problem and methods of research, as well as presents the results of an empirical study that is devoted to the study of the features of mother-child relationships and personality traits of older preschoolers with different types of attachment to the mother. Statistically significant differences in mother-child relationships and personality traits of preschool children with reliable, anxious-avoiding, anxious-ambivalent and disorganized attachment to the mother are described. In addition, the prospects of the study are outlined.

Keywords: type of attachment, senior preschooler, mother-child relationship, personality.

Феномен привязанности представляет собой глубокую эмоциональную связь, возникающую между ребёнком и взрослым. В науке появляется всё больше доказательств о влиянии ранних эмоциональных связей ребёнка с близким взрослым на формирование его личностных особенностей. Если привязанность ребёнка к матери определяется как ненадёжная, сам ребёнок характеризуется как пассивный и суетливый. Ненадёжная привязанность по мнению М. Эйнсворт, является показателем неблагополучного развития [2].

Значительный круг исследований показал важнейшую роль привязанности в формировании самосознания, самооценки ребёнка, способности взаимодействовать с окружающими [1].

Кроме этого, проблема роли семьи в формировании личности также приобретает в настоящее время особую актуальность. Это связано с усложнением социальной среды, обилием противоречивой информации, снижением воспитательного потенциала семьи, общества – это негативным образом сказывается на процессах воспитания детей дошкольного возраста, поскольку они наиболее подвержены влиянию факторов окружающей среды [3].

Особое место в процессе личностного развития занимает любовь к ребенку матери и его отношения с матерью. Удовлетворение всех потребностей ребенка осуществляется через мать, в ней источник всех его радостей, чувства защищенности и эмоционального благополучия.

Актуальность темы исследования определяется важностью характера взаимоотношений в семье для формирования многих социально значимых качеств личности, а также особой ролью эмоциональных связей с матерью. Психология не имеет достаточно сведений о связи материнско-детских отношений и личностной сферы детей, имеющих разные типы привязанности к матери. Особенно ощутим пробел подобных сведений применительно к дошкольному возрасту. Вероятно, это связано с недостатком валидных и надёжных методик, которыми можно количественно измерить изучаемые показатели, что очень важно для статистической обработки данных.

Исходя из сказанного, целью нашего исследования стало изучение особенностей материнско-детских отношений и свойств личности старших дошкольников, имеющих разные типы привязанности к матери.

Гипотезы исследования:

1. Существуют значимые различия в показателях взаимоотношений между матерями и старшими дошкольниками, имеющих разные типы привязанности к матери (для матерей, воспитывающих детей с тревожно-избегающим типом привязанности, характерно игнорирование потребностей ребенка, предъявление ребенку большого количества требований; для матерей, воспитывающих детей с тревожно-амбивалентной привязанностью, характерна неустойчивость стиля воспитания, неразвитость родительских чувств; для матерей, воспитывающих детей с дезорганизованной привязанностью – игно-

рирование потребностей ребёнка, чрезмерность санкций; для матерей, воспитывающих детей с надёжной привязанностью, – гиперпротекция).

2. Существуют значимые различия в проявлении свойств личностной сферы старших дошкольников с разными типами привязанности к матери (старшие дошкольники, имеющие надёжную привязанность характеризуются общительностью, у детей с тревожно-амбивалентным типом привязанности значимо выше выражены показатели тревожности и незащищенности, недоверия к себе и чувства неполноценности, дети с тревожно-избегающим и дезорганизованным типом привязанности более конфликтны, фрустрированы, испытывают трудности в общении).

Эмпирическое исследование осуществлялось на базе МАДОУ «Детский сад №364» г. Перми, в котором приняло участие 88 диад мать-ребёнок.

Для изучения материнско-детских отношений был использован опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. В.. Типы привязанности к матери исследовались при помощи проективной методики «Определение особенностей эмоциональной привязанности ребёнка к матери» Н. Каплан. Свойства личности старших дошкольников изучались при помощи Теста руки Э. Вагнера и теста «Дом-Дерево-Человек» Дж. Бака.

На первом этапе исследования из исходной выборки дошкольников были выделены группы детей с разными типами привязанности к матери. Таким образом, 33 ребёнка имеют надёжный тип привязанности к матери (37,5%), 26 детей – тревожно-избегающий тип (29,5%), 20 детей – тревожно-амбивалентный тип (23%) и 9 детей – дезорганизованный (10%).

На основании сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни были получены следующие результаты: матери, стиль воспитания которых привёл к надёжному типу привязанности, имеют более высокие значения по показателям «Гиперпротекция» ($U = 163$; $p < 0,001$), «Минимальность санкций» ($U = 217$; $p < 0,001$), по сравнению с матерями, воспитывающих детей с ненадёжными типами привязанности. Значимые различия выявлены между матерями, воспитывающих детей с тревожно-избегающей, тревожно-амбивалентной и дезорганизованной привязанностью. Материнско-детские отношения в выборке детей с тревожно-избегающей привязанностью имеют более высокие значения по показателям «Гипопротекция» ($U = 301$; p

< 0,001), «Чрезмерность требований (обязанностей)» ($U = 363$; $p < 0,05$), «Игнорирование потребностей ребёнка» ($U = 243$; $p < 0,001$). Матери, воспитывающие детей с тревожно-амбивалентной привязанностью имеют более высокие значения по показателям «Неустойчивость стиля воспитания» ($U = 340$; $p < 0,001$), «Потворствование» ($U = 201$; $p < 0,001$). Матери дошкольников с дезорганизованной привязанностью демонстрируют более высокие значения по показателям «Чрезмерность санкций» ($U = 226$; $p < 0,001$), «Чрезмерность требований-запретов» ($U = 384$; $p < 0,05$), «Неразвитость родительских чувств» ($U = 290$; $p < 0,001$).

В результате сравнительного анализа личностных свойств дошкольников, можно охарактеризовать личностную сферу детей с разными типами привязанности. Дети с надёжной привязанностью к матери имеют более высокие значения по показателям «Коммуникация» ($U = 194$; $p < 0,001$) и «Эмоциональность» ($U = 320$; $p < 0,001$) и менее высокие значения по показателю «Конфликтность» ($U = 305$; $p < 0,001$), нежели дети с тревожно-избегающей и дезорганизованной привязанностью. Дошкольники с тревожно-амбивалентной привязанностью имеют более высокие значения по показателям «Зависимость» ($U = 345$; $p < 0,001$) и «Демонстративность» ($U = 225$; $p < 0,001$), «Чувство неполноценности» ($U = 198$; $p < 0,001$). Дети с ненадёжными типами привязанности (тревожно-избегающий, тревожно-амбивалентный и дезорганизованный) имеют более высокие значения по показателям «Тревожность», «Трудности общения», «Недоверие к себе», по сравнению с дошкольниками с надёжной привязанностью к матери.

Таким образом, выдвинутые гипотезы, находят своё подтверждение. Действительно, существуют значимые различия в показателях материнско-детских отношений и личностных свойств старших дошкольников с разными типами привязанности к матери. Перспективной данного исследования является рассмотрение характера взаимосвязей свойств личности и показателей материнско-детских отношений в выборках старших дошкольников с разными типами привязанности.

Список литературы

1. Гилёва Н.С. Влияние эмоциональной привязанности ребёнка к матери на становление самооценки старших дошкольников / Н.С. Гилёва // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – С. 134-138.
2. Искольдский Н.В. Исследование привязанности ребёнка к матери (в зарубежной психологии) / Н.В. Искольдский // Вопросы психологии. – 1985. – №6. – С. 146-152.
3. Романенко Л.В. Роль семьи в формировании личности ребёнка / Л.В. Романенко // Наука, образование и культура. – 2017. – С. 30-32.

*Голубцова Анна Игоревна,
аспирант
Казанский (Приволжский) государственный университет
г. Пермь
e-mail: Golubcova-anet2011@yandex.ru*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена проблеме психологической безопасности участников уголовно-правовых отношений в процессе исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы. А также в статье рассматриваются вопросы по улучшению психологической помощи, направленной на формирование доверительных отношений между персоналом уголовно-исполнительной системы и осужденными.

Ключевые слова: психологическая безопасность, уголовно-исполнительная система, уголовное наказание, персонал учреждения, осужденные.

*Golubtsova Anna Igorevna,
postgraduate student
Kazan Federal University
Perm
e-mail: Golubcova-anet2011@yandex.ru*

ASPECTS OF THE STATE OF PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the problem of psychological safety of participants in criminal-legal relations in the process of execution and serving of a criminal sentence in the form of deprivation of liberty in institutions of the penitentiary system. The article also discusses the issues of improving psychological assistance aimed at forming trusting relationships between the staff of the penitentiary system and convicts.

Keywords: psychological security, penal system, criminal punishment, institution staff, convicts.

Одной из глобальных проблем существования человека в обществе является решение задач, связанных с обеспечением его безопасности. Решив задачи обеспечения безопасности конкретного человека, возможно спроектировать и осуществить меры по обеспечению безопасности общества и государства в целом. Защитная функция государства, в лице ее правоохранительных органов, прежде всего направлена на обеспечение личной безопасности ее граждан, защиту их прав и законных интересов, государственной и иных форм собственности, а также безусловного самого важного признака человеческого существования – жизни.

Особое место в процессе обеспечения безопасности человека в России занимают учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы, уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Деятельность УИС непосредственно связана с обеспечением безопасности всех участников уголовно-правовых отношений в процессе исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

По состоянию на 1 мая 2021 г. в учреждениях УИС содержалось 478 182 человек, что на 4 650 человек меньше чем на 01.01.2021, в том числе: на 6 980 человек снизилось количество осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях, на 598 человек в колониях-поселениях, на 11 человек в колониях особого режима для осужденных пожизненного лишения свободы, на 27 человек в воспитательных колониях. При этом увеличилась численность лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах на 2 335 человек [4]. Несмотря на то, что наблюдается снижение общего количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы

в исправительных учреждениях (далее – ИУ), а численность лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах (далее – СИЗО) увеличивается, концентрация в местах лишения свободы лиц, представляющих повышенную опасность не только для персонала учреждений, но и для общества в целом по-прежнему остается на высоком уровне. Основными угрозами безопасности личности в пенитенциарных учреждениях являются: причинение вреда здоровью и лишение жизни; насилие, направленное на разрушение сложившегося мировоззрения, а также навязыванием нового, порой чуждого общепризнанному; манипулирование сознанием и поведением осужденных; нравственное разращение и физическое растрление; ограничение или лишение общечеловеческих прав и свобод; насильственное подчинение преступным целям и группировкам; использование человека как средства обогащения и т. д.

Рассматривая понятие «безопасность» через призму существующих общественных отношений всех ее участников в процессе исполнения и отбывания наказания и обеспечивающих отсутствие опасности как от внешних, так и от внутренних источников, необходимо отметить, что деятельность учреждений и органов УИС направлена на обеспечение основных форм безопасности: политической, социокультурной, социальной, экономической, техногенной, военной, экологической, информационной, правовой, интеллектуальной, финансовой, а также психологической и др.

Рассматривая психологическую безопасность в УИС, невозможно не согласиться с мнением Боевой И.А., которая характеризует психологическую безопасность как «состояние окружающей среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психологическое здоровье включенных в нее участников» [1, с. 34].

Взаимодействуя в процессе исполнения и отбывания наказания, персонал учреждений и органов УИС, а также осужденные и лица, содержащиеся под стражей, вынуждены ориентироваться не только на внешние и внутренние факторы среды, но и обращаться к своим собственным психологическим ресурсам, что дает основание считать психологическую безопасность личности одной из ключевых в процессе исправления осужденных.

Соглашаясь с мнением Смык Ю.В., одним из важнейших собственных ресурсов человека является доверие, которое в общем смысле характеризуется как отношение человека к себе, другим людям, окружающему миру, а также личная оценка уровня опасности или безопасности среды обитания [3].

Для того, чтобы цель уголовного наказания, а именно исправление осужденных, была достигнута, одних запретов, ограничений, принуждений в деятельности персонала пенитенциарных учреждений будет явно недостаточно. Невозможно обеспечить исправление осужденных, без наличия должного уровня доверия между ними и персоналом пенитенциарных учреждений. Возникающие между персоналом учреждений и осужденными какие-либо конфликты, принуждение к соблюдению правил внутреннего распорядка, применение физической силы специальных средств и оружия, дисциплинарная практика, нарушения прав и законных интересов, правонарушения и чрезвычайные происшествия порождают недоверие, что безусловно негативно влияет не только на деятельность самого пенитенциарного учреждения, но и эффективность всей уголовно-исполнительной политики государства.

В своем исследовании Соболев Н.Г. связывает возникновение недоверия в процессе исправления осужденных с объективными и субъективными факторами, а именно: сама специфика учреждений и органов УИС; особенности корпоративной культуры персонала и субкультуры у осужденных; репрессивный уклон в действиях и поступках персонала учреждений УИС; индивидуальные особенности личности отдельных работников и специальные полномочия некоторых служб УИС; нормативность взаимоотношений; обычная установка враждебности и негативизма в отношении осужденных, а также другие факторы. [2] К объективным факторам также следует отнести большой массив нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность УИС, тогда как субъективные факторы формируются личностными особенностями сотрудников и осужденных, культурой, этикой поведения, социально-правовым статусом и иными индивидуальными особенностями участников уголовно-правовых отношений.

На наш взгляд, доминирующее влияние на феномен недоверия оказывают объективные факторы. Нормативные правовые акты, обращающиеся в УИС, как правило носят императивный характер, что как показывает практика, приводит к чрезмерной зарегламентиро-

ванности поведения персонала учреждений и осужденных. Различного рода инструкции, положения, методические рекомендации, приказы по основным направлениям деятельности УИС, как правило распространяются на все учреждения и органы УИС одинаково, без учета их специфики и лиц, в них содержащихся, что на практике вызывает недоумение, непонимание, а также нежелание их выполнять не только у осужденных и лиц, содержащихся под стражей, но и у сотрудников и работников ИУ и СИЗО. Результатом таких взаимоотношений может стать состояние, в котором осужденные «не хотят соблюдать» установленный порядок, а персонал учреждений «не желает или не в состоянии» его обеспечить. В сложившейся ситуации между участниками уголовно-исполнительных отношений могут возникать психическое и физическое напряжение, а чувство опасности и страха стать доминирующим. Отсутствие «доверительных» отношений между персоналом учреждений и осужденными могут привести к злоупотреблениям должностными полномочиями со стороны сотрудников ИК и СИЗО, ошибкам и просчетам в их служебной деятельности, а также совершению правонарушений и преступлений со стороны осужденных и заключенных под стражу.

Подводя краткий итог, необходимо отметить, что в настоящее время взаимоотношения, складывающиеся между персоналом учреждений и органов УИС и осужденными, в целом можно характеризовать как неустойчивые. Уровень психологической безопасности УИС непосредственно зависит от вида исправительного учреждения, категории осужденных и лиц, содержащихся под стражей, состояния режима исполнения и отбывания наказания, профессиональной пригодности сотрудников, а также состояния и эффективности уголовно-исполнительного законодательства, его актуальности и соответствия имеющемуся состоянию общественных отношений. В связи с чем считаем, что приоритетными направлениями деятельности психологических лабораторий учреждений и органов УИС должны стать: расширение коммуникативного диапазона персонала УИС и осужденных; обучение персонала ИУ и СИЗО навыкам распознавания и использования манипулятивных стратегий осужденными, приемам диалогового общения, что в свою очередь способствовать формированию и поддержанию достаточного уровня доверия между всеми участниками уголовно-исполнительных отношений.

Список литературы

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании [Текст] / И.А. Баева. – СПб.: Изд-во «Союз», 2002. – 271 с.
2. Соболев Н.Г. К вопросу о раскрытии понятия «феномен недоверия» в уголовно-исполнительной системе // Психологическое обеспечение в уголовно-исполнительной системе / Под ред. М.Г. Дебольского. М: ФСИН России, 2007. С. 33–36.
3. Смык Ю.В. Доверие в структуре психологической безопасности личности // Мир науки. Педагогика и психология, 2019 №1, <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN119.pdf> (дата обращения 02.06.2021).
4. Краткая характеристика Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://fsin.gov.ru> (дата обращения 02.06.2021).

Пахомова Яна Николаевна,
кандидат психологических наук, доцент
Томский государственный университет
г. Томск
e-mail: sizova159@yandex.ru

Циринг Диана Александровна,
доктор психологических наук, главный научный сотрудник
Челябинский государственный университет
г. Челябинск
e-mail: l-di@yandex.ru

Миронченко Марина Николаевна,
кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник
Томский государственный университет
г. Томск
e-mail: thoraxhir@mail.ru

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН С РАКОМ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПРОМЫШЛЕННОМ МЕГАПОЛИСЕ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Аннотация. В статье описаны особенности совладающего поведения женщин с раком молочной железы, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности. В результате было обнаружено, что женщины, проживающие в промышленном мегаполисе, склонны к применению копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки», в отличие от женщин, проживающих в сельской местности. Копинги «Дистанцирование» и «Планирование решения проблемы» чаще применяются женщинами из сельской местности, чем респондентами из мегаполиса.

Ключевые слова: совладающее поведение, рак молочной железы, промышленный мегаполис, сельская местность.

Pakhomova Yana Nikolaevna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Tomsk State University
Tomsk
e-mail: sizova159@yandex.ru

Tsiring Diana Aleksandrovna,
Doctor of Psychology, Main Researcher
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk
e-mail: l-di@yandex.ru

Mironchenko Marina Nikolaevna,
Candidate of Medicine (PhD), Senior Researcher
Tomsk State University
Tomsk
e-mail: thoraxhir@mail.ru

COPING BEHAVIOR OF WOMEN WITH BREAST CANCER LIVING IN INDUSTRIAL MEGACITIES AND RURAL AREAS

Abstract. The article describes the features of coping behavior of women with breast cancer living in an industrial metropolis and rural areas. As a result, it was found that women living in an industrial metropolis tend to use the coping strategy "Search for social support", in contrast to women living in rural areas. The "Distancing" and "Problem-solving planning" copings are more often used by women from rural areas than by respondents from megacities.

Keywords: coping behavior, breast cancer, industrial metropolis, rural area.

Онкологическое заболевание молочной железы отличается большой психологической травматичностью. Изучение особенностей

совладающего с трудностями поведения в ситуации онкозаболевания сохраняет свою актуальность на сегодняшний день. Совладающее поведение направлено на преодоление негативных жизненных ситуаций или на уменьшение их отрицательного воздействия на индивида. Совладающее поведение способствует повышению адаптации личности к среде и может складываться и определяться через совокупность копинг-стратегий – конкретных действий по совладанию. Онкопациенты, воспринимающие ситуацию болезни и вероятность её прогрессирования как поддающуюся контролю, совладают с трудностями при помощи проблемно-ориентированных стратегий, позитивной переоценки сложившихся условий [3]. Кроме того, больные злокачественными новообразованиями более склонны в сложной ситуации к проявлению психологических защит, чем к применению совладающих стратегий [4].

Мы предполагаем, что совладающее поведение в ситуации заболевания раком у жителей мегаполиса и сельской местности будет отличаться ввиду разных условий проживания и уровня и доступности медицинского обслуживания. Проблема повышения доступности и качества медицинских услуг для сельского населения является весьма актуальной.

Цель исследования: изучить специфику совладающего поведения у пациентов с раком молочной железы, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности.

Методы исследования: опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Г. Л. Крюковой), U-критерий Манна-Уитни.

Сбор эмпирических данных был осуществлён на выборке больных раком молочной железы, находящихся на различных стадиях заболевания (N=94). В исследовании приняли участие женщины, больные злокачественной опухолью, исходящей из эпителия ткани молочной железы (рак молочной железы), проживающие на территории Челябинска (N=69) и Челябинской области (сельская местность, N=25), находящиеся на стационарном лечении в ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины» с момента постановки диагноза и до 6 месяцев (средний возраст женщин составил 56,4 года, SD=12).

В результате проведённого исследования было обнаружено, что женщины, проживающие в сельской местности, значительно чаще используют такие копинг-стратегии совладающего поведения, как

дистанцирование ($p=0,05$) и планирование решения проблемы ($p=0,06$), чем женщины, проживающие в промышленном мегаполисе. Дистанцирование предполагает преодоление негативных травмирующих переживаний, связанных с проблемой, за счёт субъективного снижения её значимости и степени собственной эмоциональной вовлеченности в неё. Данная стратегия может реализовываться при помощи таких приёмов, как обесценивание, рационализация, отстранение, переключение внимания, юмор, и т.п. [2]. Стратегия планирования решения проблемы предполагает попытки совладания с трудностью при помощи «целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов» [2]. У женщин, проживающих в промышленном мегаполисе, выражена копинг-стратегия «Поиск социальной поддержки» по сравнению с испытуемыми из сельской местности ($p=0,06$). Применение указанной стратегии совладающего поведения предполагает привлечение субъектом внешних ресурсов в процесс разрешения трудностей. Внешняя социальная помощь может выражаться в виде информационной, эмоциональной и действенной поддержки [2].

Таким образом, жители сельской местности в большей степени склонны к совладанию трудной жизненной ситуацией при помощи отвлечения от неё, дистанцирования, а также разработки плана собственных действий по преодолению сложностей. Женщины стремятся к применению рационального подхода к разрешению трудностей, ориентируются на собственные силы и ресурсы, придерживаясь плана решения проблемы, или дистанцируясь, отвлекаясь от травмирующей ситуации. Женщины, проживающие в городской среде, больше склонны к поиску внешней социальной помощи, возможно, это связано с тем, что в мегаполисе больше возможностей для получения поддержки в виде информации, доступности медицинских услуг и т.п.

Исследование различий в совладающем поведении пациентов со злокачественными новообразованиями, проживающих в городе и сельской местности, позволит эффективно выстроить психологическую работу, направленную на актуализацию копинг-ресурсов с целью продуктивного совладания с трудной жизненной ситуацией – ситуацией болезни.

Список литературы

1. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 5. С. 147-153.
2. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и медицинских психологов. Науч. ред. Вассерман Л.И. СПб: СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009. С. 39.
3. Московченко Д.В. Совладающее поведение женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы: автореф. ... дисс. канд. психол. наук. М., 2016. 36 с.
4. Русина Н.А. Адаптационные ресурсы пациентов онкологической клиники // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2011. Т. 1, № 7. С. 92-95.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-013-00824).

Пономарева Ирина Владимировна,
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Томский государственный университет
г. Томск
e-mail: ivp-csu@yandex.ru

Циринг Диана Александровна,
доктор психологических наук, главный научный сотрудник
Томский государственный университет
г. Томск
e-mail: l-di@yandex.ru

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ТЕЧЕНИЯ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ЛОКАЛИЗАЦИЯХ

Аннотация. Представлен обзор направлений исследований факторов течения онкологических заболеваний. Указываются исследования, посвященные индивидуально-психологическим и социально-психологическим характеристикам больных, которые могут выступать в качестве факторов течения онкологического заболевания. Анализ современного состояния исследований в онкопсихологии демонстрирует наличие локальных данных о психологических факторах возникновения и течения онкозаболеваний отдельных локализаций, в мировой исследовательской практике отсутствуют исследования, в которые были бы включены одновременно несколько нозологий из перечня часто встречающихся в популяции.

Ключевые слова: онкопсихология, факторы течения заболевания, психологические факторы благоприятного против неблагоприятного течения болезни.

Ponomareva Irina Vladimirovna,
Candidate of Psychology (PhD), Senior Researcher
Tomsk State University
Tomsk
e-mail: ivp-csu@yandex.ru

Tsiring Diana Aleksandrovna,
Doctor of Psychology, Main Researcher
Tomsk State University
Tomsk
e-mail: l-di@yandex.ru

REVIEW OF STUDIES OF PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE COURSE OF ONCOLOGICAL DISEASES IN VARIOUS LOCALIZATIONS

Abstract. The review of the directions of research of factors of the course of oncological diseases is presented. The research devoted to the individual psychological and socio-psychological characteristics of patients, which can act as factors of the course of cancer, is indicated. The analysis of the current state of research in oncopscychology demonstrates the presence of local data on the psychological factors of the occurrence and course of oncological diseases of individual localities, in the world research practice there are no studies that would include several nosologies from the list of frequently occurring in the population at the same time.

Keywords: oncopscychology, factors of the course of the disease, psychological factors of favorable versus unfavorable course of the disease.

На сегодняшний день нет достаточного количества научных исследований, посвященных изучению психологических факторов, связанных с особенностями течения болезни и способствующих продлению периодов ремиссии, снижению рисков рецидивов. Недостаточное внимание уделяется психосоциальным факторам, определяющим успешную адаптацию к болезни, психологическим ресурсам в преодолении рецидивов, т.е. тем индивидуально-психологическим и социально-психологическим характеристикам больного, которые

могут выступать в качестве опоры в психологическом сопровождении. Имеются лишь единичные исследования, в которых изучается положительная роль психологических ресурсов в борьбе за выживаемость в условиях онкозаболевания.

Необходимо отметить, что в целом по теме влияния психологических факторов на способность организма противостоять заболеванию очень мало. Н.В. Финагентова исследовала психологические ресурсы как возможность в профилактике рецидивов при изучении онкологических заболеваний различной локализации (рак предстательной железы, мочевого пузыря) у мужчин [3]. Автор рассматривает психологические ресурсы как способ успешной адаптации человека в условиях онкозаболевания. Были изучены такие психологические ресурсы, как локус контроля, жизнестойкость, базисные убеждения, а также способность адаптироваться к сложным обстоятельствам с помощью сознательного изменения своих стереотипов совладания с трудностями и копинг-стратегий.

Н.А. Русина указывает, что не личностные характеристики, а недостаточно развитые адаптационные механизмы являются факторами риска возникновения онкологического заболевания. Автор исследовала адаптивные ресурсы онкологических больных и лиц, перенесших хирургические вмешательства [2]. В выборке онкобольных приняли участие пациенты, перенесшие операции по поводу рака гортани, желудка и кишечника, молочной железы, рака репродуктивной системы. Результаты исследований показали, что пациенты с онкопатологией, перенесшие операции, и больные, перенесшие плановое хирургическое вмешательство, имеют сходные психосоматические типы по психоэмоциональному статусу: для них характерно проявление сверхконтроля со сдерживанием эмоций.

Изучаются копинг-ресурсы на выборке женщин, больных раком молочной железы [1]. Авторами исследованы такие копинг-ресурсы женщин с диагнозом РМЖ, как самоотношение (параметр Я-концепции), локус контроля, и восприятие социальной поддержки.

S.E. Taylor и M. E. Kemeny исследовали психологическую адаптацию у женщин с диагнозом рак молочной железы. Самый эффективный из всех видов контроля оказался когнитивный контроль в качестве переосмысления своих жизненных ценностей, а также поведенческий контроль (попытка воздействовать на случившееся определенными последовательными действиями – соблюдение диеты, режима дня, принятия лекарств и др.) [4].

R. Royak-Schaler (1991) выявил, что в условиях болезни наилучшим образом адаптируются те, кто верят в свою возможность влиять на процесс развития болезни, возможности своего организма, если они будут соблюдать здоровый образ жизни и будут получать эмоциональную поддержку от близких, друзей и специалистов [5].

Таким образом, анализ литературы указывает на недостаточность комплексных психологических исследований рака различных локализаций с учетом благоприятного или неблагоприятного течения заболевания. Изучаются лишь психологические особенности в зависимости от локализации и стадии заболевания. Необходимо также отметить, что недостаточно исследований, изучающих психологические особенности, психологические ресурсы пациентов с диагнозом рак различных локализаций при благоприятном/неблагоприятном течении заболевания, способствующих их выживаемости. Анализ современного состояния исследований в онкопсихологии демонстрирует наличие локальных данных о психологических факторах возникновения и течения онкозаболеваний отдельных локализаций, в мировой исследовательской практике отсутствуют исследования, в которые были бы включены одновременно несколько нозологий из перечня часто встречающихся в популяции. Перспективным является расширение системы психологических характеристик, рассматриваемых в качестве предикторов течения болезни, в частности, благополучного vs. неблагополучного течения.

Список литературы

1. Сирота Н.А., Фетисов Б.А. Особенности совладающего поведения женщин больных раком молочной железы с внешне видимым послеоперационным дефектом и при его отсутствии // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2014. N 3 (5). С. 7
2. Русина Н. А. (2012). Психологический статус и адаптационные ресурсы онкологических больных // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова, 2012, №3, С. 115-121.
3. Финагентова Н.В. Мультимодальный подход и многомерная диагностика в психологическом сопровождении онкологических заболеваний // Вестник Костромского государственного университета

им. Н.А.Некрасова, серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика.2009. 15, №2, С.211-214.

4. Shelley E. Taylor, Margaret E. Kemeny. Psychological Resources, Positive Illusions, and Health // American Psychologist. 2000.Vol. 55, No. 1. P. 99-109.

5. Royak-Schaler R. Psychological processes in breast cancer. A review of celected research // Psychosoc. Oncol. 1991. 9. N 4. P. 71-89.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00434).

*Азарных Татьяна Дмитриевна,
кандидат психологических наук, доцент
Воронежский государственный университет
инженерных технологий
г. Воронеж
e-mail: azarnykh_t@mail.ru*

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СТРЕССЫ, ВЫЗВАННЫЕ СМЕРТЬЮ, КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ХАРАКТЕРА

Аннотация. Целью исследования являлось изучение частоты встречаемости акцентуаций характера при посттравматических стрессах, вызванных смертью (ПТС), у женщин (студентки) в возрасте 18-20 лет. Установлено, что в группе с ПТС выше частота встречаемости застревающей, возбудимой, циклотимной, тревожной, экзальтированной и дистимной акцентуаций. При наличии застревающей, циклотимной, возбудимой, дистимной, экзальтированной акцентуаций выше частота встречаемости суицидальных идеаций (СИ). Вывод: ПТС принимает участие в формировании характера, увеличивающего риск социальной дезадаптации личности.

Ключевые слова: посттравматические стрессы, акцентуации характера, суицидальные идеации, женщины (18-20 лет).

*Azarnykh Tatyana Dmitrievna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Voronezh State University of Engineering Technologies
Voronezh
e-mail: azarnykh_t@mail.ru*

POSTTRAUMATIC STRESS, TRIGGERED BY DEATH, AS A FACTOR OF THE CHARACTER

Abstract. The aim of this study was to investigate the frequency of occurrence of accentuated traits of personality in posttraumatic stress (PTS), triggered by death, in women (female students) aged 18-20 years. The frequency of occurrence of hyper-perseverance, uncontrollability, cyclothymia, anxiety, exaltation and dysthymia was found to be higher in the group with PTS. Between female student with hyper-perseverance, cyclothymia, uncontrollability, dysthymia and exaltation the frequency of suicidal ideation (SI) is higher. Conclusion: PTS is involved in personality development, which increases the risk of social maladaptation of the person.

Keywords: posttraumatic stress, accentuated traits of personality, suicidal ideation, women (age 18-20 years).

Посттравматические стрессы (ПТС), крайней выраженностью которых является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), возникают после тяжелых стрессов, связанных с переживанием страха, в срок до 6 месяцев после стресса и имеют определенный комплекс симптомов [6]. Показано, что одной из причин ПТСР/ПТС может быть смерть близких как среди взрослых [8], так и студентов [9]. Кроме того на студенческих выборках установлено, что у женщин ПТС разного генеза отличаются по тяжести течения [7]. На взрослых гражданских выборках установлено, что одним из последствий длительно текущего ПТС являются посттравматические изменения характера (в концепции К. Леонгарда) [1; 2].

Целью исследования являлось изучение частоты встречаемости акцентуаций характера при посттравматических стрессах, вызванных смертью (ПТС), у женщин (студентки).

Определялись следующие показатели: 1) выраженность ПТС по Миссисипской шкале (гражданский вариант) (MS) и Шкале оценки влияния травматических событий (ШОВТС или IES-R), 2) наличие суицидальных идей (СИ) по утвердительным ответам на вопрос о суициде в опросниках по определению ПТС (MS), депрессии (BDI), психопатологической симптоматики (SCL-90-R), 3) наличие стрессов (LEQ). Все опросники адаптированы в лаборатории посттравматического стресса ИП РАН [5]. Определялись также акценту-

ации характера [3]. В группе с ПТС после стресса прошло не менее полугодия. В качестве контрольной служила группа, в которой были стрессы из опросника LEQ, но нет ПТС. Исследования проведены на студентках дневных отделений государственных вузов г. Воронеж (176 человек в группе с ПТС и 489 – контрольной). Средний возраст в группе с ПТС составляет: $M = 18,9$ ($SD = 0,84$) лет, контрольной – $M = 19,1$ ($SD = 0,94$), без статистически значимой разницы между группами ($U = 39295,5$, $p = 0,069$).

При статистической обработке данных использовался анализ таблиц сопряженности (критерий χ^2 -Пирсона), непараметрический метод сравнения выборок (критерий Манна-Уитни U). Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS (версия 13).

Установлено, что в группе с ПТС по сравнению с контрольной выше частота встречаемости следующих акцентуаций характера: застревающей (35,2% и 23,5%, $\chi^2 = 9,086$, $p = 0,003$), тревожной (49,4% и 29,0%, $\chi^2 = 23,839$, $p = 0,000$), циклотимной (61,4% и 42,5%, $\chi^2 = 18,396$, $p = 0,000$), возбудимой (31,3% и 17,2%, $\chi^2 = 15,501$, $p = 0,000$), дистимной (25,6% и 15,7%, $\chi^2 = 8,334$, $p = 0,004$), экзальтированной (35,8% и 22,7%, $\chi^2 = 11,489$, $p = 0,001$).

Таким образом, учитывая возраст исследуемой выборки, а также длительность ПТС, которая составляет 3,9 ($SD = 3,35$) лет, можно утверждать, что формирование характера (продолжающегося до 20 лет [4]), происходит на фоне текущего ПТС, т.е. ПТС формирует характер.

Увеличение частоты встречаемости акцентуаций означает как минимум снижение ситуативной адекватности реагирования. В случае ПТС это происходит из-за усиления эмоциональной нестабильности (циклотимная, возбудимая, экзальтированная, циклотимная), включенности соматического контура реагирования (экзальтированная, тревожная), появления ощущения опасности окружающего мира (тревожная). Кроме того наличие возбудимой и застревающей акцентуаций увеличивает риск социальной дезадаптации из-за появления агрессивного поведения, идей мести.

О том, что акцентуации увеличивают степень дезадаптации личности, свидетельствует и увеличение частоты встречаемости СИ в группах с наличием акцентуаций. Так, частота встречаемости СИ в группе с застревающей акцентуацией составляет 59,7%, при ее отсутствии – 36,0% ($\chi^2 = 9,150$, $p = 0,002$), циклотимной – 57,4% и

23,5% ($\chi^2 = 19,407$, $p = 0,000$), возбудимой – 67,3% и 33,9% ($\chi^2 = 17,082$, $p = 0,000$), дистимной – 57,8% и 39,7% ($\chi^2 = 4,438$, $p = 0,035$), экзальтированной – 63,5% и 33,6% ($\chi^2 = 14,618$, $p = 0,000$). Поскольку показана отрицательная связь между наличием СИ в подростковом возрасте и социальной успешностью (в возрасте 30 лет) [10], то полученные данные свидетельствуют о том, что ПТС формирует характер, который отрицательно связан с этой успешностью. Кроме того обращает на себя внимание увеличение частоты встречаемости СИ при наличии застревающей и возбудимой акцентуаций, что означает усиление одновременно присутствующего как агрессивного, так и аутоагрессивного поведения.

Вывод: ПТС, вызванные смертью, принимают участие в формировании характера, который увеличивает риск социальной дезадаптации личности.

Список литературы

1. Ахмедова Х.Б. Изменения личности при посттравматическом стрессовом расстройстве (по данным обследования мирного населения, пережившего военные действия) : автореф. дисс. ... докт. психолог. наук. М., 2004.
2. Идрисов К.А. Динамика посттравматического стрессового расстройства у гражданских лиц, переживших угрозу жизни в зоне локального военного конфликта // Социальная и клиническая психиатрия. 2002. Т. 12. № 3. С. 34–37.
3. Русалов В.М., Манолова О.Н. Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ-В): Метод. пособие. М.: ИП РАН, 2003.
4. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: ИП РАН, 2012. С. 91.
5. Тарабрина Н.В. и др. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.
6. American Psychiatric Association Diagnostic and statistical manual of mental disorders (4th ed.). Washington, DC: American Psychiatric Association, 1994.

7. Frazier P. et al. Traumatic events among undergraduate students: prevalence and associated symptoms // *Journal of counseling psychology*. 2009. Vol. 56(3). P. 450–460.
8. Kessler R.C. et al. How well can post-traumatic stress disorder be predicted from pre-trauma risk factors? An exploratory study in the WHO World Mental Health Surveys // *World psychiatry: official journal of the World Psychiatric Association (WPA)*. 2014. Vol. 13(3). P. 265–274.
9. Read J.P. et al. Rates of DSM-IV-TR trauma exposure and post-traumatic stress disorder among newly matriculated college students // *Psychological trauma : theory, research, practice, and policy*. 2011. Vol. 3(2). P. 148–156.
10. Reinherz H.Z. et al. Adolescent suicidal ideation as predictive of psychopathology, suicidal behavior, and compromised functioning at age 30 // *The American journal of psychiatry*. 2006. Vol. 163(7). P. 1226–1232.

Хлуденцова Алина Сергеевна,
педагог-психолог
Центр развития творчества детства и юношества "Созвездие"
г. Калуга
e-mail: khludentsova@list.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена вопросу обеспечения психологической безопасности в учреждениях дополнительного образования. Рассматриваются основные факторы, на взгляд автора, напрямую влияющие на оценку психологической защищенности. Описывается опыт формирования безопасной образовательной среды на примере деятельности Ресурсного центра по работе с одаренными детьми.

Ключевые слова: факторы психологической безопасности образовательной среды, безопасность образовательной среды, факторы безопасности личности, субъекты образования, учреждения дополнительного образования.

Khludentsova Alina Sergeevna,
psychologist
Центр развития творчества детства и юношества "Созвездие"
Kaluga
e-mail: khludentsova@list.ru

**ENSURING THE PSYCHOLOGICAL SAFETY
OF THE LEARNING ENVIRONMENT IN INSTITUTIONS
OF ADDITIONAL EDUCATION**

Abstract. The article is devoted to the issue of ensuring psychological safety in institutions of additional education. The main factors, in the author's opinion, directly affecting the provision of psychological security

are considered. The experience of creating a safe educational environment is described on the example of the activities of the Resource Center for working with gifted children.

Keywords: factors of psychological safety of the educational environment, safety of the educational environment, factors of personal safety, subjects of education, institutions of additional education.

В современном мире концепция развития образования претерпевает сильные изменения. Все больше внимания уделяется вопросам снижения психологической напряженности личности из-за стабильно меняющейся политической и экономической ситуации в стране, изменений на рынке востребованных профессий и разрушения ранее действующих стереотипов. На подрастающее поколение возлагаются самые разные чаяния и надежды, в то время как «взрослый» мир, в котором подросткам предстоит строить свою дальнейшую жизнь, предъявляет все новые требования к личности будущего специалиста. К психологам все чаще обращаются ученики, высказывающие жалобы на тревожность и сниженный фон настроения, возрастает процент депрессий и деструктивных поведенческих реакций. Именно в период столь острых социальных изменений необходимо уделить особое внимание психологической безопасности.

Безопасность является основой успешного функционирования социальной организации, личности, общества – и самого государства. В одних источниках это понятие трактуется как качество какой-либо системы, обеспечивающее ее способность к самосохранению [1], в других – как система гарантий, которые обеспечивают возможность развития при условии защиты от внутренних и внешних угроз. При этом И.А. Баева отмечает, что двумя основными компонентами безопасности человека являются физическая и психологическая безопасность, в то время как все остальные системы как бы «нарастают» на них, как на стержень [2].

Как защита от влияния со стороны других людей, психологическая безопасность обеспечивается двумя стратегиями, способствующими развитию здоровой автономии личности и позволяющими человеку управлять своими стереотипными реакциями в нестандартных, неожиданных ситуациях. Также психологическая безопасность может быть рассмотрена и в профессиональной деятельности человека.

Впервые обобщенное понятие психологической безопасности встречается в работе М.А. Котик (1987). Автор дает ей следующее определение: «психологическая безопасность – это отрасль психологической науки, изучающая психологические причины несчастных случаев, возникающих в процессе труда... и пути использования психологии для повышения безопасности деятельности».

Непрерывным изучением психологической безопасности в образовательной среде занимались: В.В. Авдеев, Б.Г.Ананьев, И.А. Баева, И.В. Дубровина, В.И. Слободчиков и другие. В наше время психологическая безопасность образовательной среды в общем смысле представляет собой необходимость формирования здоровьесберегающего пространства, свободного от психологического насилия и формирующего здоровую, всесторонне развитую личность. Наличие безопасной психологической среды предполагает возможность конструктивного, эмоционально приятного взаимодействия ребенка как со взрослыми, так и со сверстниками, наличие доверительных отношений и условий для личностного развития.

Но, несмотря на наличие общей картины, дающей представление о роли психологической безопасности, как для основного, так и для дополнительного образования, вопрос факторов и способов формирования психологической безопасности остается изученным не до конца.

В ходе анализа научной литературы и на основании имеющего практического опыта, нами было выделено несколько факторов, оказывающих непосредственное влияние на личностное развитие современного школьника:

1. Влияние среды. Исходя из концепции Б.Крауса, можно рассматривать несколько элементов «окружающей среды». Это и эмоциональная персональная среда, и социально-культурная среда, и технико-гигиеническая (социально-демографическая). Также автором рассматриваются среды школьных учреждений и микрорайона. Все эти среды в разной степени оказывают влияние на ребенка, обеспечивая его социализацию и влияя на внутреннее состояние.

2. Личностный фактор – задатки, способности, индивидуально-личностные особенности ребенка, его социальный и жизненный опыт и т.д. Именно они обеспечивают психологическую основу реакций человека в различных, в том числе опасных и стрессовых, ситуациях. Известно, что люди с разным типом темперамента или со-

циальным подкреплением тех или иных реакций, будут реализовывать расхожие модели поведения в одинаковых условиях.

3. Факторы «безопасного поведения». Подобно «антисуицидальным» факторам, включенным в «Опросник суицидального риска», существуют факторы, повышающие вероятность конструктивного, безопасного поведения в стрессовой ситуации. Этими факторами может являться высокая личностная адаптивность, гибкость по отношению к изменчивым условиям среды; развитая автономность личности и развитый самоконтроль; умение выстраивать межличностные отношения, отстаивать личные границы и осуществлять бесконфликтное общение.

Учет обозначенных факторов позволяет предположить направление по формированию психологической безопасности образовательного учреждения и улучшению уже существующего микроклимата.

Важным показателем благоприятности среды в общеобразовательном учреждении и в учреждении дополнительного образования является отношение обучающихся к ней. Оно может быть как положительным, так отрицательным и нейтральным, и определяется интегральным показателем, отражающим ее референтность и значимость влияния на формирование личности. Учреждение может влиять на формирование личности как через передачу основных правил и норм поведения, принятых в обществе, так и через возможность для обучающегося сравнить себя с окружающими людьми, оценить себя и других. Также важным фактором является удовлетворенность участников обучающего взаимодействия нахождением в образовательной среде. При удовлетворении первых двух запросов (исполнение нормативной функции и предоставлении возможности сравнить себя с другими), образовательная среда учреждений дополнительного образования позволяет ученикам посещать ту или иную секцию, студию лишь в том случае, если обучающийся сам в этом заинтересован. В отличие от школ, посещение которых является обязанностью, тщательно выполняемой детьми и контролируемой родителями, дополнительное образование обладает вариативностью. Ученик сам может оценить благоприятность условий обучения и в случае, если результат анализа его устроил, продолжить посещать занятия по выбранному направлению. По этой причине процент удовлетворенности образовательной средой в общеразвивающих учреждениях значительно выше, чем в школах. То же касается и стиля

общения между педагогами и детьми: в дополнительном образовании наиболее развит либеральный стиль общения, а основной формой взаимодействия являются сотрудничество либо компромисс. Педагоги стремятся стать мудрыми наставниками, а в чем-то даже друзьями своим подопечным, развивать их склонности и таланты, не находясь в тех жестких рамках, которые предъявляет обязательная школьная программа. Отсутствие авторитарно-директивного стиля управления в коллективе способствует формированию ощущения психологической безопасности, помогает установить атмосферу доверия и поддержки. При должном уровне удовлетворенности педагогов условиями труда, а также наличии возможности реализовать свой творческий потенциал, система может обрести мотивированных сотрудников, подкрепляющих стремление к самореализации и развитию скрытых талантов у учеников.

В работе с личностным фактором и факторами «безопасного поведения» педагогический процесс создания безопасной среды также является целенаправленным и управляемым. В рамках личностно-развивающего подхода Ресурсным центром по работе с одаренными детьми организовывается система развития социально значимых качеств обучающихся. При этом основополагающим является гуманистический подход, предполагающий обеспечение гармоничного развития обучающихся, формирование мировоззрения и личностных качеств, выступающих своеобразным «щитом» в ходе стрессовых ситуаций.

Проводятся мероприятия, направленные на развития эмоционального интеллекта. В комплекс входят как лекционные, так и практические задания, итоговые проекты, тесты. В рамках городской Гуманитарной школы, проекта, реализуемого Ресурсным центром и Управлением образования г. Калуги с 2018 года, предусмотрено наличие занятий по направлению «психология». Целью является повышение психологической грамотности обучающихся, социальной уверенности, умения «считывать» собеседника и работать в команде. Курс носит название «Мастерство общения» и несколько лет подряд пользуется особой популярностью среди подростков (возраст учеников Гуманитарной школы – 14-18 лет), что подтверждает актуальность выбранной темы для современных школьников. На этих же занятиях проводится обширная работа по обучению слушателей навыкам бесконфликтного поведения, развитие конструктивной линии поведения в эмоционально напряженных ситуациях. Летняя

школа одаренных детей (далее ШОД) также ставит своей целью обеспечение психологической безопасности молодежи. Ежегодно учащимся предлагается к изучению курс «Психологическая подготовка к стрессовым ситуациям», где подростков знакомят с основными типами стрессовых ситуаций и формируют навыки саморегуляции и психогигиены.

С целью обеспечения более эффективного психологического сопровождения участников образовательного процесса в рамках дополнительного образования, в сентябре 2021 года с расчетом на новый учебный год, в расписание Гуманитарной школы планируется введение курса «Мы и стресс. Психология стрессовых ситуаций». В авторском проекте предусмотрено обучение по нескольким блокам тем, актуальным для гармоничного развития и становления личности в подростковом возрасте. Затрагиваются темы основных стрессовых факторов в жизни подростка, вопросы самооценки и профессионального самоопределения, сложностей в межличностном общении, негативных эмоций и способов их проработки и многие другие.

Предполагается, что применяемые меры помогут дальнейшему развитию психологической безопасности в учреждении дополнительного образования путем улучшения образовательной среды (отсутствие конфликтов, установление взаимопонимания среди педагогов и ученических коллективов, пропаганда гуманистических ценностей и взаимного уважения, создание условий для успешной самореализации подростков), а также формирования коммуникативных навыков и качеств личности, напрямую влияющих на конструктивность поведения в потенциально стрессовых ситуациях (гибкость, адаптивность, адекватная самооценка, развитый самоконтроль и т.д.).

При этом результаты многочисленных экспериментов позволяют утверждать, что психологическая безопасность образовательной среды положительно влияет на развитие индивида, его общую подготовленность к профессиональной и иной деятельности, а также на реализацию творческого потенциала.

Задачи, реализуемые учреждениями дополнительного образования, требуют развития качеств учеников, во многом дублирующих описанные выше, что позволяет сделать вывод о том, что психологическая безопасность образовательной среды является неотъемлемым фактором осуществления целей и программ дополнительного образования.

Список литературы

1. Петренко А.С., Безопасность и коммуникации делового человека.
2. Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность образовательной среды: учебное пособие. – М.: Эконом-Информ, 2009. – 248 с.
3. Мареева И.Н. Гуманитарная школа как средство мотивации одаренных учащихся // Сборник методических и информационных материалов из опыта работы с детьми, проявляющими способности и таланты – М., 1994.
4. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство; под ред. И.А. Баевой – СПб: Речь, 2006 – 288 с.

Черткова Юлия Давидовна,
кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
г. Москва
e-mail: y_chertkova@mail.ru

Зырянова Надежда Михайловна,
кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
г. Москва
e-mail: nzyr@mail.ru

ГАДЖЕТЫ И ИНТЕРНЕТ В ЖИЗНИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Аннотация. Целью исследования был анализ того как живут современные младшие школьники в мире компьютеров и интернета, какие риски для их развития несут современные информационные технологии. С 35 детьми младшего школьного возраста (8-10 лет) было проведено структурированное интервью с последующим качественным анализом. Интервью проводились онлайн. Было показано, что подавляющее большинство детей имеют те или иные гаджеты и возможность выходить в интернет. Они осведомлены о разнообразных возможностях сети, включая игры, чтение новостей, контакты с друзьями, образование, просмотр фильмов и пр. Родители обращают больше внимания на продолжительность времени, которое ребенок проводит перед экраном, чем на содержание его деятельности. Дети в интервью также не упоминали о потенциальных опасностях сети интернет.

Ключевые слова: младшие школьники; интернет, гаджеты, интервью, социальные сети, информационная безопасность.

Chertkova Yuliya Davidovna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Lomosov Moscow State University
Moscow
e-mail: y_chertkova@mail.ru

Zyryanova Nadezhda Mikhaylovna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Lomosov Moscow State University
Moscow
e-mail: nzyr@mail.ru

GADGETS AND THE INTERNET IN THE LIFE OF A PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Abstract. The purpose of the study was to analyze how modern primary school students live in the world of computers and the Internet, and what risks modern information technologies pose to their development. A structured interview was conducted with 35 children of primary school age (8-10 years), followed by a qualitative analysis. The interviews were conducted online. It was shown that the vast majority of children have any gadget and the ability to access the Internet. They are aware of the various features of the network, including games, reading news, contacting friends, education, watching movies, etc. Parents pay more attention to the length of time that the child spends in front of the screen than to the content of his activities. The children also did not mention the potential dangers of the Internet in the interview.

Keywords: factors of psychological safety of the educational environment, safety primary school students; Internet, gadgets, interview, social networks, information security.

Роль современных цифровых технологий в жизни детей обсуждается широко. Рассматривается, сколько времени проводят дети в виртуальной реальности, какое влияние оказывает она на ребенка, какие риски существуют для детей [3]. Анализируются и отдельные аспекты, связанные с цифровыми технологиями, такие, как компьютерные игры [1].

Одним из примеров такого исследования является работа Солдатовой Г.У. и Теславской О.И. [4]. Авторы опрашивали детей 5-11 лет и их родителей о том, какое место занимают цифровые технологии в жизни семьи. Оказалось, что большинство детей проводят в интернете не меньше 1 часа в день. Преимущественно дети смотрят мультфильмы и другие видео. Социальные сети дети начинают осваивать с началом школьного обучения. Большинство родителей осознают онлайн-риски, но многие не уверены, что могут полностью защитить своих детей.

В целом, вопросам информационной безопасности детей младшего возраста уделяется большое внимание. Считается, что наибольшие риски представляют социальные сети [2]. А возраст знакомства детей с социальными сетями снижается год от года.

Цель нашего исследования – проанализировать, как дети воспринимают присутствие интернета в своей жизни. Спецификой исследования является то, что оно было проведено весной-летом 2020 года – в ситуации пандемии COVID-19, когда младшие школьники были вынуждены перейти на онлайн-обучение. Участники исследования – дети младшего школьного возраста (35 респондентов 8-10 лет). С каждым ребенком было проведено онлайн-интервью, которое записывалось на диктофон, и затем было подвергнуто качественному анализу. Несколько интервью было проведено студентами Московского института психоанализа.

Следует подчеркнуть, что целью нашего исследования было увидеть широту мнений детей относительно интересующих нас вопросов. Для реализации этой цели статистический анализ не является приоритетным, и поэтому мы подвергли полученные данные качественному анализу. Минимальная количественная обработка включала только подсчет процентного соотношения полученных ответов на каждый вопрос. В статье приведены не только преобладающие ответы, но и единичные, именно для того, чтобы продемонстрировать разные мнения детей.

Что знают дети о гаджетах

Все опрошенные нами дети знают, что такое гаджеты. Почти у каждого (92%) имеются какие-то устройства подобного рода (чаще – смартфоны). Дети считают, что главная функция смартфона – «общаться, разговаривать», «переписываться с друзьями по телефону», «оставаться всегда на связи». Но многие используют его для игр

(«люблю посидеть в телефоне»), хотя отмечают, что «лучше играть на планшете, там экран больше».

Почти все дети (89%) сказали, что используют смартфон или планшет ежедневно: «после уроков играю на планшете, потом только обедаю».

С помощью смартфона дети делают фотографии: «Я просто фотографирую курочек, фотографирую кису». Кое-кто научился сам обрабатывать фотографии: «Мне, допустим, друзья пишут: обработай мою фотку, пожалуйста. Я там как-то фильтры другие, либо я как-то обрезаю красиво».

Но не у всех младших школьников есть смартфоны, у некоторых – простые телефоны. Такие дети говорили, что хотели бы иметь современный смартфон: «Хочу, чтобы подарили новый телефон»; «У моего телефона слабая камера, хочу сильнее»;

Интересно, что про ноутбуки и компьютеры дети почти не упоминали. Кто-то говорил, что «у нас один компьютер дома, но я им не пользуюсь». А некоторым ноутбук обещают подарить со временем: «Папа сказал, что компьютер мне покупать не будет, а ноутбук потом купит, за 300 тысяч».

Что знают дети об интернете

Все младшие школьники, которых мы опрашивали, кроме одной девочки, знают, что такое интернет. Знают, для чего он нужен: «Чтобы узнавать новости, из дома не выходя, чтобы общаться с друзьями, если друзья далеко, и с родными»; «Нужен для отправки и чтения электронной почты, для некоторых приложения и игр»; «Нужен, чтобы что-то по урокам, если что-то тебе непонятно, или дополнительно. Еще чтобы посмотреть кино. Либо какую-то книгу читать».

Сами дети чаще используют интернет для игр. Следует отметить, что хотя компьютерные игры младшим школьникам очень нравятся, но они не вытеснили прежние игры. Так, в ситуации пандемии, когда дети большую часть времени проводили дома, они играли в разные настольные игры, а также в шахматы, карты. А если выходили на улицу, то играли в «догонялки и прятки».

Интересно, что переход на учебу в онлайн в связи с пандемией не отмечается детьми как экстраординарное событие. Некоторые отметили, что учиться так им больше нравится: «Мне так более все понятно». Через интернет дети могут «что-то новое узнавать», напри-

мер: «Архитектуру изучаю. Там есть одна такая программа специальная.»; «У меня есть хобби программировать игры в школе программирования».

Что знают дети о социальных сетях

Почти все наши респонденты (78%) знают, что такое социальные сети, имеют представление о некоторых из них. Некоторые используют их: например, «Я делаю элфи, а мама потом выкладывает их в Инстаграм». Есть дети, которые сами пробовали заводить себе аккаунты. И здесь у них свои предпочтения: «Я знаю про Инстаграм и Телеграм, но почему-то там не сижу, там не очень удобное для меня управление, мне легче было разобраться в ВКонтакте, и там сидят все мои друзья».

Про блогеров слышали почти все, у некоторых есть и любимые. Дети хорошо осведомлены о том, чем блогеры занимаются: «это такие люди, которые снимают свое видео, либо реакцию людей на какие-то вещи из интернета или игры»; «это такие девочки и мальчики, которые снимаются в разных приложениях».

Таким образом, современные младшие школьники чувствуют себя в мире информационных технологий как в естественной среде обитания. Они уже в этом возрасте осведомлены о возможностях, которые предоставляет им интернет, социальные сети, и умеют многим из этого пользоваться. Родители в большинстве своем стараются контролировать детей, но это касается в основном времени, которое дети проводят перед компьютером, а не предотвращения возможных онлайн-рисков. Ни один ребенок в нашем исследовании не упомянул об опасности контактов в соцсетях, возможности загрузить нежелательное видео, попасть на сайт какой-то асоциальной группы, попасться на удочку финансовых мошенников и т.д. Очевидно, родителей младших школьников больше беспокоены вопросом о вреде «просиживания у компьютера» для здоровья детей (портится зрение, гиподинамия), а не социальными рисками.

Список литературы

1. Богачева Н.В., Войскунский А.Е. Компьютерные игры и креативность: позитивные аспекты и негативные тенденции Современная зарубежная психология 2017. Том 6. № 4. С. 29-40.

2. Забалуева М.В. Информационная безопасность младших школьников в социальных сетях // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/04/>).

3. Солдатова Г., Рассказова Е., Нестик Т. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М., Смысл. 2018.

4. Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности использования цифровых технологий в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста //Национальный психологический журнал. – 2019. – № 4(36). – С. 12-27.

Гурова Ольга Валерьевна,
кандидат психологических наук, доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет
г. Пермь
e-mail: ovgurova@yandex.ru

Ежова Лидия Хамитовна,
студентка 2 курса
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет
г. Пермь
e-mail: lido4ka.ezhova@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы выявления суицидальных рисков у подростков и профилактики суицидального поведения учащихся образовательных учреждений. На основе анализа исследований проблемы авторами обозначаются причины суицидального поведения в подростковом возрасте: дезинтеграция психического развития, дезадаптация, обусловленная негативными изменениями в обществе, неадекватное экзистенциальное самоопределение. Актуализируется проблема выработки единой концепции профилактики суицидального поведения подростков.

Ключевые слова: суицидальный риск, суицидальное поведение, подросток, детерминанты суицидального поведения, профилактика.

Gurova Olga Valerevna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm
e-mail: ovgurova@yandex.ru

Ezhova Lidiya Khamitovna,
student
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm
e-mail: lido4ka.ezhova@yandex.ru

PROBLEM OF SUICIDAL BEHAVIOR IN ADOLESCENCE

Abstract. This article discusses the problems of identifying suicidal risks in adolescents and preventing suicidal behavior in students of educational institutions. Based on the analysis of studies of the problem, the authors identify the causes of suicidal behavior in adolescence: disintegration of mental development, maladaptation due to negative changes in society, inadequate existential self-determination. The problem of developing a unified concept of prevention of suicidal behavior of adolescents is updated.

Keywords: suicidal risk, suicidal behavior, adolescent, determinants of suicidal behavior, prevention.

Актуальность исследования проблемы выявления суицидальных рисков у подростков и предотвращения суицидов обусловлена ее остротой и распространенностью в современном мире. Подрастающее поколение определяет стратегию развития нашего будущего, интеллектуальный и генетический потенциал российского общества, в связи с чем значимой и актуальной задачей системы образования и государственной власти является формирование здорового общества.

Анализ современных исследований суицидального поведения подростков позволяет сделать выводы о сочетании факторов, детерминирующих состояние суицидального риска. Это сензитивность подросткового возраста, проблемы, связанные с формированием «Я – концепции», кризис экзистенции, конфликтные взаимоотношения в семье – всё это может детерминировать суицидальное поведение.

Общая личностная неустойчивость, неадекватность критики со стороны значимых взрослых и неприятие себя, эгоцентризм создают условия для снижения ценности «Я» и жизни, что негативно окрашивает эмоциональность подростка, а в конфликтной ситуации создает предпосылки для суицидального поведения.

Подростковый возраст – напряженный, конфликтный и одновременно важный жизненный период – основополагающий с точки зрения формирования личности. На протяжении данного этапа происходит формирование целого спектра сложнейших механизмов: трансформация внешней детерминации жизни в рефлексивную, апробация и закрепление стратегий поведения и самореализации. Часто возрастные новообразования сопровождаются нарушениями в поведении, разнообразными проявлениями рискованного поведения: вхождение в деструктивные группы сверстников и интериоризация их норм, агрессивное внедрение во взрослую жизнь, вандализм, опыты с изменением состояния, неадекватная демонстрация себя, украшение тела татуировками, самоповреждение и т.п. [2]. Исследования антропологов, психофизиологов, психологов указывают на наличие негативных тенденций в психическом развитии современных детей и подростков. Существенным является возрастание инфантилизма. Дисгармония психической деятельности, чаще всего сопровождающаяся ранним интеллектуальным развитием, высоким уровнем ожидания со стороны социума, задержкой в наступлении психологической зрелости, неадекватностью самооценки и уровня притязаний. В следствии утраты целостности сознания, дезинтеграции психической деятельности нарушаются межличностные взаимоотношения, деформируются детско-родительские чувства. Атмосфера подавленности и неопределённости вызывает у детей отрицательные эмоциональные состояния.

Другой особенностью современных подростков являются процессы акселерации. При этом развитие происходит асинхронно, когда возрастное новообразование наслаивается на несформированное на предыдущей стадии развития качество и ведет к нарушениям [3]. Интенсивные физиологические и гормональные изменения, прикосновение к проблемам взрослости и увеличивающийся груз ответственности дестабилизируют и без того неустойчивую Я-концепцию подростка.

Ситуация неопределенности будущего, нестабильности морально-нравственных и культурных ценностей, направленность об-

щества на поиск вариантов мгновенного удовлетворения потребностей может быть определена как детерминирующая суицидальный риск. Отсутствие направляющих социальных институтов, идеологическая неопределённость ставят перед воспитателями подрастающего поколения задачу по формированию четкого вектора развития человека.

Анализ исследований дает основание сделать вывод, что организация профилактики суицидального поведения подростков в образовательных учреждениях не имеет системной устоявшейся концепции, несмотря на многообразие подходов и методов. Актуальная ситуация в учреждениях сводится к формированию защитных факторов, что можно сравнить с анестезией поврежденной части тела. Тенденция роста показателей суицидального поведения у подростков демонстрирует несостоятельность системы оказания психологической, психиатрической помощи учащимся подросткового возраста.

Профилактическая работа с подростками, имеющими высокий суицидальный риск – полипарадигмальная проблема, тесно связанная с экономическими, политическими и личностными условиями жизнедеятельности субъекта, с государственной социальной политикой. Одним из ключевых аспектов проблемы является малая численность и подготовленность специалистов, непосредственно работающих с проблемами детей и подростков в образовательном учреждении. Создание воспитательного пространства является следствием систематической межведомственной активности. Это вариативная, но целостная деятельность, интегрированная во все образовательные институты.

Подростковый возраст – сложнейший этап становления личности как для самого ребенка, так и для равнодушных к нему взрослых – это период трудностей и преодолений. Но необходимо помнить, что за негативными симптомами подросткового кризиса кроется позитивное содержание, состоящее обычно в переходе к новой и высшей форме развития [1].

Список литературы

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 624 с.

2. Гурова О.В. Социально-психологические аспекты профилактики аутодеструктивного поведения несовершеннолетних осужденных // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-4. – С. 412-416.

3. Костромина С.Н. Справочник школьного психолога. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22yuridicheskie/172471-1-svetlana-nikolaevna-kostromina-spravochnik-shkolnogo-psihologa-seriya-polniy-enciklope.php> (дата обращения: 02.05.2021).

*Малов Александр Германович,
доктор медицинских наук, профессор
Пермский государственный национальный исследовательский уни-
верситет
г. Пермь
e-mail: malovag1959@mail.ru*

УМСТВЕННАЯ ОТСТАЛОСТЬ, СЦЕПЛЕННАЯ С X-ХРОМОСОМОЙ

Аннотация. Важной областью современной психологии является психогенетика, а важнейшим её разделом, – медицинская генетика. X-хромосома содержит около 800 белок-кодирующих генов, более 140 из которых отвечают за интеллектуальное развитие. Хотя ДНК, заключённая в X-хромосоме, составляет только около 5% генома человека, но на нее приходится более 15% генов, которые связаны с умственной отсталостью (УО). По данным разных авторов, от 5 до 10% всех случаев УО вызваны мутациями генов, расположенных на X-хромосоме. Группа X-сцепленной УО включает более 200 нозологических единиц. Заболевания, занимающие второе место по частоте после болезни Дауна среди причин УО, также обусловлены патологией X-хромосомы. Это синдромы ломкой X-хромосомы у мужчин и Ретта у женщин. С клинической точки зрения X-сцепленную УО делят на две подгруппы. При синдромальной X-сцепленной УО (MRXS – mental retardation, X-linked, syndromic) интеллектуальные расстройства являются только одним из синдромов заболевания. При несиндромальной УО (неспецифической, MRX – mental retardation, X-linked) психическое недоразвитие является единственным проявлением болезни. Соотношение синдромальных и несиндромальных форм составляет примерно 2:1. Подозрение на связь УО с патологией X-хромосомы является только первым этапом диагностики большой группы заболеваний. Окончательный диагноз

возможен только после тщательного цитогенетического и молекулярно-генетического обследования.

Ключевые слова: психогенетика, наследственные формы умственной отсталости, X-сцепленная умственная отсталость.

*Malov Aleksandr Germanovich,
Doctor of Medicine, Professor
Perm State University
Perm
e-mail: malovag1959@mail.ru*

PSYCHOGENETIC ASPECTS OF X-LINKED MENTAL RETARDATION

Abstract. Psychogenetics is an important area of modern psychology, and its most important section is medical genetics. The X chromosome contains about 800 protein-coding genes, more than 140 of which are responsible for intellectual development. Although the DNA contained in the X chromosome makes up only about 5% of the human genome, it accounts for more than 15% of the genes associated with mental retardation (MR). According to various authors, from 5 to 10% of all MR cases are due to mutations in genes located on the X chromosome. The X-linked MR group includes more than 200 nosological units. The second most frequent causes of MR after Down's disease (fragile X syndrome in men and Rett in women) are also caused by the X chromosome pathology. From a clinical point of view, the X-linked MR is divided into two subgroups. In syndromic X-linked MR (MRXS – mental retardation, X-linked, syndromic), intellectual disorders are only one of the syndromes of the disease. In non-syndromic MR (nonspecific, MRX – mental retardation, X-linked), mental underdevelopment is the only manifestation of the disease. The ratio of syndromic and non-syndromic forms is approximately 2: 1. Linking MR with X chromosome pathology is only the first step in diagnosing a large group of diseases. The final diagnosis is possible only after a thorough cytogenetic and molecular genetic examination.

Keywords: psychogenetics, hereditary forms of mental retardation, X-linked mental retardation, X-linked intellectual disability.

Важной областью современной психологии является психогенетика, а важнейшим её разделом, – медицинская генетика. Не понимая биологических основ психических расстройств, психологу сложно адекватно оценить вклад различных факторов в генез имеющих нарушений.

Как известно, соматические клетки человека, как и большинства млекопитающих, содержат две половые хромосомы: X-хромосому и Y-хромосому – у мужчин (46, XY), две X-хромосомы – у женщин (46, XX). Значение патологии Y- и X-хромосом в происхождении генетических нарушений, особенно сопровождающихся когнитивными расстройствами, несопоставимо. Y-хромосома содержит менее 90 генов, наиболее значимым из которых является ген SRX (Sex-determining Region Y), отвечающий за развития организма по мужскому типу. Геномная аномалия с увеличением числа Y-хромосом у мальчиков (47, XYY), известная как синдром Джейкоб (Jacob's syndrome), может не проявляться значимыми соматическими и психическими отклонениями, хотя у половины таких детей отмечают проблемы с обучением, в частности, с чтением.

X-хромосома содержит около 800 белок-кодирующих генов, более 140 из которых отвечают за интеллектуальное развитие. Хотя ДНК, заключённая в X-хромосоме, составляет только около 5% генома человека, но на нее приходится более 15% генов, которые связаны с умственной отсталостью (УО) [10]. По данным разных авторов от 5 до 10% всех случаев УО вызваны мутациями генов, расположенных на X-хромосоме. Заболевания, занимающие второе место по частоте после болезни Дауна среди причин УО, также обусловлены патологией X-хромосомы. Это синдромы ломкой X-хромосомы у мужчин и Ретта у женщин.

Говоря о заболеваниях, обусловленных патологией X-хромосомы, необходимо начать с широко известных геномных мутаций X-хромосом с изменением их числа. Геномная аномалия с увеличением числа X-хромосом у мальчиков (47, XXY), известная как синдром Клайнфельтера (Klinefelter syndrome), встречается в мужской популяции с частотой до 0,2 %. Синдром Клайнфельтера обычно клинически проявляется лишь после полового созревания и в 25–50 % случаев сопровождается лёгкой, а иногда и более тяжёлой УО.

Геномная аномалия с увеличением числа X-хромосом у девочек (трисомия X – 47, XXX) встречается в женской популяции с частотой до 0,1 % и у большинства не проявляется значимыми нару-

шениями. Однако у некоторых девочек возникают серьезные проблемы в виде задержки речевого развития и трудности в общении со сверстниками в школьном возрасте.

Геномная аномалия с уменьшением числа X-хромосом (моносомия X – 45 X0) является единственной моносомией, при которой возможно рождение живого ребёнка. В нашей стране она известна как синдром Шерешевского – Тёрнера. Характерными его признаками являются низкорослость, половой инфантилизм и бесплодие, которые сочетаются с различными малыми аномалиями развития (в том числе встречаются специфические крыловидные складки шеи), а также задержкой моторного и речевого развития.

В последние десятилетия акцент при изучении патологии X-хромосом ставится не на аномалиях числа половых хромосом, а на микрохромосомных абберациях и моногенных мутациях. Для обозначения многочисленной группы заболеваний, обусловленных такими поломками ДНК и сопровождающихся интеллектуальными расстройствами, существует специальный термин – «X-сцепленная умственная отсталость». Синонимами его являются термины X-linked mental retardation (X-LMR) и X-linked intellectual disability (X-LID).

Считается, что более 10% УО у мужчин обусловлены именно X-сцепленной УО, а суммарный состав состояний, классифицируемых как X-LMR, включает более 200 нозологических единиц. В нашей стране прицельно этой проблемой занимается В.Ю. Воинова и соавт. [1].

На настоящий момент подробно изучены более 140 генов, отвечающих за интеллектуальное развитие, которые локализованы на X-хромосоме и, в частности, описаны дубликации всех из них [10]. Количество X-сцепленных генов, мутации которых могут вызывать когнитивные расстройства, ежегодно возрастает. Так, в 2016 году было проведено секвенирование экзона (совокупности экзонов – белок-кодирующих последовательностей ДНК) X-хромосомы в 405 семьях с подозрением на X-LID [6]. В 80 семьях (20%) из 745 проанализированных генов было выявлено семь новых, ранее не описанных генов X-сцепленной УО.

Нередким заблуждением является мнение, что заболевания, сцепленные с X-хромосомой, поражают только лиц мужского пола. Хотя у мальчиков, имеющих только одну, непарную X-хромосому, её патология проявляется ярче, но существуют X-сцепленные забо-

левания, которые наблюдаются только у девочек. Так синдром Ретта (разновидность атипичного аутизма), обусловленный мутацией гена MeCP2 на X-хромосоме, практически не встречается у мальчиков, т.к. все они гибнут ещё во внутриутробном периоде.

Синдромакомплекс «эпилепсия и умственная отсталость, ограниченная женским полом», чаще обусловленный мутацией гена PCDH19 на X-хромосоме, развивается только у девочек, т.к. для появления клинической симптоматики необходим феномен «клеточной интерференции» между клетками, имеющими нормальный либо мутантный аллель. Болезнь возникает только у гетерозиготных по мутантному аллелю женщин, т.к. у них вследствие случайной X-инактивации наблюдается мозаичная экспрессия PCDH19.

Феномен случайной инактивации X-хромосомы у женщин и её нарушения являются одними из важнейших понятий в X-сцепленной патологии и требуют более подробного рассмотрения. Известно, что хотя в женских соматических клетках (46, XX) две X-хромосомы, но активна (то есть экспрессируется) только одна из них. Происходящая в раннем эмбриогенезе случайная инактивация одной из двух (отцовской или материнской) X-хромосом называется «лайонизацией» по имени Мэри Лайон, впервые описавшей этот феномен. Инактивированная X-хромосома преобразуется в тельце Барра и будет оставаться неактивной во всех соматических клетках-потомках этой клетки. Так как инактивация X-хромосомы происходит случайно, то все женщины, по сути, – генетические мозаики по X-хромосоме: в одной ткани или группе клеток ткани активна отцовская, а в других – материнская X-хромосома. Самый наглядный пример лайонизации, – это окраска кошек – «богаток», имеющих трехцветную окраску, которая наблюдается только у самок, но не у котов. Дело в том, что аллели генов, отвечающих за чёрный или оранжевый цвет меха, расположены на парных X-хромосомах, но активна может быть только одна из них. Какой аллель активен в данной группе клеток дермы, – такова и окраска данного участка меха.

Как у девочек, больных X-сцепленными доминантными заболеваниями, так и у матерей-носительниц X-сцепленных рецессивных мутаций наблюдается неслучайная инактивация X-хромосомы. В этом случае в более чем 80 % соматических клеток активна отцовская или материнская X-хромосома, что значительно превышает случайное распределение [1].

Примером подобной патологии на уровне нейронов может служить X-сцепленная субкортикальная ламинарная гетеротопия у девочек-гетерозигот. Данное заболевание упрощённо называют синдромом «двойной коры», т.к. нейроны с нормальной активной X-хромосомой образуют нормальную кору, а нейроны с «мутантной» активной X-хромосомой отстают в процессе миграции и образуют второй, нижележащий слой коры, что приводит к возникновению УО и эпилепсии.

Выделяют два вида неслучайной X-инактивации. Первичная, которая встречается реже, обусловлена мутацией гена XIST (X inactivation-specific transcript), обеспечивающего в нормальных условиях случайную инактивацию одной из X-хромосом. Вторичная неслучайная X-инактивация, которая встречается чаще, возникает из-за селекции (отбора) при пролиферации клеток с нормальным или мутантным аллелем на активной X-хромосоме.

При большинстве форм X-сцепленной УО преобладает пролиферация клеток с нормальным аллелем на активной X-хромосоме. Так при синдроме Блоха-Сульцбергера (недержания пигмента) у девочек-гетерозигот (мальчики гибнут в эмбриональном периоде) сразу после рождения отмирают клетки кожи с мутантным аллелем на активной X-хромосоме. Это проявляется везикуло-буллезным дерматозом с последующей атрофией участков кожи, содержащих мутантный аллель, с возникновением специфической картины «брызг грязи».

Редким исключением из общего правила является адренолейкодистрофия (АЛД), – тяжёлое X-сцепленное рецессивное заболевание, протекающее со снижением функции надпочечников и поражением белого вещества головного мозга. При АЛД по неизвестной пока причине преобладает пролиферация клеток с мутантным аллелем на активной X-хромосоме. Поэтому АЛД страдают не только мальчики, но и девочки-гетерозиготы при повышенной селекции мутантных клеток.

С клинической точки зрения X-сцепленную УО принято разделять на синдромальную (MRXS – mental retardation, X-linked, syndromic), когда УО является только одним из синдромов заболевания, и несиндромальную (неспецифическую, MRX – mental retardation, X-linked), когда единственным проявлением болезни является УО. Соотношение синдромальных и несиндромальных форм составляет примерно 2:1. Интересно, что патология более 30 генов

X-хромосомы может проявляться как синдромальной, так и несиндромальной XLMR, что зависит от типа мутации.

Самой частой (до 20%) из описанных форм X – сцепленной УО является синдром ломкой X-хромосомы (синдром Мартина-Белл), занимающий второе место по частоте после синдрома Дауна среди наследственных форм УО у мужчин. Он обусловлен экспансией тринуклеотидных повторов «цитозин-гуанин-гуанин» (CGG-повторов) в промоторной области гена FMR1 (fragile X mental retardation-1), расположенного на X-хромосоме в локусе Xq27.3 (OMIM 309550). Его соматическими фенотипическими особенностями являются: удлиненное лицо с высоким лбом и большими оттопыренными ушами, признаки дисплазии соединительной ткани в виде «вельветовой» кожи на ладонях и избыточной – на тыле кисти, плоскостопия, а также макроорхидизм (большие яички) у мальчиков после наступления пубертата [9]. Поведенческий фенотип при данном заболевании представлен сочетанием нейропсихологических синдромов УО различной степени тяжести, аутизма и дефицита внимания с гиперактивностью [3]. Мануальные стереотипии, нарастающие с возрастом, дополняют клиническую картину. Предложена современная технология выявления детей группы риска по наличию синдрома ломкой X-хромосомы [2].

Кроме классического варианта синдрома ломкой X-хромосомы, обозначаемого английской аббревиатурой FRAXA, описан и другой вариант, обозначаемый как FRAXE. Он обусловлен наличием CCG-повторов в гене FMR2, расположенном в локусе Xq28, и проявляется только трудностями обучения и общей задержкой развития.

Примечательно, что возможно сочетание двух X-сцепленных заболеваний в одной семье. Так Lahbib S. и соавт. [8] описали трёх сибсов с УО, аутизмом и дисморфическими особенностями различной степени тяжести. При обследовании выяснилось, что у первого пациента есть синдром ломкой X-хромосомы FXS, у второго есть мутации как гена FMR1, так и MED12, а у третьего – только мутация гена MED12. Именно эта внутрисемейная гетерогенность и объясняла клинический полиморфизм УО в одной семье.

Синдром Ретта по распространенности занимает второе место (после синдрома Дауна) среди случаев наследственного слабоумия у девочек, составляя почти 10% случаев среди умственно отсталых пациентов женского пола. Заболевание обусловлено мутацией de

пово (около 80 % случаев) или аномальной экспрессией (около 20 %) гена MeCP2, расположенного на X-хромосоме в локусе Xq28. Ген MeCP2 кодирует белок MeCP2 (Метил-СрG-связывающий Протеин 2), который в норме в определенный момент развития головного мозга ещё во внутриутробном периоде «отключает» ряд генов. Если же ген MeCP2 мутирован и «отключения» не происходит, то нарушаются процессы созревания головного мозга и развивается болезнь. Синдром Ретта относится к расстройствам аутистического спектра и имеет отдельный код в МКБ 10 – F84.2. Его основными клиническими признаками считаются деменция с аутистическими чертами, апраксия со специфическими стереотипиями моющего и потирающего характера и эпилептические припадки [4].

Ещё одним своеобразным заболеванием из числа X-сцепленной УО является ранняя инфантильная эпилептическая энцефалопатия 9-го типа [5], обусловленная мутациями в гене PCDH19 (protocadherin 19), который находится на X-хромосоме в локусе Xq22.1. Она является основным представителем синдромо-комплекса EFMR, который расшифровывается как «Epilepsy, Female-restricted, Mental Retardation», или «epilepsy and mental retardation limited to females» и обычно переводится как «эпилепсия и умственная отсталость, ограниченная женским полом». Заболевание наследуется по уникальной X-связанной доминантной схеме. Обычно экспрессия мутантного гена, локализованного в X-хромосоме, гораздо выше у мальчиков, что обусловлено отсутствием у них парного нормального аллеля. При данном заболевании всё наоборот – поражаются только девочки. Дело в том, что в появлении клинической симптоматики принципиальным является феномен «клеточной интерференции» (cellular interference), когда в организме больного ребёнка сосуществуют экспрессирующие либо нормальный, либо мутантный аллель клетки, которые интерферируют друг с другом из-за продукции различных поверхностных белков. Болезнь развивается только у гетерозиготных по мутантному аллелю женщин, т.к. у них вследствие случайной X-инактивации наблюдается мозаичная экспрессия гена PCDH19. Если все клетки содержат только мутантный ген, что наблюдается у мужчин-носителей, которые гемизиготны по данному гену, то заболевание не возникает. Однако такие отцы-носители мутантного гена передают патогенный вариант своим дочерям.

Количество несиндромальных форм X-LMR практически ежегодно возрастает за счёт выявления новых генетических причин. Так в 2000 году группа авторов [7] провели анализ панели из 82 генов у 61 мужчины (не родственников) с подозрением на несиндромальный X-LID. Эти пациенты были первоначально направлены в лабораторию молекулярной генетики для исключения синдрома ломкой X-хромосомы. Анализ данных секвенирования выявил 17 новых вариантов-кандидатов у 16 пациентов.

Учитывая большое количество (более 200) нозологических единиц X-LMR, наличие не только синдромальных, но и несиндромальных форм, лабораторное подтверждение патологии может представлять большие сложности. Полногеномное секвенирование, хотя и может дать ответы практически на все вопросы, в связи со своей значительной стоимостью используется не часто. При традиционном алгоритме генетического обследования последовательно проводят три анализа. Сначала осуществляется хромосомный микроматричный анализ для исключения, в том числе, микрохромосомных аберраций, которые не видны при обычном кариотипировании. Затем проводят тестирование на синдром ломкой X-хромосомы по специальному алгоритму. При отрицательных результатах первых двух тестов проводится секвенирование следующего поколения (Next-Generation Sequencing) по определённым панелям (наборам) генов X-хромосомы или полноэкзомное с дальнейшим подкреплением выявленных мутаций обследованием по Сэнгеру. В.Ю. Воиновой и соавт. в 2016 году предложен свой, более сложный алгоритм диагностики X-сцепленных форм УО у детей [1].

Таким образом, подозрение на связь умственной отсталости с патологией X-хромосомы является только первым этапом диагностики большой группы заболеваний, включающей более 200 нозологических единиц. Окончательный диагноз возможен только после тщательного цитогенетического и молекулярно-генетического обследования.

Список литературы

1. Воинова В.Ю., Ворсанова С.Г., Юров Ю.Б., Юров И.Ю. Алгоритм диагностики X-сцепленных форм умственной отсталости у детей // Рос вестн перинатол и педиатр 2016; 61:5:34-41. doi: 10.21508/1027-4065-2016-61-5-34-41.

2. Горбачевская Н.Л., С.А. Тюшкевич, У.А. Мамохина и др. Технология выявления детей группы риска по наличию синдромальной формы аутизма и умственной отсталости – синдрома FXS // Дефектология. 2019. № 2. С. 11-20.
3. Малов А.Г. Нейропсихологические расстройства при синдроме ломкой X-хромосомы // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1(3). С. 668 – 676.
4. Малов А.Г. Нейропсихологические расстройства при синдроме Ретта // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1(2). С. 799 – 804.
5. Малов А.Г., Вшивков М.И., Мамунц М.А. Сложности диагностики ранней инфантильной эпилептической энцефалопатии 9-го типа // Российский неврологический журнал. 2019. Т. 24, № 3. С. 25-30. doi: 10.30629/2658-7947-2019-24-3-24-30.
6. Hu H., Haas S.A., Chelly J., et al. X-exome sequencing of 405 unresolved families identifies seven novel intellectual disability genes// Mol Psychiatry. 2016. 21(1):133-48. doi: 10.1038/mp.2014.193.
7. Ibarluzea N., Belén de la Hoz A., Villate O. et al. Targeted Next-Generation Sequencing in Patients with Suggestive X-Linked Intellectual Disability // Genes. 2020. 11(1):51. doi: 10.3390/genes11010051.
8. Lahbib S., Trabelsi M., Dallali H. Novel MED12 variant in a multiplex Fragile X syndrome family: dual molecular etiology of two X-linked intellectual disabilities with autism in the same family // Mol Biol Rep. 2019. 46(4): 4185-4193. doi: 10.1007/s11033-019-04869-6.
9. Lubala T., Lumaka A., Kanteng G. Fragile X checklists: A meta-analysis and development of a simplified universal clinical checklist // Molecular Genetics and Genomic Medicine. 2018. № 6(4). С. 526–532. doi: 10.1002/mgg3.398.
10. Neri G., Schwartz C.E., Lubs H.A., Stevenson R.E. X-linked intellectual disability update 2017 // Am J Med Genet A. 2018. 176(6): 1375-1388. doi: 10.1002/ajmg.a.38710.

Микова Екатерина Михайловна,
студент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: k.mickowa@yandex.ru

Левченко Елена Васильевна,
доктор психологических наук, профессор
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: levchenkov@yandex.ru

ПЕРЕЖИВАНИЕ БОЛИ ЛИЦАМИ ОТ 14 ДО 24 ЛЕТ С САМОПОВРЕЖДАЮЩИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Аннотация. Целью данного исследования является изучение особенностей переживания боли лицами от 14 до 24 лет с самоповреждающим поведением. Методологической базой для проведения исследования послужили идеи Б.Г.Ананьева об эмпирических характеристиках боли – пространственно-временной структуре, модальности и интенсивности. Для их изучения использовались следующие методики: Визуальная аналоговая шкала (ВАШ); болевой опросник Мак-Гилла; карта локализации боли; исследование особенностей переживания боли на материале текстов сочинений (мини-сочинение «Моя боль», Мухина В. С.) и анкета «Склонность к самоповреждающему поведению» Польской Н. А. Полученные результаты дают возможность описать отличительные черты переживания боли лицами с самоповреждающим поведением в отличие от переживания боли лиц без самоповреждающего поведения.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, боль, переживание боли, пространственно-временная структура, модальность и интенсивность боли.

Mikova Ekaterina Mikhailovna,
student
Perm State University
Perm
e-mail: k.mickowa@yandex.ru

Levchenko Elena Vasilevna,
Doctor of Psychology, Professor
Perm State University
Perm
e-mail: levchenkov@yandex.ru

PAIN EXPERIENCE BY INDIVIDUALS AGED 14 TO 24 WITH SELF-HARMING BEHAVIOR

Abstract. The purpose of this study is to study the features of pain experience by individuals aged 14 to 24 with self-harming behavior. The methodological basis for the study was the ideas of B.G. Ananyev about the empirical characteristics of pain – the spatial-temporal structure, modality and intensity. The following methods were used to study them: Visual analog scale, McGill Pain Questionnaire, pain localization map, research of features of pain experience on the material of texts of essays (Mini-essay “My pain”, Mukhina V.S.) and Questionnaire “Propensity to self-harming behavior” (Polskaya N.A.). The results obtained make it possible to describe the distinctive features of the experience of pain by individuals with self-harming behavior, as opposed to the experience of pain by individuals without self-harming behavior.

Keywords: Self-harming behavior, pain, experiencing pain, space-time structure, modality and intensity of pain.

Самоповреждающее поведение широко распространено среди подростков и молодых людей различных групп риска. Из года в год исследователи отмечают увеличение числа самоповреждений, что

очень часто вызывает необратимые последствия, которые негативно влияют на психологическое благополучие и на физическое здоровье таких молодых людей [2]. Сложность данной проблемы заключается в том, что самоповреждающее поведение во многом является скрытым от окружающих, и лишь незначительная доля самоповреждающихся подростков и молодых людей обращаются за помощью (Н. А. Польская, 2017).

Н. А. Польская определяет самоповреждающее поведение как широкий круг действий, связанных с намеренным физическим повреждением собственного тела [5].

Самоповреждающее поведение характеризуется определёнными признаками. Основными являются:

- Преднамеренность;
- Целенаправленность;
- Повторяемость;
- Социальная неприемлемость;
- Чувство облегчения или беспокойства после акта самоповреждения;
- Отсутствие суицидального намерения [4].

В настоящее время считают, что большинство причин самоповреждающего поведения связаны, в той или иной степени, с контролем над своими чувствами, эмоциями, эмоциональными реакциями, возникающими внутри человека в моменты, когда он чувствует себя непривлекательным, никому не нужным и беспомощным. Ощущение отброшенности и покинутости порождает чувство вины, социальную изоляцию и, как следствие, ощущение острой душевной боли. Именно непреодолимое желание избавиться от этой боли толкает к самоповреждающему поведению. Полагают, что перевод психологической боли в физическую даёт временное душевное облегчение, но усиливает чувство вины и социальную изоляцию [8]. Однако эмпирических данных, подтверждающих это положение, немного.

Диалектика психологической и физической боли делает переживания боли у лиц с самоповреждающим поведением бесценными для познания психологической сущности феномена боли. Настоящее исследование даёт возможность проверить и уточнить вышеприведённые положения.

По мнению представителей медицины, боль отражается в сознании, прежде всего, как физическое страдание – сигнал опасности. Психологическая боль – менее очевидное, более позднее и сложное

приобретение психики. Она имеет преимущественно социальную и смысловую природу, информируя о том, что нечто ценное потеряно или рискует быть потерянным. Как правило, боль имеет одновременно как физическую, так и психическую (психологическую, ментальную) составляющую. Эти два компонента вместе представляют собой конкретное ощущение боли, которое с такой точки зрения становится комплексным феноменом [6].

Боль характеризуется как общими со всеми ощущениями качествами, так и своеобразными, присущими только ей. К качествам боли относят:

1. Интенсивность. Интенсивность боли неразрывно связана с переживанием страдания и большим волевым усилием человека, которые выражаются в сопротивлении болевым раздражениям;

2. Качество боли. Различают боли ломящую, грызущую, давящую, жгучую, сверлящую, тупую, рвущую, колющую, распирающую, стреляющую, щиплющую;

3. Длительность. Отражается в болевых ощущениях в зависимости от интенсивности и характера болевых раздражений;

4. Пространственная локализация боли [1].

На данный момент времени, оставаясь постоянным составляющим взаимоотношений врача и пациента, феномен боли, и проблема обезболивания провоцирует медицинские, этические и философские споры. Часто в рассмотрении боли множество психологических механизмов формирования и преодоления боли, а также психотерапевтических и психоаналитических стратегий её усмирения остаются в стороне, в связи с чем наблюдается недостаток психологического содержания в определениях и описании феномена боли.

Переживание боли как события имеет много разных аспектов. Во время переживания боли субъект переживает не те физиологические процессы, которые лежат в основе боли, а то, что он осмысляет, ощущает, воспринимает [3]. Боль является не просто сигналом нервной системы и не просто симптом. Боль – это явление, которое акцентирует бытие, делает его максимально сжатым до переживания страданий «здесь и сейчас». Боль выступает как эквивалент здесь – бытия. Боль напоминает человеку об «абсолютной охваченности сиюминутным сущим» [7].

Выборка

В исследовании приняло участие 84 человека в возрасте от 14 до 24 лет (средний возраст 20,9 лет). Экспериментальную группу со-

ставили 39 человек (23 женщины и 16 мужчин, средний возраст которых составил 19,9 лет), самоповреждающее поведение которых, было выявлено с помощью опросников на самоповреждающее поведение. Контрольную группу, сформированную случайным образом, составили 45 человек (26 женщин и 19 мужчин, средний возраст которых составил 21,7 лет), не имеющих случаев самоповреждающего поведения.

Результаты

Переживание боли лицами без самоповреждающего поведения

Интенсивность переживания боли. Результат обработки данных показал, что у лиц без самоповреждающего поведения в основном боль носит умеренный характер (29%), либо умеренно сильный (29%). Также для лиц данной группы характерна слабо выраженная боль (15,5%).

Модальность переживания боли. Результат обработки данных показал, что лица без самоповреждающего поведения в основном переживают тянущую (8,1%), ноющую (6,9%) и пульсирующую боль (5,4%). Также для лиц без самоповреждающего поведения характерно ощущение схватывающей (5%) и давящей боли (5%).

Кроме этого, лица без самоповреждающего поведения в момент ощущения боли чувствуют обессиливание (14,6%), тревогу (11,4%), раздражение (9,2%) и переживаемая боль их изматывает (11,9%). Также лица данной категории отмечают, что испытываемая ими боль вызывает чувство тошноты (8,6%), утомляет (8,1%), и они оценивают свою боль как помеху (7,03%).

Дальнейший анализ данных показал, что лица без самоповреждающего поведения оценивают свою боль как умеренную (39,5%), слабую (26,3%) или сильную (21,05%).

Длительность переживания боли. Результат обработки данных показал, что переживание боли лицами без самоповреждающего поведения в основном длится менее часа (55,6%) или же 1 – 3 часа (20%).

Пространственная локализация боли. Результат обработки данных показал, что лица без самоповреждающего поведения в основном ощущают головную боль (35,6%), а также боль в животе (26,7%) и ногах (15,6%).

Также было выявлено, что боль лиц без самоповреждающего поведения – это физическая боль от ударов, порезов и т.п. (66,7%).

Переживание боли лицами с самоповреждающим поведением

Интенсивность переживания боли. Результат обработки данных показал, что лица с самоповреждающим поведением чувствуют слабо выраженную боль (40%).

Модальность переживания боли. Результат обработки данных показал, что лица с самоповреждающим поведением в основном переживают разъедающую боль (5,6%), ноющую (5,6%), давящую (4,6%) и жгучую (4,6%).

Также, анализ данных показал, что лица с самоповреждающим поведением в момент переживания боли ощущают обессиление (14,5%), тревогу (13,97%), переживаемая боль их изматывает (12,3%).

Кроме этого, нами было установлено, что лица с самоповреждающим поведением оценивают свою боль как умеренную (38,9%), сильную (38,9%) или слабую (19,4%).

Длительность переживания боли. Результат обработки данных показал, что переживание боли лицами с самоповреждающим поведением длится менее часа (35,9%) или же от 1 до 3 часов (25,6%). Также боль лиц данной категории может длиться как от 3 до 6 часов (15,4%) так и более дня (12,8%).

Пространственная локализация боли. Результат обработки данных показал, что лица с самоповреждающим поведением в основном ощущают головную боль (17,03%), а также боль в руках (19,1%) и груди (25,5%).

Помимо прочего, анализ данных показал, что лица с самоповреждающим поведением до момента самоповреждения ощущают сильную эмоциональную боль (35,3%), а также боль раздражающую изнутри и боль, от которой хочется плакать (17,6%). В момент самоповреждения боль лиц с самоповреждающим поведением снижается и им становится легче (30,8%).

Выводы

1. Лица без самоповреждающего поведения переживают более сильную боль по сравнению с лицами с самоповреждающим поведением;
2. Лица без самоповреждающего поведения переживают более разнокачественную боль по сравнению с лицами с самоповреждающим поведением;

3. Переживание боли лицами с самоповреждающим поведением более длительно по сравнению с переживанием боли лицами без самоповреждающего поведения;
4. Пространственная локализация боли лиц с самоповреждающим поведением несколько отличается от пространственной локализации боли лиц без самоповреждающего поведения;
5. Для лиц с самоповреждающим поведением – боль выполняет функцию усмирения эмоциональной, психологической боли;
6. Боль лиц без самоповреждающего поведения – переживание физической боли;
7. В переживании боли лицами с самоповреждающим поведением и лицами без самоповреждающего поведения наблюдаются общие признаки по всем категориям, а именно: лица с самоповреждающим поведением, как и лица без самоповреждающего поведения, могут переживать слабую боль. Обе группы переживают ноющую и давящую боль, которая их обессиливает, изматывает и тревожит. Переживание боли лицами с самоповреждающим поведением может длиться менее часа или от 1 до 3 часов, как и переживание боли лицами без самоповреждающего поведения. Лица с самоповреждающим поведением и лица без самоповреждающего поведения переживают головную боль.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Теория ощущений. – Л.: изд-во Ленингр. Унта, 1961. – 454 стр.
2. Дарьин Е.В. Несуицидальное самоповреждающее поведение у подростков // Медицинский вестник Юга России. 2019. №4.
3. Королев А.Л., Ярославская М.А. Роль психологических факторов в возникновении и переживании боли на примере пациентов с аутоиммунными ревматическими заболеваниями // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. №2.
4. Поздняк В.В., Хуторянская Ю.В., Гречаный С.В. Самоповреждающее поведение как разновидность патологических стратегий преодоления расстройств пищевого поведения у подростков и молодых людей // Медицина: теория и практика. 2019. №7.
5. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом раз-

витии // Автореф. Диссерт. На соиск. Учен. Степ. Док-рапсих. Наук, 2017.

6. Соловьёва С.Л. Психологические факторы хронической боли // Медицинская психология в России: электрон.науч. журн. – 2019. – Т. 11, № 6(59).

7. Хубулава Г. Г. К вопросу о боли как физиологической, онтологической и экзистенциальной категории. Феноменологический подход // Медицина и организация здравоохранения. 2017. №4.

8. Чуева Е. Н. Самоповреждающее поведение детей и подростков // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2017. №1(29).

*Леготкина Александра Александровна,
студент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: alexandra.legotckina@yandex.ru*

*Продовикова Анастасия Геннадьевна,
кандидат психологических наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: arilama@yandex.ru*

ОБРАЗ РЕАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО ДОМА В СВЯЗИ С УРОВНЕМ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема взаимосвязи образа реального и идеального дома с уровнем удовлетворенности браком. В результате эмпирического исследования были выделены наиболее значимые и характерные особенности образов реального и идеального дома у супругов в связи с разным уровнем удовлетворенности браком. Была составлена целостная картина и обозначены особенности образа реального и идеального дома у супругов с разным уровнем удовлетворенности браком.

Ключевые слова: образ дома, дом, реальный дом, идеальный дом, домашнее пространство, жилое пространство, удовлетворенность браком.

Legotkina Aleksandra Aleksandrovna,
student
Perm State University
Perm
e-mail: alexandra.legotckina@yandex.ru

Prodovikova Anastasiya Gennadevna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Perm State University
Perm
e-mail: arilama@yandex.ru

THE IMAGE OF A REAL AND IDEAL HOME IN CONNECTION WITH MARRIAGE SATISFACTION

Abstract. The article examines the problem of the relationship between the image of a real and ideal home and the level of satisfaction with marriage. As a result of empirical research, the most significant and characteristic features of the images of the real and ideal home for spouses were identified in connection with different levels of satisfaction with the marriage. A holistic picture was drawn up and the features of the image of a real and ideal home for spouses with different levels of marriage satisfaction were identified.

Keywords: home image, home, real home, ideal home, home space, living space, satisfaction with marriage.

В настоящее время исследования, затрагивающие психологию среды, а именно жизненную среду человека, набирают научный интерес. В рамках ряда исследований, дом выступает как главная жизненная среда человека, способная определять его индивидуальность, социальное взаимодействие и жизненную успешность [3].

Здесь же нельзя не подчеркнуть актуальность исследований супружеских отношений и института семьи, которые, в свою очередь, имеют исключительную роль в жизни общества [1, 3]. Повышенный интерес к этому можно определить через возросший уровень количества разводов, которые призывают обратить внимание на внутрисемейные феномены, происходящие между супругами и способные оказывать влияние на удовлетворенность браком [1].

В рамках дома, домашней среды семейное взаимодействие осуществляется большую часть своего времени. Строятся внутрисемейные отношения, определяется быт супругов. В данном ключе дом способен играть значительную роль как в семейном укладе супругов, так и в собственном благополучии каждого из них (I.V. Kryazh, 2019). Обсуждая объекты идеального мира – нельзя не подчеркнуть их диагностическую роль как индикаторов тех значимых характеристик, которых не хватает человеку для более полного состояния удовлетворенности и благополучия в контексте актуальной среды проживания [2, 5].

Таким образом, вопрос о наличии взаимосвязи образа реально и идеального дома с уровнем удовлетворенности браком супружеской пары выступает проблемой данного исследования.

Методологическим основанием исследования является: средовой подход (С.К. Нартова-Бочавер) [2, 3]; исследования психологического благополучия человека (С.К. Нартова-Бочавер, П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленкова, К. Рифф, А.А. Бочавер) [3]; психология среды [2, 3, 5, 6]; психология семьи (брачно-семейных отношений) (Столин В.В., Курилович М.А., Коноплева Л.С., Дмитрук Ю.Ю., А.С. Тахмазова). Исходя из методологических оснований, основными понятиями являются:

Образ реального дома – качества актуальной домашней среды [2].

Образ идеального дома – желаемые качества домашней среды, конфигурация которых позволяет оценить потребности индивида с точки зрения их удовлетворенности [2].

Анализ литературы показал, что дом является главной жизненной средой человека [2, 3], в которой происходит создание быта как человека, так и семьи в целом. Дом – это место, которое служит поставщиком огромного количества повседневных ситуаций, стимулирующих или, наоборот, ослабляющих проявления любви к ближним во всех возможных формах [4]. В стенах дома, между супругами, выстраиваются семейное взаимодействие, межличностные отношения, определяется быт. Имеются данные, согласно которым дом способен играть значительную роль как в семейном укладе супругов, так и в собственном благополучии каждого из них (I.V. Kryazh, 2019).

Поскольку объекты идеального мира способны выполнять диагностическую роль индикаторов значимых для человека характеристик актуальной среды проживания, которых не хватает человеку для

более полного состояния удовлетворенности и благополучия в контексте [2, 5] выдвигаются следующие гипотезы:

1) Образ реального дома у супружеских пар с высоким уровнем удовлетворенности браком отличается от образа реального дома супружеских пар с низким уровнем удовлетворенности браком [Н.С. Дмитриева 2014 г, С.К., Нартова-Бочавер 2016 г.].

2) Образ идеального дома у супружеских пар с высоким уровнем удовлетворенности браком отличается от образа идеального дома у супружеских пар с низким уровнем удовлетворенности браком [Н.С. Дмитриева 2014 г, С.К., Нартова-Бочавер 2016 г.].

3) Чем выраженнее расхождение между образами реального и идеального дома, тем ниже уровень удовлетворенности браком супружеской пары и наоборот [2].

Исследование проводилось в период с 23 ноября 2020 года по 10 марта 2021 года. В исследовании приняло участие 20 человек: 10 супружеских пар, разделенных на две группы: супружеские пары с высоким уровнем удовлетворенности браком и, соответственно, супружеские пары с низким уровнем удовлетворенности браком. Исследование опиралось как на качественную, так и на количественную методологию с целью получения обширных и разносторонних данных.

Для сбора информации был использован следующий измерительный инструментарий: опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.Л. Бутенко) – для определения уровня удовлетворенности браком супружеских пар, сочинение «Мой реальный и идеальный дом» – с целью качественного изучения образа реального и идеального дома, метод анализа изображений (рисунок дома) – с целью качественного изучения образа реального и идеального дома, а также опросник «Функциональность домашней среды» – с целью количественного изучения образа реального и идеального дома.

С помощью корреляционного анализа, была выявлена взаимосвязь между уровнем удовлетворенности браком (далее УБ) и образом как реального, так и идеального дома, выражающегося в таких шкалах, как «Прагматичность» ($r=0,661^*$) (в образе идеального дома супругов с высоким уровнем УБ) и «Развитие» ($r= 0,912^{**}$) (в образе реального дома супругов с низким уровнем УБ). Данный результат свидетельствует о значимости базовых функций дома, способных облегчить повседневную деятельность и быт человека. Также полу-

ченные данные говорят о том, что чем ниже УБ в супружеской паре, тем менее дом воспринимается ими как очаг семейной истории, семейных традиций и обычаев, где далее этот же результат находит свое подтверждение в качественной методологии исследования.

При помощи Т-критерия Вилкоксона было выявлено, что внутри пар с высоким уровнем УБ значимых различий (помимо шкалы «Прагматичность» ($Z = -2,213$, $p < 0,05$)) между образом реального и идеального дома обнаружено не было. Таким образом, чем выше уровень УБ супружеской пары, тем меньше расхождений в образе реального и идеального дома они имеют. Подтверждается гипотеза о выраженности расхождений: «чем выраженнее расхождение между образами реального и идеального дома, тем ниже уровень удовлетворенности браком супружеской пары и наоборот». Это может говорить об удовлетворенности домашней средой и атмосферой, создаваемыми супругами в стенах дома.

В отношении супружеских пар с низким уровнем УБ, наблюдаются значимые различия по трем шкалам «Прагматичность» ($Z = -2,025$, $p < 0,05$), «Развитие» ($Z = -2,194$, $p < 0,05$), «ФДС» ($Z = -0,889$, $p < 0,05$), что также подтверждает вышеупомянутую гипотезу и говорит о недостаточной удовлетворенности домашней средой и атмосферой.

С помощью U-критерия Манна-Уитни, значимых отличий между образом реального и идеального дома между парами с разным уровнем УБ обнаружено не было.

Сочинение «мой реальный и идеальный дом», а также метод анализа изображений (рисунок дома) позволили расширить и дополнить общую картину образов реального и идеального дома у супругов с разным уровнем удовлетворенности браком.

Так, при помощи ϕ -критерия Фишера были выявлены следующие различия: в группе супружеских пар с высоким уровнем УБ в образе реального дома упоминания об отдыхе, и подобном проведении времени встречались чаще, чем в идеальном ($\phi = 2.55$, $p \leq 0,01$). То же самое можно сказать и про предметы декора ($\phi = 2.301$, $p \leq 0,05$). Также, ими было подчеркнуто самоощущение дома в образе реального дома, выражающееся в словах «мне хорошо дома», «мой реальный дом для меня идеальный», «хочется возвращаться домой» и т.п. ($\phi = 2.082$, $p \leq 0,05$), в то время как в образе идеального дома похожие описания не встречались.

В группе супружеских пар с низким уровнем УБ, наблюдается значительно больше отличий в образах реального и идеального дома. Такими стали следующие характеристики: обеспечение помещений ($\varphi = 2.797$, $p \leq 0,01$), пространство ($\varphi = 2.839$, $p \leq 0,01$), зонирование ($\varphi = 2.434$, $p \leq 0,01$), декор ($\varphi = 3.724$, $p \leq 0,01$), самоощущение дома ($\varphi = 5.782$, $p \leq 0,01$). Образ идеального дома аккумулировал в себе актуальные потребности, в основном выражающиеся в расширении пространства, отделения комнат друг от друга, потребности защищенности и красоты. Самой ярко выраженной характеристикой является ощущение себя в домашнем пространстве, где в образе реального дома часто встречались слова «мне не комфортно», «нет спокойствия», «все болеют, ругаются, плачут» и т.п.

Анализ графических изображений образов реального и идеального дома в обеих группах супругов с различным уровнем УБ не выявил значимых отличий между образами. Однако, в образе идеального дома супружеских пар как с высоким ($\varphi = 3.063$, $p \leq 0,01$), так и с низким ($\varphi = 2.613$, $p \leq 0,01$) уровнем УБ имеется общая черта – идеальным дом представляется как отдельный, просторный и частный коттедж (в противовес общественному дому).

Исследование в рамках образа дома позволило нам составить портрет реального и идеального дома глазами пар, имеющих различный уровень удовлетворенности браком.

Обобщая результаты, можно сказать, что супруги с высоким уровнем удовлетворенности браком упоминают в образе реального дома семью, взаимодействие с ней, а также ее роль и вклад в домашнюю среду. Здесь же присутствуют насыщенность дома как различными занятиями (хобби, работа, отдых), так и взаимодействием с окружением (семья, гости, домашние животные). Образ дома разносторонен. Чаще всего, графически реальный дом изображен как общественный, многоквартирный с акцентом на собственное окно.

Наиболее частым упоминанием в идеальном доме являются предметы декора, стремление его украсить. Наиболее встречающейся потребностью можно назвать увеличение территории и желание иметь собственный загородный, частный дом. Показательными утверждениями являются «мой реальный дом для меня идеальный», «я стремлюсь реальный дом сделать идеальным», «хочется возвращаться домой». Чаще всего, графически идеальный дом изображен

как частный коттедж, окруженный природой, цветами, придомовой территорией. Встречается изображение семьи.

Супруги с низким уровнем удовлетворенности браком менее склонны рассматривать образ реального дома как место, где им хорошо. Чаще всего встречается описание базовых функций дома и его практичности, выражающееся в ровне удовлетворенности базовых потребностей. Выражена потребность в увеличении пространства [6, 7], проявляющаяся в словах «небольшой», «маленький». Чаще всего, графически реальный дом изображен как планировка собственной квартиры со схематически расположенной мебелью.

Образ идеального дома представляется как место, совмещающее в себе перечень актуальных потребностей, таких как бытовые, базовые, желание расширения и зонирования пространства, необходимость отдыха, хорошего самоощущения дома, а также его красоты. Расположение идеального дома чаще всего описывается среди природы и безмятежности. Выражена потребность в обладании собственным загородным, частным домом. Чаще всего, графически идеальный дом изображен как частный коттедж, окруженный придомовой территорией и дополнительными пристройками (баня, гараж и т.п.).

Общим в образе реального дома у супружеских пар с разным уровнем удовлетворенности браком оказалось описание функций дома, обеспечивающих удовлетворение базовых потребностей (дом как место удовлетворения потребностей). А также стремление к увеличению жилого пространства.

Общим в образе идеального дома у супружеских пар с разным уровнем УБ оказалось желание иметь собственный дом, в основном описанный и изображаемый как загородный коттедж.

Различным в образе реального дома у супружеских пар с разным уровнем УБ оказалось взаимодействие с окружением, в основном – в кругу семьи. У супругов с высоким уровнем УБ описание семьи, ее роли в доме, отводится большее внимание, чем у супругов с низким уровнем УБ. Последние, в большей степени, ориентированы на низкую функциональность дома, играющую роль в удовлетворении базовых потребностей и выраженную в желании улучшения актуальной обстановки.

Различным в образе идеального дома у супружеских пар с разным уровнем УБ является ориентация у пар с низким уровнем УБ на

улучшение функционального обеспечения помещений, в то время как у супругов с высоким уровнем УБ – на декор дома и его красоту.

Таким образом, гипотезы о существовании различий в образах как реального, так и идеального дома между парами с разным уровнем УБ – также находят свое подтверждение.

Список литературы

1. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 193–200.

2. Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Брагинец Е.И., Подлипняк М.Б. Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 4. С. 9–22.

3. Нартова-Бочавер С.К., Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование / Отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2016 – 220 с.

4. Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И., Хачатурова М.Р. Дом и его обитатели, психологическое исследование М.: Памятники исторической мысли, 2018. – 293 с.

5. Сысенко В.А. Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия. – М.: Финансы и статистика, 1981 г. – 199с.

6. Heidmets M.E., Durmanov V.Yu., Liik K.A. Apartments and offices: how to satisfy both [anners and users? // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. 16. N 1. P. 7–26.

7. McNaughton Nicholls C. Housing, homelessness and capabilities // Housing, Theory and Society. 2010. Vol. 27. № 1. P. 23–41.

*Хатько Екатерина Михайловна,
студент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург
e-mail: 9633165@mail.ru*

*Василенко Виктория Евгеньевна,
кандидат психологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург
e-mail: v.vasilenko@spbu.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена результатам эмпирического исследования взаимосвязей невербального, вербального и семантического компонентов креативности и игровой деятельности старших дошкольников. Выборка: 57 дошкольников 5-6 лет (22 мальчика и 35 девочек) из ГБДОУ Санкт-Петербурга. Использовались психодиагностические методы и наблюдение за игрой детей. Выявлены средний уровень невербальной креативности и уровень выше среднего вербальной и семантической креативности у детей. У мальчиков по сравнению с девочками выше показатель семантической креативности в одном из тестов и выше оригинальность в невербальном тесте (на уровне статистической тенденции). Воспитатели оценивают игровую деятельность детей как достаточно развитую, в то время как наблюдение за игрой показало невысокий уровень развития игры с наибольшими проблемами по параметру «разнообразие игры» (без различий с учетом пола). Выявлены взаимосвязи более развитой игры с более высокими показателями невербальной, вербальной и семантической креативности. При этом у мальчиков с игровой дея-

тельностью связан вербальный компонент креативности, а у девочек – невербальный и семантический.

Ключевые слова: старшие дошкольники, креативность, игровая деятельность, игра.

Khatko Ekaterina Mikhaylovna,
student

St. Petersburg State University

St. Petersburg

e-mail: 9633165@mail.ru

Vasilenko Viktoriya Evgenevna,

Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor

St. Petersburg State University

St. Petersburg

e-mail: v.vasilenko@spbu.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN CREATIVITY AND PLAY ACTIVITY OF OLDER PRESCHOOLERS

Abstract. The article is devoted to the results of empirical study of the relationships between non-verbal, verbal and semantic components of creativity and play activity of older preschoolers. Sample: 57 preschoolers of 5-6 years old (22 boys and 35 girls) from the St. Petersburg State Budgetary Educational Institution. Psychodiagnostic methods and playing process observation were used. The average level of non-verbal creativity and the level above the average of verbal and semantic creativity in children were revealed. Boys (compared to girls) have higher semantic creativity indicator in one of the tests and higher originality in the nonverbal test (statistical tendency level). The educators estimated the childrens' play activity at the sufficiently developed level, whereas the observation of the playing process showed a low level of the play with the greatest problems in the "variety game" parameter (no gender differences). The correlations between more developed game and higher levels of non-verbal, verbal and semantic creativity were revealed. Wherein the boys'

play activity is linked with verbal component of creativity, and girls' play activity – with non-verbal and semantic creativity components.

Keywords: older preschoolers, creativity, play activity, game.

Дошкольный возраст является сензитивным для развития креативности, которая важна для самоактуализации и психологического благополучия человека на протяжении разных этапов его жизни. Естественный способ развития креативности – игра, т.к. сама суть игры связана с воображением. В игре ребенок встречает модели креативного поведения и в ней спонтанно развиваются свойства дивергентного мышления: беглость, гибкость, оригинальность и разработанность идей. В то же время, тенденция ускоренного интеллектуального развития детей и цифровая социализация создают новые условия, вступая в противоречие с принципом амплификации развития, т.е. максимально полного проживания данного возраста. Исследования игровой деятельности дошкольников в XXI веке показывают все большее сворачивание, упрощение сюжетно-ролевых игр у детей и ряд связанных с этим эффектов в развитии: снижение произвольности поведения, изменения Я-концепции, несформированность мотивационно-волевых и коммуникативных качеств [7,8,9,10]. При этом исследований соотношения креативности и игровой деятельности у современных дошкольников мало. Можно отметить исследование В.И. Цайтлер и Т.А. Красило, в котором была выявлена положительная корреляция включенности в игровое взаимодействие с креативностью и отрицательная – с частотой использования гаджетов дошкольниками [5].

Цель нашего исследования – выявление взаимосвязей проявленной креативности и игровой деятельности старших дошкольников. Основная гипотеза: более развитая игровая деятельность у дошкольников сочетается с более высокими показателями невербальной, вербальной и семантической креативности, при этом существуют различия в этих взаимосвязях у мальчиков и девочек.

В исследовании приняло участие 57 дошкольников 5-6 лет (22 мальчика и 35 девочек) из ГБДОУ г. Санкт-Петербурга. Методы: тест Вартега «Круги» на невербальную креативность, тест «Выведение следствий» на вербальную креативность [2], методики «Спасти зайку» и «Солнце в комнате» на семантическую креативность [6], анкета для воспитателей для изучения игровой деятельности у детей [4], наблюдение за игрой дошкольников по схеме Р.Р. Калининой [3].

Выявлено, что показатели невербальной креативности детей соответствуют среднему уровню, вербальной и семантической – выше среднего. У мальчиков по сравнению с девочками выше показатель семантической креативности по методике «Солнце в комнате» ($p < 0,01$) и на уровне статистической тенденции выше оригинальность в невербальном тесте.

Воспитатели оценивают игровую деятельность дошкольников как достаточно развитую, но наблюдение показало невысокий уровень сюжетно-ролевой игры, особенно по параметру «разнообразие игры». Дети в основном не могли самостоятельно играть в рамках заданной темы, большинство игр в группах были сумбурные, с постоянной сменой ролей и быстрой потерей интереса к игре. Различий по полу не обнаружено.

На всей выборке наибольшее количество положительных корреляций с параметрами игры имеют показатели невербальной креативности по тесту Вартега и семантической креативности по методике «Спасти зайку» ($p < 0,05$).

По тесту Вартега больше всего связей у беглости – с интегральным показателем по игре (по анкете и наблюдению), с 3 показателями анкеты: способы решения игровых задач, содержание игры и общий показатель. Гибкость и оригинальность связаны с общим показателем по анкете, гибкость также с содержанием игры.

Показатель семантической креативности по методике «Спасти зайку» связан с общим показателем игры (по наблюдению), с параметрами разнообразия сюжетов игры, атрибутики, с ролевым поведением и выполнением правил игры. В то же время у показателя семантической креативности по методике «Солнце в комнате» (способность преобразовывать «нереальное» в «реальное») корреляций с параметрами игры не выявлено.

Взаимосвязи вербального компонента креативности (по методике «Выведение следствий») с игровой деятельностью выражены в меньшей степени и только по оценке воспитателей: взаимодействие детей в игре положительно коррелирует с оригинальностью ($p < 0,01$) и с общим показателем вербальной креативности ($p < 0,05$).

Сравнительный анализ корреляций на выборках по полу показал более тесные корреляции между параметрами креативности и игры у девочек по сравнению с мальчиками. При этом у девочек с показателями игровой деятельности связаны невербальный и семантический компоненты креативности (по методикам Вартега и «Спа-

сти зайку»), а у мальчиков, наоборот, только вербальный (по методике «Выведение следствий»).

Таким образом, параметры невербальной креативности, а также семантической (особенно в плане установки на преобразование предметного материала в ситуации спасения) более интегрированы в игру у девочек, а параметры вербальной креативности – у мальчиков.

Эти результаты интересны тем, что, несмотря на противоречивость данных о креативности с учетом пола, по результатам некоторых исследований невербальная, а также семантическая креативность выше у мальчиков, а вербальная – у девочек [1] (у нас это частично подтвердилось). Т.е. те компоненты креативности, которые часто более сформированы у мальчиков или девочек, менее интегрированы в их игровую деятельность.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась – выявлены взаимосвязи более развитой игровой деятельности у дошкольников с более высокими показателями 3 компонентов креативности: невербального, вербального и семантического. При этом у девочек взаимосвязей больше и в связи с полом есть следующие различия: у мальчиков с игрой связана вербальная креативность, у девочек – невербальная и семантическая.

Эти результаты важно учитывать при проведении развивающих занятий с детьми, они показывают возможности поэтапного развития с помощью игры тех компонентов креативности, которые у детей менее сформированы (начиная с беглости, затем развивая гибкость и оригинальность). Также наши данные подтверждают современные тенденции упрощения сюжетно-ролевых игр у детей и показывают необходимость помощи детям в формировании игровой мотивации и игровых навыков.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012.
2. Ильина М.В. Воображение и творческое мышление. Психодиагностические методики. М.: Книголюб, 2004.
3. Калинина Р.Р. Психолого-педагогическая диагностика в детском саду. СПб.: Речь, 2003.

4. Комарова Н.Ф. Диагностика игры детей. Методические рекомендации. Нижний Новгород: НГПИ им. Горького, 1992.
5. Красилов Т.А. Взаимосвязь между частотой использования электронных гаджетов, включенностью в игровое взаимодействие и креативностью у дошкольников // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 144-158.
6. Кудрявцев В.Т. Диагностика творческого потенциала и интеллектуальной готовности к развивающему школьному обучению. М., 1999.
7. Никишина В.Б., Петраш Е.А. «Цифровое поколение: ранний выбор» // Вопросы психологии, 2020. №6. С. 141-149.
8. Смирнова Е.О., Гударёва О.В. Состояние игровой деятельности современных дошкольников // Психологическая наука и образование. 2005. Том 10. № 2. С. 76-86.
9. Смирнова Е.О., Рябкова И.А. Состояние игровой деятельности современных дошкольников // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 15-23.
10. Смирнова Е.О. Современная детская субкультура // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 25-35.

Баранова Анастасия Валерьевна,
студент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: my-nastyu@mail.ru

Игнатова Екатерина Сергеевна,
кандидат психологических наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: 131013@mail.ru

СОВЛАДАНИЕ СО СТРАХОМ СМЕРТИ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕОИГР

Аннотация. В современном обществе видеоигры являются распространенным увлечением. Они могут рассматриваться как один из способов управления страхом смерти (McAllister, Ken, Ruggill). Согласно современным данным, видеоигры способны ослабить страх смерти. Степень влияния видеоигр на страх смерти зависит от степени погруженности в игру (индекс виртуальности) (Bourdin, Barberia, Oliva, Slater, 2017; Елхова, 2018), от опыта игры и жанрового предпочтения геймера (Богачева, Войскунский, 2015; Нестик, 2018). В исследовании рассмотрена проблема взаимосвязи жанрового предпочтения с особенностями совладания со страхом смерти. Представлен обзор теоретических и практический исследований по теме. Проверялась гипотеза о том, что существует взаимосвязь выраженности совладания со страхом смерти (копинг-стратегии, осознаваемые аспекты страха смерти) и предпочитаемыми жанрами видеоигр. Проведено исследование на выборке из 101 человека в возрасте от 21 до 30 лет с использованием методик «Опросник совладание со стрессом

СОРЕ» – для диагностики способов совладания, «Отношение к смерти» – для диагностики негативного и позитивного отношения к смерти, «Страх личной смерти» – для диагностики предмета и уровня страха смерти. Для оценки полученных данных на соответствие закону нормального распределения применялся критерий Колмогорова – Смирнова. Для оценки различий по уровню выраженности показателей в выборках геймеров с низким, средним, высоким уровнями опыта игры в видеоигры и не-геймеров, а также для оценки различий по уровню выраженности показателей в выборках геймеров, предпочитающих разные жанры видеоигр, применялся критерий Краскела – Уоллиса. Выявлено, что геймеры с большим стажем игры не отрицают тему смерти, при этом меньше боятся личной смерти, последствий смерти для тела (процесс гниения и т.д.) и близких. У геймеров, предпочитающих жанр «интерактивное кино» значимо ниже показатель «Избегания темы смерти» и значимо выше показатель «Принятия», чем у геймеров, предпочитающих другие жанры (многопользовательские онлайн игры – ММО, ролевые игры – RPG, игры жанра экшн, постапокалиптические игры). Полученные данные частично согласуются с результатами исследования влияния виртуальной реальности на страх смерти о том, что виртуальный опыт вне тела уменьшает страх смерти (Bourdin, 2017), и существующими данными о том, что видеоигры способны повысить осознание смерти изменить отношение к страху смерти (Chittaro, 2018). Осознание страха – первый шаг на пути к его преодолению (Р.М. Арефулин, Дж. Рейнгольд, В. Франкл, И. Ялом и др.). Мы полагаем, что отсутствие отрицания темы смерти означает ее постепенное осознание. Следовательно, опыт игры в видеоигры способствует осознанию и постепенному принятию темы смерти и страху перед ней.

Ключевые слова: видеоигры, геймеры, совладание, страх смерти, жанры видеоигр.

Baranova Anastasiya Valerevna,

student

Perm State University

Perm

e-mail: my-nastya@mail.ru

Ignatova Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Perm State University
Perm
e-mail: 131013@mail.ru

COPING WITH FEAR OF DEATH THROUGH VIDEO GAMES

Abstract. In modern society, videogames are a widespread hobby. Its can be seen as one way to manage the fear of death (McAllister, Ken, Ruggill). According to current evidence, video games can reduce the fear of death. The degree of influence of video games on the fear of death depends on the degree of immersion in the game (index of virtuality) (Bourdin, Barberia, Oliva, Slater, 2017; Elkhova, 2018), on the experience of the game and the genre preference of the gamer (Bogacheva, Voiskunsky, 2015; Nestik, 2018). The study examines the problem of the relationship between genre preference and the peculiarities of coping with the fear of death. An overview of theoretical and practical research on the topic is presented. The hypothesis was tested that there is a relationship between the severity of coping with the fear of death (coping strategies, perceived aspects of the fear of death) and the preferred genres of video games. A study was carried out on a sample of 101 people aged 21 to 30 years using the methods "COPE stress coping questionnaire" – to diagnose coping methods, "Attitude towards death" – to diagnose negative and positive attitudes towards death, "Fear of personal death" – to diagnose the subject and the level of fear of death. To assess the obtained data for compliance with the law of normal distribution, the Kolmogorov – Smirnov criterion was used. The Kruskal – Wallis test was used to assess the differences in the level of expression of indicators in the samples of gamers with low, medium, high levels of experience in playing video games and non-gamers, as well as to assess the differences in the level of expression of indicators in the samples of gamers who prefer different genres of video games. It was revealed that gamers with a long experience in the game do not deny the topic of death, while they are less afraid of personal death, the consequences of death for the body (the process of decay, etc.) and loved ones. Gamers who prefer the genre of "interactive cinema" have a significantly lower rate of "Avoidance of the theme of death" and a significantly higher rate of "Acceptance" than gamers who prefer other genres

(multiplayer online games – MMO, role-playing games – RPG, action games, post-apocalyptic games). The findings are in part consistent with the results of a study on the impact of virtual reality on fear of death that virtual experiences outside the body reduce fear of death (Bourdin, 2017), and existing evidence that video games can increase awareness of death to change attitudes towards fear of death (Chittaro, 2018). Awareness of fear is the first step towards overcoming it (R. M. Arefulin, J. Reingold, V. Frankl, I. Yalom, etc.). We believe that the absence of denial of the theme of death means its gradual realization. Consequently, the experience of playing video games promotes awareness and gradual acceptance of the topic of death and the fear of it.

Keywords: videogames, gamers, coping, fear of death, video game genres.

В настоящее время видеоигры являются распространенным увлечением людей разного возрастного диапазона. По данным компании DFC Intelligence в 2020г. – треть населения планеты является игроками в видеоигры (геймерами) – количество геймеров 3,1 млрд. из 7,8 млрд. людей [10]. Благодаря развитию IT-технологий, в частности технологий виртуальной реальности, видеоигры выходят на новый уровень и становятся одним из психотерапевтических средств: получает распространение игровое моделирование психических состояний и основных этапов жизни человека, применение видеоигр в семейном консультировании («проигрывание жизни» друг друга) (Журавлев, Нестик, Юревич, 2016), при работе со страхами (воспроизведения ситуации *in vivo*) (Bourdin, Barberia, 2017; Chittaro, Sioni, 2018). Активно изучаются взаимосвязи экзистенциальной данности страха смерти с видеоиграми: создаются специальные игры в терапевтических целях («серьезные игры»), (Holms, 2003; Dixon, 2008; Anderson, 2015; McAllister, Ken, 2018; Chittaro, Sioni, 2018; Loewen, 2018; Benoit, Hawey, 2019; Kouratoras, 2020). Также видеоигры способны вызвать размышления (рефлексию) о смерти (Chittaro, Sioni, 2018), выступают в качестве способа управления страхом смерти, который позволяет ослабить страх смерти на бессознательном уровне (McAllister, Ken, Ruggill, 2018).

Результаты исследований взаимосвязи видеоигр со страхом смерти показывают, что геймеры имеют более низкий уровень страха смерти, чем люди, которые не играют в видеоигры (Боурдин и др., 2016; Нестик, 2018). При этом уровень страха смерти различается у

геймеров в зависимости от предпочитаемого жанра видеоигр: выявлено, что геймеры, отдающие предпочтение жанрам «RPG», «стратегия», постапокалиптическим играм, имеют более низкие показатели страха личной смерти по сравнению с геймерами, которые предпочитают иные жанры видеоигр (Нестик, 2018).

Современные данные о том, что геймеры имеют более низкий уровень страха смерти, чем не-геймеры, а также, что уровень страха смерти у геймеров различен в зависимости от предпочитаемого жанра видеоигр, показывают необходимость изучения взаимосвязи совладания со страхом смерти и опыта игры в видеоигры. Исследование вопросов страха смерти (танатопсихология) является новым и перспективным направлением психологической науки (Баканова, 2015). Знания по теме страха смерти геймеров требуют расширения и уточнения, особенно в связи с жанрами видеоигр. Мы формулируем проблему нашего исследования – вопрос о том, есть ли взаимосвязь между некоторыми жанрами видеоигр и совладанию со страхом смерти?

Цель: выявить особенности совладания со страхом смерти у геймеров на основе предпочитаемых жанров видеоигр.

Анализ литературы (MacCrae, Costa, 1985; Bowman, Stern, 1995; Сирота, Ялтонский, 1994, 1995; Сапоровская, 2002; Hardie et al. 2006; Рассказова, Гордеева, Осин, 2013), показал, что при совладании со страхом смерти применение копинг-стратегий эмоционально-ориентированного стиля – в особенности копинг-стратегии принятия, является более эффективным (т.е. приводит к психологическому благополучию). Согласно теории управления смыслом (Wong et al., 1994; Wong, 2007), принятие смерти понимается как когнитивное осознание собственной смертности, связанной с положительной (или, по крайней мере, нейтральной) эмоциональной реакцией на это знание (нейтральное принятие). Также результаты исследований влияния видеоигр на страх смерти показывают, что видеоигры могут вызвать размышления (рефлексию) о смерти (Chittaro, Sioni, 2018) и ослабить страх смерти на бессознательном уровне (McAllister, Ruggill, 2018): у геймеров с малым опытом игры в видеоигры был выявлен более высокий страх личной смерти, чем у геймеров с большим опытом [9]. На основании вышеописанного анализа литературы и эмпирических исследований влияния видеоигр на страх смерти, мы выдвигаем первую гипотезу:

1. Опыт игры в видеоигры способствует совладанию со страхом смерти: с увеличением опыта игры в видеоигры, повышается вероятность использования копинг-стратегии «принятие», возникает отношение к смерти как к естественному процессу (нейтральное принятие), а также снижается страх смерти.

На основании результатов эмпирического исследования Т.А. Нестик о том, что особенности страха смерти у геймеров различаются в зависимости от игровых предпочтений [3, 4], выдвигаем вторую гипотезу:

2. Существует взаимосвязь между совладанием со страхом смерти (копинг-стратегии, осознаваемые аспекты страха смерти) и предпочитаемыми жанрами видеоигр: опыт игры в видеоигр жанров «ММО», «RPG», «стратегия», постапокалиптические и игры снижают страх смерти.

Исследование совладания со страхом смерти посредством видеоигр проводилось в онлайн режиме с помощью Online Test Pad в период с 12 сентября 2020 года по 15 марта 2021 года.

В исследовании приняло участие 101 человек в возрасте от 21 до 30 лет ($M = 24,8$; $\sigma = 3,2$): 87 геймеров (65 мужчин, 22 женщины) и 14 не-геймеров (11 женщин, 3 мужчины). Геймером считается человек с опытом игры в видеоигры более года (консольные, компьютерные, мобильные игры). Критериями отбора в выборку был возраст, а также отсутствие недавнего опыта переживания утраты близких людей (прошло более 3 лет и испытуемый считает, что утрата больше не влияет на его психологическое благополучие).

Для проверки первой гипотезы группа геймеров делилась на три подгруппы по двум показателям «объем» (количество лет) и «интенсивность» (количество часов в неделю) опыта игры в видеоигры (всего шесть делений). Группа с низким уровнем объема опыта игры в компьютерные игры состоит из 16 человек, со средним уровнем – 56 человек, с высоким – 15 человек. В группу с низким уровнем интенсивности опыта игры в компьютерные игры вошло 9 человека, со средним уровнем – 63 человека, с высоким – 15 человек.

В исследовании были использованы следующие методики: для диагностики способов совладания – «Опросник совладания со стрессом COPE» (разработан К. Карвером и др., 1989; адаптирован Т.О. Гордеевой и др., 2013); для диагностики негативного и позитивного отношения к смерти – методика «Отношение к смерти» (разработана П. Вонгом и др.; адаптирована К.А. Чистопольской и др. 2014); для

диагностики предмета и уровня страха смерти – методика «Страх личной смерти» (разработана В. Флорианом, С. Кравец; адаптирована К.А. Чистопольской и др. 2017).

На этапе обработки полученных данных использовался пакет многофункциональной компьютерной программы «SPSS Statistics 23». Для оценки полученных данных на соответствие закону нормального распределения применялся критерий Колмогорова – Смирнова. Для оценки различий по уровню выраженности показателей в выборках геймеров с низким, средним, высоким уровнями опыта игры в видеоигры и не-геймеров, а также для оценки различий по уровню выраженности показателей в выборках геймеров, предпочитающих разные жанры видеоигр, применялся критерий Краскела – Уоллиса.

С помощью критерия Краскела-Уоллиса выявлено, что геймеры с высоким объемом опыта игры ($N=40,87$) реже остальных групп (геймеры со средним ($N=47,42$) и низким ($N=56,84$) объемом опыта) при совладании со стрессовыми ситуациями (страхом смерти) прибегают к отрицанию. Для не-геймеров наиболее характерна копинг-стратегия отрицания ($N=69,5$; $p \leq 0,05$).

Аналогичный результат получился при сравнении групп в зависимости от интенсивности опыта: геймеры с высокой интенсивностью опыта игры ($N=41,97$) в видеоигры реже используют копинг-стратегию отрицания при совладании со страхом смерти, чем геймеры с низкой ($N=61,28$), средней ($N=47,57$) интенсивностью и не-геймеры ($N=69,5$; $p \leq 0,05$).

Иными словами, геймеры с малым опытом игры в видеоигры и не-геймеры характеризуются отрицанием темы смерти и страха смерти, в отличие от геймеров с большим опытом.

Геймеры с высоким объемом опыта игры наименее подвержены страху личной смерти (общая шкала), (не-геймеры $N=55,32$; низкий объем $N=59,88$; средний объем $N=52,43$; высокий объем $N=32,17$; при $p \leq 0,01$), страху последствий для тела (не-геймеры $N=60,79$; низкий $N=61,59$; средний $N=49,96$; высокий $N=34,43$; $p \leq 0,01$) и для близких (не-геймеры $N=57,04$; низкий $N=64,25$; средний $N=51,09$; высокий $N=30,9$; $p \leq 0,01$).

Следовательно, геймеры с большим стажем игры не отрицают тему смерти, при этом меньше боятся личной смерти, последствий смерти для тела (процесс гниения и т.д.) и близких.

Полученные данные частично согласуются с результатами исследования влияния виртуальной реальности на страх смерти о том, что виртуальный опыт вне тела уменьшает страх смерти (Bourdin, 2017). Различия в исследованиях заключается в наличии VR-шлема, он позволяет полностью погрузиться в игру и видеть вокруг себя виртуальный мир, тогда как без использования шлема игра отображается на экране компьютера, телефона или телевизора (мы изучали геймеров, которые не используют VR-шлем). Мы предполагаем, что видеоигра без использования VR-шлема тоже оказывает воздействие на страх смерти, а именно – снижает его по причине переживания геймером неоднократной смерти в игре.

Согласно данным исследования влияния видеоигр на страх смерти (Chittaro, 2018), видеоигры способны повысить осознание смерти и изменить отношение к ней. Осознание страха – первый шаг на пути к его преодолению (Р.М. Арефулин, Дж. Рейнгольд, В. Франкл, И. Ялом и др.). Данные косвенно согласуются с нашими результатами о том, что геймеры с малым опытом игры, а также негеймеры отрицают тему смерти и страх перед ней в отличие от геймеров с большим опытом игры. Мы полагаем, что отсутствие отрицания темы смерти означает ее постепенное осознание. Следовательно, опыт игры в видеоигры способствует осознанию и постепенному принятию темы смерти и страху перед ней.

Первая гипотеза о взаимосвязи о том, что опыт игры в видеоигры способствует совладанию со страхом смерти – подтвердилась частично: с увеличением опыта игры в видеоигры снижается страх личной смерти, страх последствий для тела и для близких людей.

Для проверки второй гипотезы геймеры были поделены на восемь групп в зависимости от предпочитаемого жанра видеоигр. Геймеры ранжировали жанры видеоигр и были разделены по группам согласно тому, какой жанр поставили на первое место: RPG (29 геймеров), ММО (20 геймеров), постапокалиптические игры (12 геймеров), экшн (10 геймеров), интерактивное кино (8 геймеров), симуляторы (4 геймера), стратегии (3 геймера), хоррор (1 геймер). Группы геймеров, предпочитающих жанры «симулятор», «стратегии», «хоррор» были исключены из исследования по причине малого количества участников.

Сравнительный анализ показал – геймеры, которые предпочитают жанр интерактивного кино имеют наиболее выраженный показатель «Принятия» («RPG» $H_1=43,43$; «ММО» $H_2=39,5$; «Постапока-

липтические игры» $N_3=30,54$; «Экшн» $N_4=28,95$; «Интерактивное кино» $N_5=57,19$; $p \leq 0,05$) и наименее выраженный показатель «Избегания темы смерти» ($N_1=43,75$; $N_2=49,04$; $N_3=40,74$; $N_4=37,45$; $N_5=17,56$; $p \leq 0,05$).

Иными словами, геймеры, предпочитающие интерактивное кино, характеризуются принятием и не избегают напоминаний о смерти в повседневной жизни. Под принятием смерти понимается когнитивное осознание собственной смертности, связанное с положительной (или нейтральной) эмоциональной реакцией на это знание (Wong, 2008).

Полученный результат дополняет наше предыдущее предположение о том, что опыт игры в видеоигры способствует осознанию и постепенному принятию темы смерти и страху перед ней. Однако важно отметить, что в значительной степени важно учитывать жанр видеоигры. Согласно полученным данным, только жанр интерактивного кино может быть взаимосвязан с принятием смерти и отсутствием избегания темы смерти.

Необходимо дальнейшее исследование данного жанра для обоснования причин его воздействия на страх смерти. На данном этапе мы можем выразить предположение, почему геймеры, предпочитающие интерактивное кино, принимают и не избегают тему смерти. Интерактивное кино, как правило, характеризуется высокой значимостью смерти для геймера. Решения геймера могут привести к смертельному исходу различных персонажей и их смерть будет лично-значимой для персонажа геймера (главного героя). Поскольку геймер идентифицирует себя с персонажем (Dixon, 2008; Loewen, 2018; McAllister, 2020) то смерть в игре будет влиять на сознание геймера. Степень значимости смерти в игре определяется механикой смерти (правило, которое задает гибель персонажа). Мы предполагаем, что на страх смерти оказывает воздействие не столько жанр видеоигры, сколько степень значимости смерти в игре, т.е. механика смерти.

Вторая гипотеза о том, что существует взаимосвязь между со-владением со страхом смерти и предпочитаемыми жанрами видеоигр – подтвердилась частично: геймеры, предпочитающие жанр «интерактивное кино» характеризуются принятием и отсутствием избегания темы смерти.

Можно заключить, что опыт игры в видеоигры оказывает положительное воздействие на страх смерти: способствует снижению

страха. Проведенное исследование предоставляет материал для построения более точных гипотез по теме и пополняет ряд исследований.

Ограничением исследования является неравномерная выборка, а именно – мужчин больше, чем женщин. Также при дополнительном сравнительном анализе групп мужчин и женщин выявлено, что у мужчин менее выражен страх личной смерти ($H1=45,9$; $p\leq 0,05$), страх последствий для тела ($H2=44,35$; $p\leq 0,01$) и близких ($H3=46,8$; $p\leq 0,05$), отрицание ($H4=44,18$; $p\leq 0,01$), чем у женщин ($H1=61,52$; $H2=64,71$; $H3=59,65$; $H4=65,06$). Данный результат ставит под сомнение обозначенный результат сравнительного анализа групп геймеров с разным опытом игры и не-геймеров, поскольку современная ситуация такова: мужчины чаще женщин. Другим ограничением является неравномерная выборка при делении по жанровым предпочтениям. Также отметим, что для геймеров характерна игра одновременно в разные игры (Аветисова, 2011).

Намечая перспективы дальнейших исследований в данной области, можно выделить несколько важных направлений работы. Во-первых, необходимы экспериментальные исследования, которые позволили бы уточнить воздействие каждого жанра на страх смерти. Важным условием успеха при этом является равномерная выборка. Во-вторых, чрезвычайно перспективной является проверка гипотезы о том, что на страх смерти влияет не сам жанр видеоигры, а степень значимости смерти (механика смерти). В-третьих, важно оценить психологическую эффективность «серьезных игр», т.е. видеоигр специально разработанных для преодоления страха смерти.

Список литературы

1. Арефулин, Р.М. Отношение к смерти и защитные механизмы личности – [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. №6-1. – С. 118-123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-smerti-i-zaschitnye-mehanizmu-lichnosti> (дата обращения: 02.07.2018).

2. Богачева Н.В., Войскунский А.Е. Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр – [Электронный ресурс] // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. №1. С. 29-53. URL: <https://psy->

journal.hse.ru/2015-12-1/148010236.html (дата обращения: 26.04.2020).

3. Деникин, А.А. Могут ли видеоигры быть искусством? – [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2013. №2(11). С. 90-96. URL: [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/02_2013/IJCR_02\(11\)_2013_Denikin.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/02_2013/IJCR_02(11)_2013_Denikin.pdf) (дата обращения: 02.07.2018).

4. Елхова, О.И. Иллюзия присутствия в виртуальном мире – [Электронный ресурс] // Вестник Башкирского университета. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illyuziya-prisutstviya-v-virtualnom-mire> (дата обращения: 02.07.2018).

5. Нестик Т.А. Отношение к глобальным рискам у геймеров с разным предпочитаемым типом компьютерных игр – [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.04.20).

6. Рейнгольд, Дж. С. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти: М.; ПЕР СЭ; 2004. 380 с.

7. Chittaro L., Sioni R., Existential video games: Proposal and evaluation of an interactive reflection about death, Entertainment Computing // ResearchGate. 2018. pp. 59-77.

8. McAllister, K.S., Ruggill J.E. Playing to Death. // American Journal of Play. 2018. vol. 11, №1. pp. 85-103.

9. Wong P.T.P., Meaning management theory and death acceptance, in: A. Tomer, E. Grafton, P.T.P. Wong (Eds.), Existential and spiritual issues in death attitudes, Erlbaum, New York, NY, 2008, pp. 65-87.

10. Global Video Game Consumer Segmentation. – Текст : электронный // DFC Intelligence : [сайт]. – URL: <https://www.dfcint.com/product/video-game-consumer-segmentation-2/> (дата обращения: 10.05.2021).

Манукян Виктория Робертовна,
кандидат психологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург
e-mail: v.manukjan@spbu.ru

ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается интегральный конструкт психоэмоционального благополучия (ПЭБ) и его возрастная специфика. ПЭБ объединяет представления о благополучии в гедонистическом и эвдемонистическом подходах и рассматривается как конструкт, включающий личностный, когнитивно-оценочный и эмоционально-аффективный блоки. На выборке, включившей 122 человека в возрасте от 22 до 55 лет рассмотрены уровневые и структурные различия между периодами ранней (22-28 лет) и средней (33-55 лет) взрослости. Показано, что с возрастом происходит смещение акцента с эмоционально-аффективного блока (значимость счастья и тревожности в структуре ПЭБ) на удовлетворенность – когнитивную оценку жизни как целого. Характер ПЭБ по мере взросления изменяется от эвдемонистического в ранней взрослости к гедонистическому – в средней.

Ключевые слова: психоэмоциональное благополучие, психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, счастье, личностный рост, тревожность, гедонистический подход, эвдемонистический подход.

Manukyan Viktoriya Robertovna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
St. Petersburg State University
St. Petersburg
e-mail: v.manukjan@spbu.ru

AGE SPECIFICITY OF PSYCHO-EMOTIONAL WELLBEING IN ADULT PERIOD

Abstract. The article deals with the integral construct of psycho-emotional wellbeing (PEW) and its age specificity. PEW integrated ideas of well-being in hedonistic and eudemonistic approaches and is considered as a construct that includes personality, cognitive-evaluative and emotional-affective blocks. On a sample of 122 people aged 22 to 55, level and structural differences between the periods of early (22-28 years) and middle (33-55 years) adulthood were examined. It was shown that with age, there is a shift in emphasis from the emotional-affective block (the significance of happiness and anxiety in the structure of PEW) to satisfaction – a cognitive assessment of life as a whole. The nature of PEW changes as they grow older from eudemonistic in early adulthood to hedonistic in middle adulthood.

Keywords: psycho-emotional wellbeing, psychological wellbeing, life satisfaction, happiness, personal growth, anxiety, hedonistic approach, eudemonistic approach.

Современные исследования в области позитивного функционирования человека имеют тенденцию сближения эвдемонистического и гедонистического подходов. Многие из них указывают на наличие взаимосвязей между их показателями [2, 5], в связи с чем возникает необходимость создания интегративных конструктов внутреннего благополучия и такие разработки постепенно появляются [4, 6, 1].

Нами был предложен и апробирован конструкт «психоэмоциональное благополучие» (ПЭБ) (в рамках гранта РФФИ, проект № 16–06–00307–ОГН) – интегральная характеристика внутреннего мира личности, отражающая взаимосвязи эвдемонического и гедонистического благополучия в соотношении с базовыми эмоциональными характеристиками [2]. Конструкт ПЭБ позволяет наиболее полно охарактеризовать внутреннее благополучие человека через динамическую взаимосвязь трех относительно независимых блоков:

- личностного (основные интегративные компоненты психологического благополучия, предложенные К. Рифф, при расширенной роли направленности на саморазвитие и личностный рост);
- когнитивно-оценочного (различные показатели удовлетворенности жизнью и восприятия текущей жизненной ситуации);

- эмоционально-аффективного (устойчивые эмоциональные состояния, баланс аффекта и переживание счастья, тревожность) [1].

Таким образом, ПЭБ связывает разные стороны позитивного функционирования, позволяет рассмотреть состояние благополучия более целостно, не делая акцента на эмоциональных или когнитивных компонентах. С другой стороны, сложность интегральных конструкций позволяет изучать их специфику у разных групп респондентов.

Целью данного исследования явилось изучение возрастной специфики ПЭБ в период взрослости. Взрослость – наиболее длительный и разнообразный по задачам период. В самом общем виде можно говорить о том, что для первой фазы взрослости характерна экспансия и стремление реализоваться (упрочиться) в большинстве жизненных сфер, тогда как для средней и поздней взрослости более характерны процессы интеграции и осмысления жизненного опыта, формирование личностной зрелости, мудрости, генеративности. Можно предположить, что возрастные различия найдут отражения и в особенностях ПЭБ.

Выборка исследования составила 122 человека и включила в себя две возрастные подгруппы ранней и средней взрослости соответственно: от 22 до 28 лет (51 человек, 41,8 %) и от 33 до 55 лет (71 человек, 58,2 %). Распределение по полу в общей выборке исследования составило 52 (42,6 %) мужчин и 70 (57,4 %) женщин.

Психодиагностический комплекс включал следующие методики: в личностном блоке – Шкала К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной, шкала личностного роста опросника «Индекс стремлений» Э. Деси, Р. Райана в адаптации Ю. А. Котельниковой и шкала «Ценность саморазвития» морфологического теста жизненных ценностей (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина); в когнитивно-оценочном блоке – Шкала удовлетворенности жизнью Е. Динера в адаптации Е. Н. Осина, Д.А. Леонтьева, субтест «Удовлетворенность условиями жизни» экспресс-диагностики уровня психоэмоционального напряжения и его источников О.С. Копиной; в эмоционально-аффективном блоке – методика «Оценка психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности» (Н. А. Курганский, Т.А. Немчин), Интегративный тест тревожности (А. П. Бизюк и др.) и шкала счастья М. Фордуса [1].

Полученные результаты позволили описать специфические особенности ПЭБ в ранней и средней взрослости. Различия между

периодами ранней и средней зрелости выявлены во всех трех блоках ПЭБ, однако в большей степени они проявляются в показателях эмоционально-аффективного блока: период ранней зрелости характеризуется большим временем состояния несчастья ($M_{рв}=26$, $M_{св}=18$, $T=2,41$; $p=0,018$). Ранней зрелости свойствен более высокий уровень тревоги ($T=4,12$; $p=0,000$), в то время как средней зрелости свойствен более высокий уровень интереса как устойчивого эмоционального состояния ($T=2,93$; $p=0,004$). Возрастные особенности ПЭБ проявляются в личностном блоке – средняя зрелость характеризуется более высоким уровнем компетентности ($M_{рв}=9$, $M_{св}=10$; $T=-3,026$; $p=0,003$), значимо выше здесь оцениваются достижения в личностном росте ($M_{рв}=21$, $M_{св}=23,6$; $T=-2,6$; $p=0,01$). Эти изменения можно связать с возрастающей ролью жизненного опыта и закреплением успешных моделей поведения, ростом стабилизации жизни в средней зрелости. Показатели когнитивно-оценочного блока в меньшей степени подвержены возрастной специфике, здесь были выявлены немногочисленные различия в показателях удовлетворенности условиями жизни ($p \leq 0,01$).

Корреляционный анализ показателей ПЭБ с показателем хронологического возраста, показал, что с увеличением возраста (в промежутке 22-55 лет) снижается общая тревожность, увеличивается время переживания счастья и тенденция к переживанию интереса как устойчивого эмоционального состояния, растет чувство компетентности и способности поддерживать позитивные отношения ($p < 0,01$). Вместе с тем, снижается ощущение личностного роста, уменьшается разрыв между значимостью саморазвития и оценкой достижений в этой сфере ($p < 0,01$). Это позволяет заключить, что ПЭБ с возрастом приобретает более гедонистический характер.

С помощью корреляционного анализа были также изучены возрастные особенности структуры ПЭБ. В средней зрелости, по сравнению с ранней, возросло количество связей между его компонентами (с 88 до 98). Большой вес приобрели факторы общей удовлетворенности и личностной тревожности, снизилась включенность факторов счастья, напряжения, психологического благополучия и самопринятия.

В целом эти изменения свидетельствуют о большей значимости эмоциональных компонентов в структуре ПЭБ в ранней зрелости и когнитивных – в средней. С возрастом происходит смещение акцента с эмоционально-аффективного блока (показатели счастья) на

удовлетворенность – когнитивную оценку жизни как целого, растет интегрированность ПЭБ, что свидетельствует о возрастающей прагматичности и зрелости. Характер ПЭБ по мере взросления изменяется от эвдемонистического в ранней зрелости к гедонистическому – в средней.

Список литературы

1. Психозэмоциональное благополучие: интегративный подход / под ред. Л. А. Головей. – СПб.: Нестор-История, 2020.

2. Трошихина Е. Г., Манукян В. Р. Тревожность и устойчивые эмоциональные состояния в структуре психозэмоционального благополучия // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. Вып. 3. С. 210–222.

3. Cohn M. A., Fredrickson B. L., Brown S. L., Mikels J. A., Conway A. M. Happiness Unpacked. Positive Emotions Increase Life Satisfaction by Building Resilience // *Emotion*. 2009. № 9 (3). P. 361–368.

4. Henderson L. W., Knight T. Integrating the hedonic and eudaimonic perspectives to morecomprehensively understand wellbeing and pathways to wellbeing // *International Journal of Wellbeing*. 2012. Vol. 2. Issue 3. P. 196–221.

5. Ryff C. D., Singer B. H. Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being // *Journal of Happiness Studies*. 2008. № 9. P. 13–39.

6. Taylor T. E. The markers of wellbeing: A basis for a theory-neutral approach // *International Journal of Wellbeing*. 2015. № 5 (2). P. 75–90.

Продовикова Анастасия Геннадьевна,
кандидат психологических наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: arilama@yandex.ru

Борисова Светлана Николаевна,
старший преподаватель
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: svetlanica@list.ru

ОБРАЗ ТЕЛА И САООТНОШЕНИЕ У ОСУЖДЕННЫХ С БОДИМОДИФИКАЦИЯМИ

Аннотация. Исследовались особенности образа тела и самоотношения у осужденных женщин с бодимодификациями (на примере татуировок). Участницами исследования были осужденные женщины с БМ, осужденные женщины, не имеющие БМ, а также законопослушные женщины с БМ и без них. Выявлено, что осужденные женщины с БМ менее удовлетворены своим телом и татуировка является способом компенсации негативного восприятия тела. Они демонстрируют высокую ориентацию на внешность, готовы тратить время на заботу о своем теле, имеют ниже уровень по шкале самоуверенности, чем у осужденных женщин без БМ. Установлено, что у осужденных женщин с БМ удовлетворенность образом собственного тела связана с количеством татуировок, возрастом нанесения первой татуировки и глобальным самоотношением. Законопослушные женщины с БМ имеют более позитивное самоотношение и большую удовлетворенность собственным телом, чем осужденные с БМ.

Ключевые слова: самоотношение, образ тела, осужденные с бодимодификациями (БМ).

Prodovikova Anastasiya Gennadevna,
Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor
Perm State University
Perm
e-mail: arilama@yandex.ru

Borisova Svetlana Nikolaevna,
Senior Lecturer
Perm State University
Perm
e-mail: svetlanica@list.ru

BODY IMAGE AND SELF-ATTITUDE OF CONVICTS WITH BODY

Abstract. The features of the body image and self-attitude of convicted women with body modifications (for example, tattoos) were studied. The study participants were convicted women with BM, convicted women without BM, and law-abiding women with and without BM. It was found that convicted women with BM are less satisfied with their body, and tattooing is a way to compensate for the negative perception of the body. They show a high focus on appearance, are ready to spend time taking care of their body, and have a lower level on the self-confidence scale than convicted women without BM. It was revealed that in convicted women with BM, satisfaction with the image of their own body is associated with the number of tattoos, the age of the first tattoo and the global self-attitude. Law-abiding women with BM have a more positive attitude towards themselves and greater satisfaction with their own body than convicts with BM.

Keywords: self-attitude, body image, convicts with bodymodification (BM).

В современном обществе неудовлетворенность собственным образом тела – это широко распространенное явление. Стремление изменить физическую внешность нередко влечет за собой различные нездоровые манипуляции с собственным телом [1]. Татуировка, пришедшая в массовую культуру из криминального мира и других закрытых групп, сопряжена с добровольным повреждением собственного тела и переживанием боли. Сегодня телесная модификация рассматривается как инструмент конструирования идентичности. В связи с этим возникает необходимость исследовать связь образа тела и самоотношения у лиц с бодимодификациями. Особенности этой связи изучены нами на примере личности осужденной женщины, поскольку самосознание и самоотношение осужденного актуализировано вследствие влияния совершенного преступления и последующих осуждения и наказания [2]. Кроме того, женщины характеризуются значительно более высоким недовольством собственной внешностью, чем у мужчины [1].

Анализ, проведенный А.А. Богдановой, показал, что после нанесения татуировок у части испытуемых изменяется отношение к себе, становится более позитивным. После изменения внешности наблюдался «эффект» продолжительностью от месяца до года [3]. Можно предположить, что такой вид модификации тела, как татуировки является искаженным способом улучшения самоотношения. С позиции Г.В. Жаркова, модификации тела рассматриваются как социально рискованные практики трансформаций телесности [4]. Как указывает А.А. Богданова, модификационные действия могут быть обусловлены потребностью привлечь к себе внимание, выступать в качестве средства выражения своей индивидуальности, быть способом получения новых ощущений или удовольствия и способом интеграции в желаемое сообщество.

Мы предполагаем, что как образ тела, так и самоотношение осужденных женщин с БМ имеют свои особенности, кроме того, имеется специфическая взаимосвязь между этими феноменами, отличная от той, которая обнаруживается в норме.

Участники исследования. В исследовании приняли участие четыре группы испытуемых общей численностью 112 человек. Из них две группы осужденных женщин, отбывающих наказание по ст. 228 УК РФ (наркотические вещества) в ФКУ Исправительной колонии №32 ГУФСИН России по Пермскому краю: 1) 30 осужденных женщин с БМ в возрасте от 25 до 40 лет (ср. возраст 32,4 лет); 2) 30

осужденных женщин без БМ в возрасте от 25 до 40 лет (ср. возраст 31,1 лет). Для сравнения были взяты две группы испытуемых, не имевших судимости: 1) 24 женщины с БМ в возрасте от 25 до 40 лет (ср. возраст 28,7 лет); 2) 28 женщин без БМ в возрасте от 25 до 40 лет (ср. возраст 30,6 лет). Законопослушные женщины приглашались к участию с помощью Google-формы.

В исследовании использовались следующие методики:

1. Авторская анкета, направленная на изучение представлений испытуемых о татуировках. Она включает в себя 13 вопросов: 4 вопроса являются общими и позволяют определить возраст, образование, наличие татуировок и отношение к ним респондентов, 9 вопросов посвящены имеющимся татуировкам и предназначены для групп испытуемых с БМ.

2. «Опросник образа собственного тела» О.А. Скугаревского позволяет оценить степень неудовлетворенности внешностью как компонента образа тела.

3. Опросник MBSRQ (Thomas F. Cash) (Мультимодальный опросник отношения к собственному телу) предназначен для оценки различных аспектов образа собственного тела, включает в себя шкалы: оценка внешности, ориентация на внешность, оценка физической формы, ориентация на физическую форму, ориентация на здоровье, ориентация на болезнь.

4. «Опросник самооотношения (ОСО)» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева.

Статистический анализ. Использовались методы описательной статистики, критерий Колмогорова-Смирнова, сравнительный анализ U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ по Спирмену.

Сравнительный анализ данных в группах осуждённых женщин с БМ и без них. Для группы осужденных женщин с БМ характерно более положительное отношение к татуировкам ($p \leq 0,01$). Возраст, когда испытуемые сделали первую татуировку (среднее значение) – 19 лет. Однако в настоящее время не все удовлетворены ею. По «Опроснику образа собственного тела» О.А. Скугаревского выявлено, что осуждённые женщины, имеющие БМ, в меньшей степени удовлетворены собственным телом, чем осуждённые женщины без БМ ($p \leq 0,05$). То есть татуировка может использоваться как способ изменения не удовлетворяющего образа тела. Трудности с принятием себя и своего тела приводят к тому, что испытуемые начинают искать различные способы его модификации. Данные Мультимо-

дального опросника отношения к собственному телу обнаруживают статистически значимое различие по шкале «Ориентация на внешность» ($p \leq 0,05$) среди осуждённых женщин с БМ и без БМ. В группе осуждённых женщин, имеющих БМ, ориентация на внешность выше, чем в группе осуждённых без БМ. Данные по другим шкалам схожи: в обеих группах высокие показатели удовлетворённости параметрами тела; оценка внешности выражена на среднем уровне; мало выражено беспокойство женщин о своём весе. Исследование самоотношения показало, что у осужденных женщин без БМ выше уровень по шкале самоуверенности, чем у осужденных женщин с БМ. При этом обе группы испытуемых характеризуются достаточно высоким уровнем самоуважения, аутосимпатии, самоинтереса, а также самоотношения в целом. Также они ожидают позитивного отношения к себе от окружающих.

Сравнительный анализ данных в группах осужденных и неосужденных женщин с БМ. Более положительное отношение к татуировкам выявлено в группе неосуждённых женщин с БМ ($p \leq 0,05$). Обнаружены различия в целях, которые испытуемые сравниваемых групп хотели достичь с помощью БМ. Так, татуировка использовалась как способ самовыражения и поиск собственной идентичности у 53% осужденных женщин и у 75% законопослушных испытуемых. Нанесение татуировки под влиянием моды, социального окружения, необдуманного порыва было выявлено у 47% осужденных женщин и лишь у 25% женщин без судимости. Оценка образа собственного тела значимо различается в группах осуждённых и неосуждённых женщин, имеющих БМ. Осуждённые женщины с БМ в меньшей степени удовлетворены собственным телом, чем неосуждённые женщины с БМ. Данные Мультимодального опросника отношения к собственному телу в рассматриваемых группах имеют статистически значимые различия по шкалам «оценка внешности» ($p \leq 0,05$), «ориентация на внешность» ($p \leq 0,01$) и «удовлетворённость параметрами тела» ($p \leq 0,01$). Неосуждённые женщины, имеющие БМ, выше оценивают свою внешность и в большей степени удовлетворены параметрами своего тела, но в меньшей степени придают значимость внешности, чем осуждённые женщины с БМ. Исследование компонентов самоотношения показало статистически значимые различия по шкалам: аутосимпатия ($p \leq 0,01$), ожидаемое отношение других ($p \leq 0,01$), самопринятие ($p \leq 0,05$) и глобальное самоотношение ($p \leq 0,05$). Неосужденные женщины с БМ в большей степени принимают себя, ис-

пытывают к себе симпатию и ждут положительного отношения от окружающих, а также более позитивно в целом относятся к себе, по сравнению с осуждёнными женщинами.

Сравнительный анализ данных в группах неосуждённых женщин с БМ и без них выявил статистически значимые различия в самооотношении по шкалам «саморуководство» ($p \leq 0,01$) и «ожидаемое отношение других» ($p \leq 0,01$). Вера в способность контролировать свое поведение выше в группе женщин без БМ. Женщины с БМ в большей степени ожидают положительное отношение к себе. Интересно, что в группах осуждённых женщин независимо от наличия БМ, данные по шкале «ожидаемое отношение других» не различаются.

Корреляционный анализ данных в группе осужденных женщин с БМ. Образ собственного тела обнаруживает прямую связь с возрастом нанесения первой татуировки ($p \leq 0,01$) и обратные связи с количеством татуировок ($p \leq 0,01$) и глобальным самооотношением ($p \leq 0,05$). Чем раньше нанесена первая татуировка, чем больше количество татуировок, чем позитивнее самооотношение, тем выше удовлетворенность образом собственного тела.

Корреляционный анализ данных в группе осужденных женщин без БМ. Глобальное самооотношение обнаруживает прямые связи с оценкой внешности ($p \leq 0,01$) и удовлетворенностью параметрами тела ($p \leq 0,01$) и обратную связь с образом собственного тела ($p \leq 0,01$). Чем позитивнее самооотношение, тем выше удовлетворенность собственным телом, выше оценка внешности и удовлетворенность параметрами тела. Таким образом, в группе осужденных женщин без БМ самооотношение и отношение к собственному телу обнаруживают больше взаимосвязей, что говорит о наличии более стабильных и устойчивых связей между феноменами. Это может быть учтено при планировании психокоррекционной работы.

Таким образом, образ тела и самооотношение осужденных женщин с БМ имеют свои особенности: ниже удовлетворенность собственным телом, в большей степени готовы тратить время и силы на заботу о собственном теле, ниже уровень самоуверенности, менее устойчива связь самооотношения и отношения к собственному телу.

Список литературы

1. Рагозинская В. Г. Взаимосвязь образа тела, индивидуально-психологических свойств личности и соматического статуса у здоровых лиц молодого возраста. // Известия высших учебных заведений. №2. С. 127-142.

2. Топильская О. А. Специфика самоотношения в структуре личности осужденных, совершивших преступления сексуального характера // Социально-экономические явления и процессы. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-samootnosheniya-v-strukture-lichnosti-osuzhdennyh-sovershivshih-prestupleniya-seksualnogo-haraktera> (дата обращения: 10.05.2021).

3. Богданова А.А. Психологические основания изменения внешности девушек и юношей 17-19 лет // Известия Института психологии и педагогики образования. № 5. С. 14-19.

4. Жарков Г.В. Рискованные практики построения границ телесности в молодежных субкультурах // Вестник Владимирского государственного университета им. Столетовых. Серия Педагогические и психологические науки. 2011. № 29. С. 192-196.

Лузин Андрей Анатольевич,
студент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: luzyanovka@mail.ru

Бячкова Наталия Борисовна,
кандидат философских наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: nota_bene@psu.ru

ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В данной статье рассмотрены актуальные тенденции развития виктимологии юношеского возраста, выделены и систематизированы подходы к изучению виктимного поведения в юношеском возрасте. Также проведён анализ отечественных и зарубежных теорий в области виктимологии юношеского возраста.

Ключевые слова: виктимное поведение, виктимность, виктимизация, виктимная личность, юношеский возраст.

Luzin Andrey Anatolevich,
student
Perm State University
Perm
e-mail: luzyanovka@mail.ru

Byachkova Nataliya Borisovna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Perm State University
Perm
e-mail: nota_bene@psu.ru

FEATURES OF VICTIM BEHAVIOR IN YOUTH

Abstract. This article examines the current trends in the development of victimology in youth. The author identifies and systematizes approaches to the study of victim behavior in youth, as well as suggests promising research areas for further development in this area. In addition, a comparative analysis of domestic and foreign theories in this field of victimology was made.

Keywords: victim behavior, victimization, victimization, victim personality, youth.

Негативные процессы, происходящие в обществе, обуславливают риск виктимизации населения. В связи с этим большое значение приобретают вопросы детерминации виктимного поведения, вопросы, касающиеся протекания виктимизации в процессе обучения и развития личности, а также подходы, позволяющие обеспечить сознательный и рациональный выбор профилактики виктимности, стиля психологической деятельности как метод предотвращения риска виктимизации.

Особенно данные исследования важны в области юношеского возраста, так как происходящие в обществе изменения, негативные процессы в семье, образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего образования обуславливают риск формирования виктимного поведения молодых людей. Важной характеристикой этого возрастного периода выступает то, что молодые люди наивысшим образом проявляют свою социальную активность, интенсивно развиваясь не только в когнитивном, но и в личностном плане [12]

Как отмечают, Кемяшова П.Н. и Фаустова А.Г. анализ исследований последних лет показывает, что в настоящее время исследованию особенностей виктимности юношеской возрастной группы посвящено относительно небольшое количество исследований [4].

Также, в настоящий момент наблюдается недостаток информации, раскрывающей развитие виктимологии за рубежом и основных подходов к исследованию виктимности человека. [1]

Таким образом, целью данного исследования стало проведенное теоретического анализа развития виктимного поведения в юношеском возрасте, а также систематизация подходов к изучению виктимного поведения юношей и девушек в отечественной и зарубежной виктимологии.

В свою очередь, Репецкая А.Л. определяет виктимность как «...определенный комплекс стабильных типических социальных и психологических свойств личности, которые...обуславливают...повышенную «способность» человека стать жертвой преступления» [8].

Что касается юношеского возраста, то в своём исследовании В.В. Терещенко и О.А. Анисимова определяют юношескую виктимность как проявление ряда объективных и субъективных факторов, среди которых:

- субъективно-персональный, который с учетом психологических особенностей развития, темперамента и когнитивных структур воздействует на молодых людей на уровне индивидуального развития, затрудняя их социальную адаптацию;
- психолого-педагогический – показывает процесс «искаженного» воспитания и обучения молодых людей с точки зрения коммуникативных структур при развитии межличностной ситуации;
- социально-психологический – особенности рассогласованности молодых людей при коммуникации с окружением и их конфликтность между собой;
- личностный, который демонстрирует отношение молодых субъектов к нормам, правилам, ценностям социального окружения [12].

А. И. Долгова определяет виктимное поведение как набор свойств человека, включающих комплекс социальных, индивидуально-психологических и психофизиологических факторов, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, которые, в свою очередь, приводят к нарушению не только физического, но и психоэмоционального здоровья [3].

Исследование, проведенное Л.В. Кузнецовой, показало, что 40 % современной молодежи проявляет склонность к виктимному поведению. Доминирующими видами виктимного поведения стали:

1) Гиперсоциальное. Заключается в проявлении самоуверенности, отзывчивости, высокой активности и позитивном отношении к себе и окружающим.

2) Некритическое. У личности, демонстрирующей данное поведение наблюдаются такие характеристики как пониженное принятие себя, неспособность отказывать другим людям, низкий уровень эмоционального комфорта.

3) Самоповреждающее. Выражается в жертвенности, которая связана с активным поведением человека, провоцирующим ситуацию виктимности своей просьбой или обращением и неосознанностью действий [6].

Изучение психологических аспектов виктимного поведения должно проводиться на двух основных уровнях: как следствие социального процесса и как индивидуальная девиация [11].

К социальным факторам виктимизации людей в юношеском возрасте в исследовании Матанцевой Т. Н. ведущая роль отводится ситуативным факторам, поскольку специфика ситуации определяет, будет ли решающим психоэмоциональное состояние либо виктимогенные черты личности. Одним из первичных ведущих условий, обуславливающих поведение жертвы, Матусевич А. М. и Кубышко Л. В. обозначают специфичность социализации личности, в том числе низкий экономический статус семьи, экономическая нестабильность и воспитательная несостоятельность [7].

На сегодняшний день к внутриличностным детерминантам виктимизации людей в юношеском возрасте относятся:

1) Неадекватная самооценка, высокий уровень тревожности и агрессивности, эмоционально-волевая неустойчивость, «готовность» стать жертвой насилия (Л.С. Стуколова и Н.С. Волкова) [10], импульсивность, личностная дезорганизованность, острое реагирование на любую угрозу, робость, неуверенность, необщительность, неинициативность, негибкость установок, высокая чувствительность и подвластность средовым воздействиям, выраженная зависимость от объекта привязанности и любой сильной личности (М.П. Долговых, И.Г. Малкина-Пых, О.В. Холичева, М.А. Одинцова и др.) [11].

2) Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций для виктимных людей в юношеском возрасте, которые характеризуются: противоречивостью ценностных ориентиров, слабой согласованностью нормативных и личностных ценностей [2].

Также особенно остро стоит вопрос о гендерном аспекте в процессе виктимизации в юношеском возрасте. При изучении гендерного аспекта исследователи, в частности, рассматривают феномен сексуальной виктимизации. Сексуальная виктимизация – это процесс и результат не только преступного деяния (изнасилования или попытки изнасилования), но и любого проявления насилия в сексуальной сфере (например, нежелательного преследования и навязчивого внимания, непристойных или угрожающих телефонных звонков или сообщений [5].

Исследователи Н.О. Классен, Т.В.Шипунова указывают, что в настоящее время можно отметить рост социологических и психологических исследований сексуальной виктимизации различных социальных групп, в том числе и молодёжи. Однако большинство подобных исследований проводится зарубежными учеными (Германия, США, Латинская Америка), тогда как в России данная тема остается малопроработанной [5].

Субботина Р.А. констатируют, что, несмотря на определенную степень изученности проблем негативных последствий социализации подростков и молодёжи в целом, ведущих к возникновению «комплекса жертвы» (Б.С. Лисовенко, М.Ш. Магомед-Эминов, И.Г. Малкина-Пых, И.И. Мамайчук, А.В. Мудрик, Е.Н. Сорочинская и др.), – все еще недостаточно собственно психологических исследований, касающихся предупреждения виктимизации личности и психологического сопровождения виктимных юношей и девушек. [11].

Помимо данных личностных детерминант возникновения виктимного поведения в юношеском возрасте немецкие психологи Mario Gollwitzer, Philipp Süßenbach и Marianne Hannuschke выделяют специальную черту личности “victim sensitivity” – виктимная чувствительность. По мнению авторов, эта устойчивая черта личности, которая у всех людей характеризуется разной степенью выраженности и заключается в проявлении подозрительности, социальном недоверии, эгоизме и отказе от сотрудничества с людьми.

Авторы исследования указывают, что данная черта окончательно формируется в юношестве и берёт своё начало в подростковом и детском возрасте, когда личность сталкивается с ситуацией отвержения и социальной несправедливостью.

Однако, авторы не дают однозначного ответа на вопрос приводит ли данная черта повышению уровню виктимизации:” ...всё, что мы знаем об этой черте...что это палка о двух концах: в некотором

смысле она представляет собой обеспечение справедливости и доверия, но эта забота приводит к неадаптивным поведенческим решениям, когда социальные ситуации становятся неопределенными...” [13].

Американские психологи К. D. Rudolph, W. Troop-Gordon, M. R. Flynn в своей теории «реляционной виктимности», определяют виктимность как девиацию, в симптомокомплексе которой проявляются нарушения социальных и когнитивных психических процессов. Авторы обозначают, данное свойство личности формируется в результате оказанного насилия. вследствие чего возникают серьезные нарушения формирования социальной адаптации, базовых представлений о жизни и ожиданий со стороны социума [14].

В контексте юности по мнению Е.Е. Сапоговой, для данного возраста особое значение имеет выстраивание системы личных нравственных, культурных, духовных ценностей – оно позволяет острее и полнее чувствовать себя, свое «Я». [9]

Однако, как указывают психологи К. D. Rudolph, W. Troop-Gordon, M. R. Flynn, после пережитого насилия у личности возникает чувство социальной отчужденности и отсутствия включенности «Я» в «Мы». Вследствие чего у человека возникают серьезные нарушения формирования социальной адаптации, базовых представлений о жизни и ожиданий со стороны социума, эмоциональные нарушения, низкая способность к саморегуляции и чувствительность к межличностным конфликтам [14].

Список литературы

1. Андронникова О.О. Теоретический анализ основных современных теорий виктимизации, разработанных в рамках зарубежной науки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т.22. №4-1. С. 54-57.
2. Баширова Р.А., Ценностные ориентации студентов со склонностью к виктимности // Казанский педагогический журнал. 2013. №5. С. 78-84.
3. Долгова, А. И. Криминология: 4-е изд., перераб. и доп. / А. И. Долгова. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 368 с.
4. Кемяшова П.Н., Фаустова А.Г. Обзор современных исследований виктимного поведения у студентов // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2017. Т.5. №4. С. 745-751.

5. Классен Н.О., Шипунова Т.В. Стиль жизни студенческой молодёжи и сексуальная виктимизация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. №2. С. 166-173.

6. Кузнецова Л. Э., А. Н. Ерошенко А. Н. Психологические особенности проявления виктимного поведения у современной молодежи // Актуальные вопросы современной психологии: материалы II междунар. науч. конф – Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 73–75.

7. Пучкова Л.Л. Социально-психологические факторы виктимного поведения студенческой молодёжи // Учёные записки крымского федерального университета В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т.6. №1. С. 93-104.

8. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. – Иркутск, 1994. с. 54.

9. Сапогова, Е. Е. Психология развития человека / Е. Е. Сапогова. – М. : Аспект пресс, 2001. – 460 с.

10. Стуколова Л.С., Волкова Н.С. Психологические основы виктимности личности в юношеском возрасте // Символ науки. 2016. № 7. С. 124-126.

11. Субботина Р.А. Психологические особенности проявления виктимного поведения в юношеском возрасте // Путь науки. 2015. №5. С. 118-123.

12. Терещенко В. В., Анисимова О. А. Особенности виктимного поведения студенческой молодежи в период взросления // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №9. С. 63-68.

13. Mario Gollwitzer, Philipp Süßenbach, Marianne Hannuschke. Victimization experiences and the stabilization of victim sensitivity // Front Psychol. 2015. Vol 6. P. 1-17.

14. Rudolph K. D., Troop-Gordon W., Flynn M. Relational victimization predicts children's social-cognitive and self-regulatory responses in a challenging peer context // Developmental Psychology. 2009. Vol 45. P. 1444-1454.

*Анфиногенова Анастасия Евгеньевна,
студент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: anastasija897@yandex.ru*

*Бергфельд Александра Юрьевна,
кандидат психологических наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь
e-mail: abergfeld@yandex.ru*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ У МАТЕРЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ РЕБЕНКА ДО ТРЕХ ЛЕТ

Аннотация. Исследовались показатели, взаимосвязаны с психологическим здоровьем у матерей, воспитывающих ребенка до трех лет. Тестировались гипотезы о существовании значимых различий в показателях психологического здоровья относительно возраста матери, планирования беременности и характеру протекания беременности, а также о взаимосвязи между показателями психологического здоровья и удовлетворённостью жизни, депрессии и психологического благополучия. Были обнаружены различия в указанных параметрах у матерей в связи с возрастом, планированию беременности и характером протекания беременности, а также их взаимосвязи. В исследовании приняли участие 101 женщина в возрасте от 20 до 40 лет, воспитывающих одного ребенка возрастом от рождения до трех лет. Было обнаружено, что большинство матерей имеют средний и высокий показатель психологического здоровья, средний и низкий уровень психологического благополучия, а также средний и высокий уровень удовлетворенностью жизни. У 47% матерей установлен легкий и тяжелый уровень депрессии. В выборке матерей, воспитываю-

щих ребенка до трех лет, существует взаимосвязь между показателями «Психологического благополучия», «Шкалы депрессии», «Шкалы удовлетворенности жизнью» и показателями психологического здоровья. Были выявлены значимые различия в показателях психологического здоровья в группах матерей относительно возраста и планирования беременности. В группе матерей разного возраста было обнаружено значимое различие в показателях шкалы «Управление окружением». В группе матерей по планированию беременности были обнаружены значимые различия по шкалам «Удовлетворенность жизнью», «Духовный вектор» «Гуманистический вектор» и «Общий показатель психологического здоровья». В группе матерей по характеру протекания беременности не было обнаружено значимых различий в показателях психологического здоровья.

Ключевые слова: психология здоровья, психология материнства, психологическое благополучие.

Anfinogenova Anastasiya Evgenevna,

student

Perm State University

Perm

e-mail: anastasija897@yandex.ru

Bergfeld Aleksandra Yurevna,

Candidate of Psychology (PhD), Associate Professor

Perm State University

Perm

e-mail: abergfeld@yandex.ru

HEALTH PSYCHOLOGY OF MOTHERS BRING UP CHILDREN UP TO THREE YEARS

Abstract. We studied indicators that are interrelated with psychological health in mothers raising a child under three years of age. We tested hypotheses about the existence of significant differences in indicators of psychological health in relation to mother's age, pregnancy planning and the nature of pregnancy, as well as the relationship between indicators of psychological health and life satisfaction, depression and psychological

well-being. Differences were found in these parameters in mothers in connection with age, pregnancy planning and the nature of pregnancy, as well as their relationship. The study involved 101 women aged 20 to 40, raising one child aged from birth to three years. Most mothers were found to have medium to high psychological health scores, medium to low psychological well-being scores, and average to high life satisfaction scores. 47% of mothers have mild to severe depression. In the sample of mothers raising a child under three years of age, there is a relationship between the indicators of "Psychological well-being", "Depression scale", "Life satisfaction scale" and indicators of psychological health. Significant differences were revealed in indicators of psychological health in groups of mothers in relation to age and pregnancy planning. In the group of mothers of different ages, a significant difference was found in the indicators of the "Environmental Management" scale. In the group of mothers planning pregnancy, significant differences were found on the scales "Satisfaction with life", "Spiritual vector" "Humanistic vector" and "General indicator of psychological health". In the group of mothers, no significant differences in the indicators of psychological health were found by the nature of the course of pregnancy.

Keywords: Health Psychology, Psychology motherhood, psychological well-being.

Психология здоровья как отрасль знания опирается на теорию и практику предупреждения развития различных нервно-психологических и соматических заболеваний. Психология здоровья занимается поиском психологических причин здоровья, методов и средств его сохранения и укрепления [1]. Термин психологическое здоровье был введен И.В. Дубровиной [7]. Психологическое здоровье заключается в том, что человек находит достойное, с его точки зрения, удовлетворяющее его место в познаваемом, переживаемом им мире. Оно предполагает интерес к жизни, свободу мысли и инициативу, увлеченность какой-либо областью научной или практической деятельности, активность и самостоятельность, ответственность и способность к риску, веру в себя и уважение другого, разборчивость в средствах достижения цели, способность к сильным чувствам и переживаниям, осознание своей индивидуальности и радостное удивление по поводу своеобразия всех окружающих людей, творчество в самых разных сферах жизни и деятельности [7]. О.В. Хухлаева полагает, что психологическое здоровье – это гармония между

эмоциями и интеллектом, телом и психикой, человеком и миром [9]. В. Шувалов определяет «психологическое здоровье как состояние, характеризующее процесс и результат нормального развития субъективной реальности в пределах индивидуальности жизни» [10].

Ситуация, связанная с переходом с одной ступени развития на другую, актуализирует проблемы психологического здоровья. Одной из таких ситуаций является материнство. Термин «психология материнства» был предложен Г. Г. Филипповой в конце 90-х гг. [8]. В исследованиях Г.Г. Филлипова рассматривает материнство не только как одно из условий развития ребенка, но и как особое мотивационно-потребностное состояние женщины; особую систему ценностей женщины, которая влияет на ее объективное и субъективное отношение к ребенку; систему ценностей, которая формируется у каждой женщины на протяжении всей жизни. [8]

Проблема психологического здоровья не полно отражается при раскрытии феномена материнства в рамках зарубежных и отечественных подходов. Важно отметить, что главным, в рамках этих подходов, является изучение ребенка, и влияние поведения матери на его развитие и становлении его как здоровой личности, при этом не учитывается психологическое и физическое состояние матери. Нужно учитывать, что женщина в период материнства не только близкое лицо для удовлетворения и социализации ребенка, но и уникальная личность со своими целями, переживаниями, мотивами и смыслом жизни. Женщина в период материнства, может испытывать много трудностей не только связанных с физиологическими изменениями в организме, но и психологическими.

Цель нашей работы состоит в исследовании показателей, взаимосвязанных с психологическим здоровьем у матерей, воспитывающих ребенка до трех лет.

В качестве показателей, которые могут быть взаимосвязаны с психологическим здоровьем, мы выделяем возраст матери, планирование беременности, характеристика протекания беременности, психологическое благополучие, уровень депрессии, уровень удовлетворенностью жизни.

Гипотезами исследования является предположение о том, что существуют значимые различия в показателях психологического здоровья относительно возраста матери, планирования беременности и характеру протекания беременности. Взаимосвязи между показателями психологического здоровья и удовлетворённостью жизни, де-

прессии и психологического благополучия обнаруживают качественные отличия у матерей групп по возрасту, планированию беременности и характеру протекания беременности. И существует взаимосвязь психологического здоровья с показателями уровня психологического благополучия, депрессии, удовлетворенность жизнью у матерей, воспитывающих ребенка до трех лет.

В исследовании приняли участие 101 женщина, возрастом от 20 до 40 лет, которые стали матерями и воспитывают одного ребенка возрастом от рождения до трех лет.

Исследование проводилось с помощью онлайн платформы onlinetestpad.com в индивидуальном порядке. Далее все данные были обработаны и подвержены статистическому анализу с помощью SPSS Statistics 23.0.

Диагностический инструментарий включал в себя следующие методики: Методика «Индивидуальная модель психологического здоровья» А.В. Козлова; Шкала депрессии А.Бека; Опросник «Шкалы психологического благополучия» К.Рифф; Шкала удовлетворённости жизнью Э.Динер.

По результатам описательной статистики было установлено, что среди всех участников исследования наблюдается высокий и средний уровень психологического здоровья, средний и ниже среднего уровень психологического благополучия, большинство респондентов имеют средние и высокие показатели по «Шкале удовлетворённости жизнью». Было выявлено, что у большей части матерей отсутствует депрессия (54%), однако наблюдается присутствие легкой депрессии (16%), умеренной депрессии (15%) и тяжелой депрессии (15%).

В результате сравнительного анализа по критерию U Манна-Уитни по группам матерей возраста 20-30 лет и 31-40 лет, значимые различия обнаружены только по «Шкале управления окружающими». Выявлено, что испытуемые возрастной группы от 20-31 лет имеют более низкий показатель «Управления окружающими». Значимые различия обнаружены в группе планированию беременности по шкалам: «Шкала удовлетворенности жизнью», «Духовный вектор», «Гуманистический вектор» и «Общий показатель психологического здоровья». Установлено, что матери с запланированной беременностью больше удовлетворены собственной жизнью, имеют более высокий уровень психологического здоровья, чем матери с неза-

планированной беременностью. Значимые различия в группе по характеру протекания беременности и родам не были обнаружены.

Корреляционный анализ Спирмена был проведен по группам и шкалам, в которых были установлены значимые различия в исследуемых показателях. В результате корреляционного анализа были установлены взаимосвязи таких показателей как: «Управление окружающими» ($r=0,267$, $p\leq 0,01$) с показателем возраста матери, что говорит о том, что чем старше возраст матери, тем выше показатели по шкале управление окружающими и наоборот. «Шкала удовлетворенности жизнью» ($r=0,290$, $p\leq 0,05$) с показателем планирования беременности, что говорит о том, что чем более выражена удовлетворенность жизнью, тем менее свойственна для матерей не запланированная беременность и наоборот. «Духовный вектор» ($r= -0,272$, $p\leq 0,05$) с показателем планирования беременности, что говорит о том, что чем более выражен «Духовный вектор», тем менее свойственна матерям не запланированная беременность и наоборот. «Гуманистический вектор» ($r= -0,350$, $p\leq 0,01$) с показателем планирования беременности, что говорит о том, что чем более выражен «Гуманистический вектор», тем менее свойственна матерям не запланированная беременность и наоборот. «Общий показатель психологического здоровья» ($r= -0,280$, $p\leq 0,05$) с показателем планирования беременности, что говорит о том, что чем более выражен показатель общего психологического здоровья, тем менее свойственна матерям не запланированная беременность, и наоборот.

Для изучения специфики взаимосвязей показателей психологического благополучия, депрессии, удовлетворенности жизнью с психологическим здоровьем у матерей, также был выполнен корреляционный анализ Спирмена. В выборке матерей существуют взаимосвязи между показателями «Психологического благополучия», «Шкалы депрессии», «Шкалы удовлетворенности жизнью» с показателями «Психологического здоровья». Данный факт свидетельствует, о том, что, психологическое здоровье матерей связано с уровнем психологического благополучия, удовлетворенностью жизнью и отсутствием депрессии.

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы: матери, воспитывающие ребенка до трех лет, имеют средний уровень психологического благополучия, но можно отметить характерные для материнства заниженные показатели внешнего взаимодействия с окружением. В большинстве матери имеют высо-

кий и средний уровень удовлетворённости жизнью. Существует достаточно большой риск для возникновения депрессии в данной выборке, что может оказывать влияние на общее психологическое здоровье матерей. Матери с запланированной беременностью больше удовлетворены собственной жизнью, имеют более высокий уровень психологического здоровья. Течение беременности никак не отражается на уровне психологического здоровья.

Список литературы

1. Ананьев, В.А. Психология здоровья [Текст] / В.А. Ананьев, Г.С. Никифоров. – СПб.: Речь, 2006. – 384 с.
2. Бессонова, Ю.В. О структуре психологического благополучия [Текст] / Ю. В. Бессонова // Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. – С. 30-35.
3. Брутман, В. И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного материнства/ В. И. Брутман, А. Я. Варга, И. Ю. Хамитова// Психол. журн. – 2000. – № 2. – С. 79–88.
4. Волочков, А.А. Психологическое здоровье и активность студента [Текст] / А. А. Волочков // Вестник ПГГПУ. Серия 1. Психологические и педагогические науки. – 2014. – № 1. – С. 57-68.
5. Волочков, А.А. Структура психологического здоровья студентов [Текст] / А.А. Волочков, Е.В. Репина // Вестник ПГГПУ. Серия 1. Психология, 2016. – С. 38-51.
6. Дубровина, И.В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности [Текст] / И.В. Дубровина // Вестник практической психологии образования. – 2009. – № 3. – С. 17-21.
7. Филиппова, Г. Г. Материнство: сравнительно-психологический подход / Г. Г. Филиппова// Психол. журн. – 1999. – № 5.
8. Хухлаева, О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции [Текст] / О.В. Хухлаева. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
9. Шувалов, А.В. Психологическое здоровье человека [Текст] / А.В. Шувалов // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология, 2009. – № 4 (15). – С. 87-101.

Русских Ольга Александровна,
медицинский психолог
Пермский государственный медицинский университет имени Е. А.
Вагнера
г. Пермь
e-mail: OlgaRusskih2304@mail.ru

Бронников Владимир Анатольевич,
доктор медицинских наук, директор
Центр комплексной реабилитации инвалидов
г. Пермь
e-mail: info@rehabperm.ru

Первошиков Павел Викторович,
заведующий отделением
Городская клиническая больница № 4
г. Пермь
e-mail: paper197@rambler.ru

НАРУШЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ У ПАЦИЕНТОВ, ПРОХОДИВШИХ РЕАБИЛИТАЦИЮ ПОСЛЕ COVID-19

Аннотация. В статье рассмотрены нарушения эмоциональной сферы и когнитивных процессов у пациентов после перенесенной коронавирусной инфекции (Covid-19). Проанализированы данные имеющиеся в литературе, они соотнесены с полученными результатами на выборке пациентов, проходивших реабилитацию. Выделены основные психологические жалобы пациентов после перенесенной коронавирусной инфекции. Описаны частота встречаемости у данных пациентов тревоги, выявленной у 40% обследуемых, депрессии, диагностированной у 11%, когнитивных нарушений, характерных для 23% пациентов после Covid-19. Представлена оценка пациентами

качества своей жизни, и удовлетворенность своим актуальным состоянием.

Ключевые слова: психологическая диагностика, реабилитация, Covid-19, тревога, депрессия, когнитивные нарушения, качество жизни.

Russkikh Olga Aleksandrovna,

Clinical Psychologist

Perm State Medical University named after E.A. Wagner

Perm

e-mail: OlgaRusskikh2304@mail.ru

Bronnikov Vladimir Anatolevich,

Doctor of Medicine, director

Center for Comprehensive Rehabilitation of the Disabled

Perm

e-mail: info@rehabperm.ru

Perevoschikov Pavel Viktorovich,

head of department

Perm Clinical Hospital No. 4

Perm

e-mail: paper197@rambler.ru

COGNITIVE AND EMOTIONAL DISORDERS IN PATIENTS UNDERGOING REHABILITATION AFTER COVID-19

Abstract. the article deals with disorders of the emotional sphere and cognitive processes in patients after a coronavirus infection (Covid-19). The data available in the literature are analyzed, they are correlated with the results obtained in a sample of patients undergoing rehabilitation. The main psychological complaints of patients after a coronavirus infection are highlighted. The frequency of occurrence in these patients of anxiety, detected in 40% of the subjects, depression, diagnosed in 11%, cognitive impairment, characteristic of 23% of patients after Covid-19, is de-

scribed. The patients' assessment of their quality of life and satisfaction with their current state is presented.

Keywords: psychological diagnosis, rehabilitation, Covid-19, anxiety, depression, cognitive impairment, quality of life.

Пандемия коронавирусной инфекции оказалась серьезным испытанием для населения нашей планеты. Тяжелое течение заболевания и осложнения, постоянная информация о числе заболевших и умерших, страх заболеть, переживание за жизнь родных, карантинные ограничения, негативно отразились на эмоциональном состоянии и качестве жизни людей.

Согласно статистике, которую в разных странах ведут специалисты, занимающиеся изучением темы коронавируса, данное заболевание более чем у 40% лиц, перенесших коронавирус, вызывает следующие последствия:

- нарушения в работе сердечно-сосудистой системы (аритмия, тахикардия, гипертония);
- проблемы опорно-двигательного аппарата;
- психические нарушения и серьезные психологические проблемы [3].

К главным психологическим последствиям пандемии относятся повышенный уровень стресса и тревожность.

Важно понимать, что страх, беспокойство и тревога являются нормальными реакциями организма на сложные обстоятельства, которые человек не может самостоятельно контролировать. И чем больше он будет заострять свое внимание на том, что не находится под его контролем, тем сильнее будут становиться его тревожные ощущения.

В развитии тревожных и тревожно-депрессивных расстройств, опасность для человека несет не сама ситуация с коронавирусом, а отношение больного к ней [3].

Также есть данные о таких проявлениях стресса среди инфицированных пациентов, как дистрофия, нарушения сна, нарушения концентрации внимания, нарушения мышления [4].

В исследованиях описаны следующие нарушения: около 24% переболевших сталкиваются с проблемами, связанными с нервной системой, в том числе с психологическими и когнитивными.

Проблемы с памятью описываются у 18–21% перенесших ковид. У большинства проблемы с памятью сохраняются в течение шести недель, иногда дольше [5].

Трудности с концентрацией внимания распространены у 16% переболевших. У большинства проблемы с концентрацией внимания сохраняются в течение шести недель после выздоровления, иногда дольше [5].

Тревога и депрессия отмечаются у 22–23% пациентов, причем у женщин симптомы тяжелее и развиваются чаще, чем у мужчин. Постепенно состояние улучшается, но у некоторых пациентов симптомы сохраняются от шести недель до трех месяцев, иногда дольше [5].

Клиническая депрессия – не просто грусть и усталость, а серьезное заболевание, при котором нарушается регуляция работы мозга. Это состояние приводит к множеству эмоциональных и физических проблем, снижает работоспособность, может разрушить отношения в семье [5].

У многих пациентов жалобы на нарушения внимания, трудности запоминания, удержания в памяти той или иной информации, трудности ее воспроизведения, связаны не напрямую с нарушениями памяти, а с тем, что внимание человека, фиксированное на пережитом, не распространяется на настоящие события жизни, не может переключиться на текущие задачи и проблемы [2].

В исследовании приняли участие 101 пациент. Из них 29 мужчин и 82 женщины. Возраст испытуемых от 18 лет до 81 года. Все пациенты находились на втором этапе медицинской реабилитации в ГАУЗ ПК «ГКБ №4» города Перми. Период после перенесенного заболевания от нескольких дней до 6 недель.

Материалы и методы:

1. Наблюдение за пациентами и беседа с ними.
2. Методы нейропсихологической диагностики, разработанные А. Р. Лурия.
3. Количественные шкалы, принятые в учреждении и рекомендованные методическими рекомендациями:
  - 3.1. Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS) [1].
  - 3.2. Опросник качества жизни EQ-5D [1].

При беседе с пациентами наиболее частыми жалобами со стороны когнитивных процессов были следующие: замедленность при выполнении привычных умственных действий, трудности с концентрацией внимания, снижение памяти.

Со стороны эмоциональной сферы, пациенты отмечали следующие изменения: частую плаксивость, снижение настроения, безразличие ко многим интересовавшим их ранее делам, тревогу, страх смерти, боязнь оставаться одним дома, проблемы со сном.

По результатам проведенной диагностики были получены следующие результаты:

Нарушения в когнитивных процессах имели 23 пациента (23%), что совпадает с данными имеющимися у других исследователей. Среди обследуемых, данные нарушения выявлены у 16 женщин, что составило 16% от всех проходивших реабилитацию после COVID-19 и 7 мужчин, что составило 7% от всех обследуемых. Большую часть из них составили нарушения нейродинамических характеристик психической деятельности и внимания, которые диагностированы у 20 человек (20%), нарушения памяти были выявлены у 16 пациентов (16%). По выраженности преобладали легкие когнитивные нарушения, что составило 20 человек (20% от общего числа обследуемых).

Описание жалоб некоторых пациентов: «Сын, учащийся школы попросил проверить домашнее задание, а я в пределах двузначных чисел не могу выполнить арифметические действия». «Мне надо было позвонить на работу, а я не помню, как зовут начальника». «Работаю бухгалтером, смотрю на документы, которые мне отправили с работы, чтоб я посмотрела, а я не могу вникнуть в написанное». «У меня ощущение, что с головой что-то не так, трудно стало выполнять привычные интеллектуальные операции». «Стала рассеянной, появились трудности в профессиональной деятельности».

Стоит отметить, что часть пациентов, предъявляющих жалобы на нарушения памяти и внимания, при диагностике не имели когнитивных нарушений, но у них были эмоциональные нарушения, за счет чего пациенты с трудом выполняли привычную для них деятельность.

В эмоциональной сфере были получены следующие результаты: тревога диагностирована у 40 пациентов (40%), из них 16 человек (16%) с субклиническими проявлениями тревоги, 24 человека (24%) с клинически выраженной тревогой. Депрессия была диагностирована у 11 пациентов (11%), из них субклиническая у 3 пациентов (3%), клинические проявления депрессии диагностированы у 8 человек (8%). Среди мужчин и женщин данные распределились следующим образом: среди всех обследованных тревога диагностирова-

на у 35 женщин (35%) и 5 (5%) мужчин. Субклиническая тревога была выявлена у 12 женщин (12%) и 4 мужчин (4%), клиническая тревога выявлена у 23 женщин (23%) и 1 мужчины (1%). Депрессивные проявления выявлены у 8 женщин (8%) и 3 мужчин (3%). Субклинические проявления депрессии были диагностированы у 1 женщины (1%) и 2 мужчин (2%), клиническая депрессия была диагностирована у 7 женщин (7%) и 1 мужчины (1%). Данные полученные на пациентах отделения медицинской реабилитации, подтверждают данные имеющиеся у других исследователей, касающиеся наиболее частой встречаемости тревоги среди женщин. Однако, учитывая общие показатели по пациентам, проходившим реабилитацию, выявленные проблемы с эмоциональным состоянием превышают данные, описанные в других исследованиях.

Со стороны эмоциональной сферы можно привести следующие примеры жалоб: «Постоянно реву, нет вроде причины, но слезы просто льются». «Я не поехала никуда отдыхать, так как у меня страх, что вдруг что-то случится со мной на отдыхе». «Нарушился ночной сон, из-за страха закрыть глаза и умереть». «Хожу в маске и перчатках, так как очень боюсь снова заболеть». «Не могу спать по ночам, плохо засыпаю, ночью просыпаюсь, ощущение непонятного беспокойства».

Все выявленные нарушения снижали качество жизни пациентов. По данным опросника качества жизни EQ-5D основные проблемы у пациентов отмечались в снижении активности, продуктивности в привычной деятельности и эмоциональной сфере. Средний показатель удовлетворенностью своим состоянием у пациентов, проходивших реабилитацию, на момент первичной диагностики составил 66%.

Таким образом, из полученных данных видно, что перенесенный COVID-19 снижает качество жизни пациентов. Наиболее частые психологические проблемы после коронавируса связаны с нарушениями в эмоциональной сфере, основным из нарушений является повышенная тревога. Также после перенесенного коронавируса отмечаются нарушения со стороны когнитивных процессов, чаще всего проявляющиеся в снижении нейродинамики, нарушениях внимания и памяти.

Список литературы

1. Временные методические рекомендации «Медицинская реабилитация при новой коронавирусной инфекции (COVID 19). Версия от 21.05.2020 г., с обновлениями от 07.05.2021.
2. Соловьева Н.В., Макарова Е.В., Кичук И.В. «Коронавирусный синдром: профилактика психотравмы, вызванной COVID-19». «РМЖ» (Русский медицинский журнал) №9 от 26.06.2020. с. 18-22.
3. Ковид и психологические проблемы во время и после заболевания. Электронный ресурс: <https://mckorsakov.ru/novosti/994-kovid-i-psihologicheskie-problemy>. Дата обращения: 02.05.2021
4. Клинические особенности психических нарушений у больных с COVID-19. Электронный ресурс: <https://medqueen.com/otdyh-i-ozdorovlenie/psihologiya/psihologiya-statya/2424-psihicheskie-rasstroystva-pri-covid-19.html>. (дата обращения: 10.05.2021).
5. Проблемы с памятью и депрессия: 5 психоневрологических осложнений после ковида. Электронный ресурс. <https://journal.tinkoff.ru/list/covid-depression>. Дата обращения: 08.05.2021.

СОДЕРЖАНИЕ

Гурова О. В., Иванов А. И.,

К проблеме формирования психолого-педагогической компетентности руководителя органов внутренних дел 3

Солодухин А. В., Помешкина С. А., Ляпина И. Н., Яницкий М. С.,

Частота использования приложения по дистанционной реабилитации у пациентов, перенесших операцию на открытом сердце, в зависимости от особенностей внутренней картины болезни 11

Глинкина Л. С., Василенко В. Е.,

Выражение кризисных и стрессовых переживаний в отношении предпочтений типа компьютерных игр в раннем взрослом возрасте 17

Зеленова М. Е., Лекалов А. А., Лим В. С., Костенко Е. В.,

Стрессоустойчивость и индивидуально-типологические характеристики летчиков..... 22

Мухина Е. А., Полевая С. А.,

Развитие инструментальных методов для диагностики и оптимизации адаптационного потенциала у пациентов с острым нарушением мозгового кровообращения (ОНМК) 30

Ваишак М. Ю., Скруйбис П.,

Изменение рефлексивности в процессе экзистенциальной супервизии 36

Долгих А. А., Бергфельд А. Ю.,

Сравнение взаимосвязей когнитивной и эмоциональной оценки головной боли у пациентов, перенесших инсульт и лиц без инсульта в анамнезе 40

Князев В. А., Краснов А. В.,

Особенности связи компонентов рефлексии и коммуникативных способностей с суицидальным риском подростков 46

Терешкова А. Н.,

Взаимосвязь акцентуаций характера и креативности 52

Субботин Б. А., Взаимосвязь авторитаризма, веры в суеверия и отношения к прогрессу	57
Стряпунина Н. А., ...	66
Роль самопрезентации и самомониторинга в социальном восприятии пользователей социальной сети Instagram.....	66
Алдашева А. А., Рунец О. В., Роль доверия профессионала себе в безопасности профессиональной деятельности фельдшера скорой медицинской помощи	74
Кечатова О. А., Краснов А. В., Эмоциональный интеллект и выраженность невротических черт при разных типах рефлексии	80
Щипунова И. К., Самбикина О. С., Сравнительный анализ материнско-детских отношений и свойств личности старших дошкольников, имеющих разные типы привязанности к матери	90
Голубцова А. И., Некоторые аспекты состояния психологической безопасности уголовно-исполнительной системы	96
Пахомова Я. Н., Циринг Д. А., Миронченко М. Н., Совладающее поведение женщин с раком молочной железы, проживающих в промышленном мегаполисе и сельской местности	102
Пономарева И. В., Циринг Д. А., Обзор исследований психологических факторов течения онкологических заболеваний при различных локализациях	107
Азарных Т. Д., Посттравматические стрессы, вызванные смертью, как фактор формирования характера.....	112
Хлуденцова А. С., Организация психологической безопасности обучающихся в учреждениях дополнительного образования	117

Черткова Ю. Д., Зырянова Н. М., Гаджеты и интернет в жизни младшего школьника	124
Гурова О. В., Ежова Л. Х., К проблеме суицидального поведения в подростковом возрасте....	130
Малов А. Г., Умственная отсталость, сцепленная с X-хромосомой	135
Микова Е. М., Левченко Е. В., Переживание боли лицами от 14 до 24 лет с самоповреждающим поведением	145
Леготкина А. А., Продовикова А. Г., Образ реального и идеального дома в связи с уровнем удовлетворенности браком	153
Хатько Е. М., Василенко В. Е., Взаимосвязь креативности и игровой деятельности старших дошкольников	161
Баранова А. В., Игнатова Е. С., Совладание со страхом смерти посредством видеоигр	167
Манукян В. Р., Возрастная специфика психоэмоционального благополучия в период взрослости	178
Продовикова А. Г., Борисова С. Н., Образ тела и самоотношение у осужденных с бодимодификациями	183
Лузин А. А., Бячкова Н. Б., Особенности виктимного поведения в юношеском возрасте.....	190
Анфиногенова А. Е., Бергфельд А. Ю., Психологическое здоровье у матерей, воспитывающих ребенка до трех лет	197
Русских О. А., Бронников В. А., Перевощиков П. В., Нарушения когнитивных процессов и эмоциональной сферы у пациентов, проходивших реабилитацию после COVID-19	204

Научное издание

БУДУЩЕЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ – 2021
THE FUTURE OF CLINICAL PSYCHOLOGY – 2021

Материалы XV научно-практической конференции
(03–04 июня 2021 г.)

Выпуск 15

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов: *Ф. В. Дерши*

Объем данных 1,67 Мб
Подписано к использованию 06.09.2021

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15